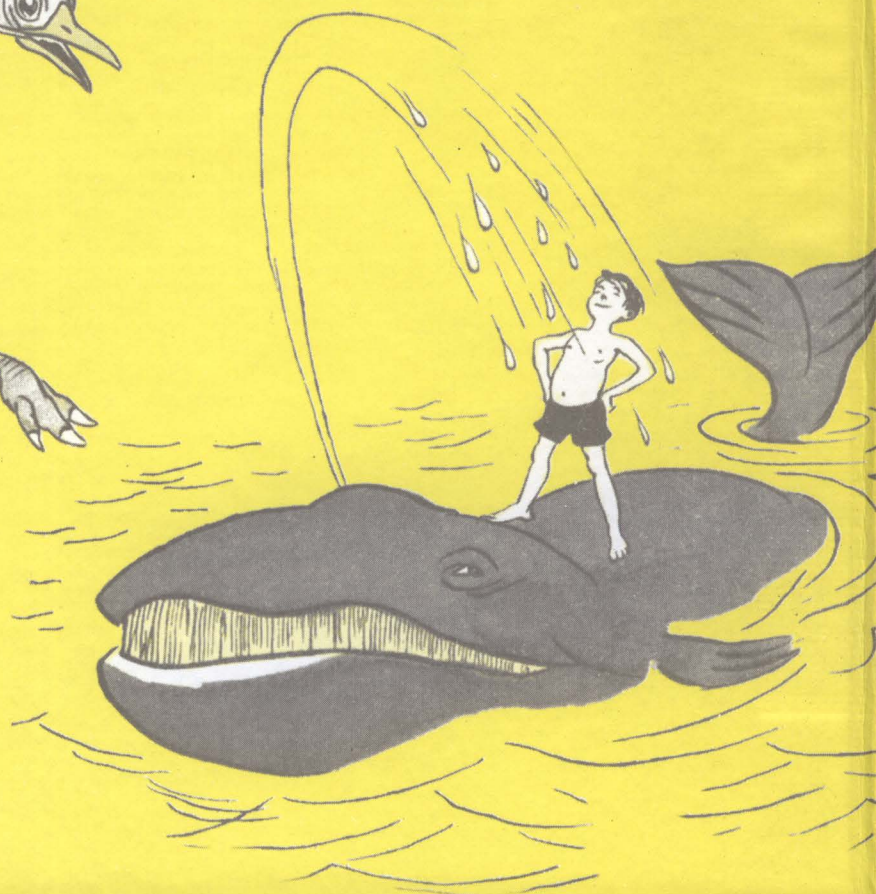
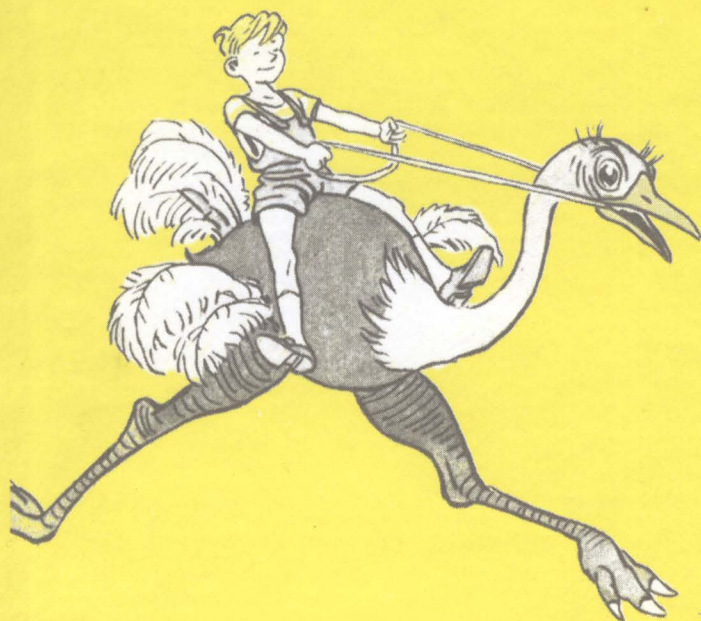
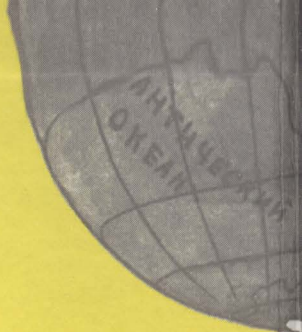
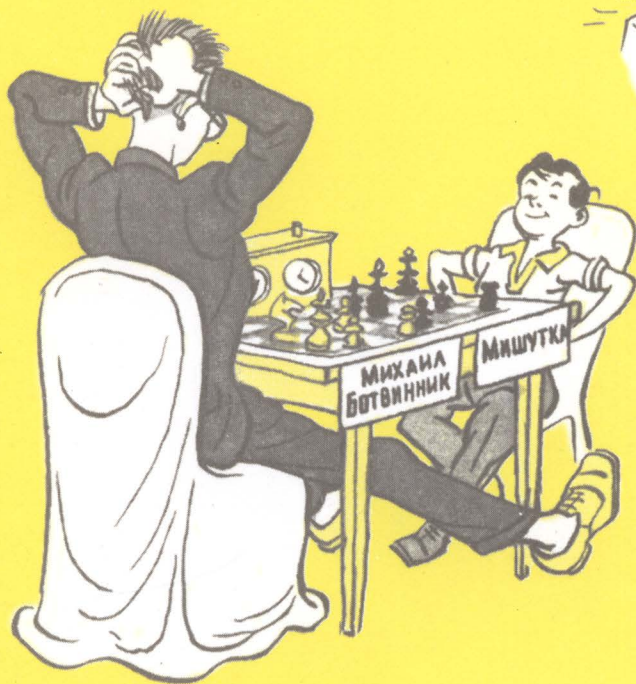
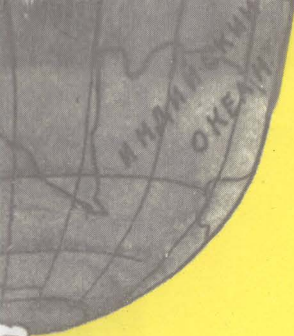

Н. Носов

МАЛЫШАМ

Н. Носов

МАЛЫШАМ

Издание И.П. Носова

Москва 2004

ДРОФА • ПЛЮС

Приключения Незнайки и его друзей

Роман-сказка

Глава первая

КОРОТЫШКИ ИЗ ЦВЕТОЧНОГО ГОРОДА

В одном сказочном городе жили коротышки. Коротышками их называли потому, что они были очень маленькие. Каждый коротышка был ростом с небольшой огурец. В городе у них было очень красиво. Вокруг каждого дома росли цветы: маргаритки, ромашки, одуванчики. Там даже улицы назывались именами цветов: улица Колокольчиков, аллея Ромашек, бульвар Васильков. А сам город назывался Цветочным городом. Он стоял на берегу ручья. Этот ручей коротышки называли Огурцовой рекой, потому что по берегам ручья росло много огурцов.

За рекой был лес. Коротышки делали из берёзовой коры лодочки, переплывали через реку и ходили в лес за ягодами, за грибами, за орехами. Собирать ягоды было трудно, потому что коротышки ведь были крошечные, а за орехами и вовсе приходилось лазить на высокий куст да ещё тащить с собой пилу. Ни один коротышка не смог бы сорвать орех руками — их надо было пилить пилой. Грибы тоже пилили пилой. Спилят гриб под самый корень, потом распилят его на части и тащат по кусочкам домой.

Коротышки были неодинаковые: одни из них назывались малышами, а другие — малышками. Малыши всегда ходили либо в длинных брюках навыпуск, либо

в коротеньких штанишках на помочах, а малышки любили носить платица из пёстренькой, яркой материи. Малыши не любили возиться со своими причёсками, и поэтому волосы у них всегда были короткие, стриженные, а у малышек волосы были длинные. Они очень любили делать разные красивые причёски, волосы заплетали в длинные косы и в косы вплетали ленточки, а на голове носили бантики. Многие малыши очень гордились тем, что они малыши, и совсем почти не дружили с малышками. А малышки гордились тем, что они малышки, и тоже не хотели дружить с малышами. Если какая-нибудь малышка встречала на улице малыша, то, завидев его издали, сейчас же переходила на другую сторону улицы. И хорошо делала, потому что среди малышей часто попадались такие, которые не могли спокойно пройти мимо малышки, а обязательно скажут ей что-нибудь обидное, даже толкнут или, ещё того хуже, за косу дёрнут. Конечно, не все малыши были такие, но ведь этого на лбу у них не написано, поэтому малышки считали, что лучше заранее перейти на другую сторону улицы и не попадаться навстречу. За это многие малыши называли малышей воображульками — придумают же такое слово! — а многие малышки называли малышей забияками и другими обидными прозвищами.

Некоторые читатели сразу скажут, что всё это, наверно, выдумки, что в жизни таких малышей не бывает. Но никто ведь и не говорит, что они в жизни бывают. В жизни — это одно, а в сказочном городе — совсем другое. В сказочном городе всё бывает.

В одном домике на улице Колокольчиков жило шестнадцать малышей-коротышей. Самым главным из них

был малыш-коротыш, по имени Знайка. Его прозвали Знайкой за то, что он знал очень много. А знал он много потому, что читал разные книги. Эти книги лежали у него и на столе, и под столом, и на кровати, и под кроватью. В его комнате не было такого места, где бы не лежали книги. От чтения книг Знайка сделался очень умным. Поэтому все его слушались и очень любили. Одевался он всегда в чёрный костюм, а когда садился за стол, надевал на нос очки и начинал читать какую-нибудь книгу, то совсем становился похож на профессора.

В этом же домике жил известный доктор Пилюлькин, который лечил коротышек от всех болезней. Он всегда ходил в белом халате, а на голове носил белый колпак с кисточкой. Жил здесь также знаменитый механик Винтик со своим помощником Шпунтиком; жил Сахарин Сахариныч Сиропчик, который прославился тем, что очень любил газированную воду с сиропом. Он был очень вежливый. Ему нравилось, когда его называли по имени и отчеству, и не нравилось, когда кто-нибудь называл его просто Сиропчиком. Жил ещё в этом доме охотник Пулька. У него была маленькая собачка Булька, и ещё было ружьё, которое стреляло пробками. Жил художник Тюбик, музыкант Гуся и другие малыши: Торопыжка, Ворчун, Молчун, Пончик, Растеряйка, два брата — Аванька и Небоська. Но самым известным среди них был малыш, по имени Незнайка. Его прозвали Незнайкой за то, что он ничего не знал.

Этот Незнайка носил яркую голубую шляпу, жёлтые, канареечные брюки и оранжевую рубашку с зелёным галстуком. Он вообще любил яркие краски. Нарядившись

таким попугаем, Незнайка по целым дням слонялся по городу, сочинял разные небылицы и всем рассказывал. Кроме того, он постоянно обижал малышей. Поэтому малышки, заведя издали его оранжевую рубашку, сейчас же поворачивали в обратную сторону и прятались по домам. У Незнайки был друг, по имени Гунька, который жил на улице Маргариток. С Гунькой Незнайка мог болтать по целым часам. Они двадцать раз на день ссорились между собой и двадцать раз на день мирились.

В особенности Незнайка прославился после одной истории.

Однажды он гулял по городу и забрёл в поле. Вокруг не было ни души. В это время летел майский жук. Он сослепу налетел на Незнайку и ударил его по затылку. Незнайка кубарем покатился на землю. Жук в ту же минуту улетел и скрылся вдали. Незнайка вскочил, стал оглядываться по сторонам и смотреть, кто это его ударил. Но кругом никого не было.

«Кто же это меня ударил? — думал Незнайка. — Может быть, сверху упало что-нибудь?»

Он задрал голову и поглядел вверх, но сверху тоже ничего не было. Только солнце ярко сияло над головой у Незнайки.

«Значит, это на меня с солнца что-то свалилось, — решил Незнайка. — Наверно, от солнца оторвался кусок и ударил меня по голове».

Он пошёл домой и встретил знакомого, которого звали Стекляшкин.

Этот Стекляшкин был знаменитый астроном. Он умел делать из осколков битых бутылок увеличительные стёкла. Когда он смотрел в увеличительные стёкла на

разные предметы, то предметы казались больше. Из нескольких таких увеличительных стёкол Стекляшкин сделал большую подзорную трубу, в которую можно было смотреть на луну и на звёзды. Таким образом он сделался астрономом.

— Слушай, Стекляшкин, — сказал ему Незнайка. — Ты понимаешь, какая история вышла: от солнца оторвался кусок и ударил меня по голове.

— Что ты, Незнайка! — засмеялся Стекляшкин. — Если бы от солнца оторвался кусок, он раздавил бы тебя в лепёшку. Солнце ведь очень большое. Оно больше всей нашей Земли.

— Не может быть, — ответил Незнайка. — По-моему, солнце не больше тарелки.

— Нам только так кажется, потому что солнце очень далеко от нас. Солнце — огромный раскалённый шар. Это я в свою трубу видел. Если бы от солнца оторвался хоть маленький кусочек, то он разрушил бы весь наш город.

— Ишь ты! — ответил Незнайка. — А я и не знал, что солнце такое большое. Пойду-ка расскажу нашим — может быть, они ещё не слыхали про это. А ты всё-таки посмотри на солнце в свою трубу: вдруг оно на самом деле щербатое!

Незнайка пошёл домой и всем, кто по дороге встречался, рассказывал:

— Братцы, вы знаете, какое солнце? Оно больше всей нашей Земли. Вот оно какое! И вот, братцы, от солнца оторвался кусок и летит прямо к нам. Скоро он упадёт и всех нас задавит. Ужас что будет! Вот пойдите спросите Стекляшкина.

Все смеялись, так как знали, что Незнайка — болтун. А Незнайка побежал во всю прыть домой и давай кричать:

— Братцы, спасайся! Кусок летит!

— Какой кусок? — спрашивают его.

— Кусок, братцы! От солнца оторвался кусок. Скоро шлёпнется — и всем будет крышка. Знаете, какое солнце? Оно больше всей нашей Земли!

— Что ты выдумываешь!

— Ничего я не выдумываю. Это Стекляшкин сказал. Он в свою трубу видел.

Все выбежали во двор и стали смотреть на солнце. Смотрели, смотрели, пока из глаз не потекли слёзы. Всем сослепу стало казаться, будто солнце на самом деле щербатое. А Незнайка кричал:

— Спасайся кто может! Беда!

Все стали хватать свои вещи. Тюбик схватил свои краски и кисточку, Гуся — свои музыкальные инструменты: и скрипку, и балалайку, и медную трубу. Доктор Пилюлькин метался по всему дому и разыскивал походную аптечку, которая где-то затерялась. Пончик схватил калоши и зонтик и уже выбежал за ворота, но тут раздался голос Знайки:

— Успокойтесь, братцы! Ничего страшного нет. Разве вы не знаете, что Незнайка — болтун? Всё это он выдумал.

— Выдумал? — закричал Незнайка. — Вот пойдите спросите Стекляшкина.

Все побежали к Стекляшкину, и тогда выяснилось, что Незнайка на самом деле всё сочинил. Ну и смеху тут было! Все смеялись над Незнайкой и говорили:

— Удивляемся, как это мы тебе поверили!

— А я будто не удивляюсь! — ответил Незнайка. — Я ведь и сам поверил.

Вот какой чудной был этот Незнайка!

Глава вторая

КАК НЕЗНАЙКА БЫЛ МУЗЫКАНТОМ

Если Незнайка брался за какое-нибудь дело, то делал его не так, как надо, и всё у него получалось шиворот-навыворот. Читать он выучился только по складам, а писать умел только печатными буквами. Многие говорили, будто у Незнайки совсем пустая голова, но это неправда, потому что как бы он мог тогда соображать? Конечно, он соображал плохо, но ботинки надевал на ноги, а не на голову, — на это ведь тоже соображение надо.

Незнайка был не такой уж скверный. Он очень хотел чему-нибудь научиться, но не любил трудиться. Ему хотелось выучиться сразу, без всякого труда, а из этого, конечно, даже у самого умного коротышки ничего не могло получиться.

Малыши и малышки очень любили музыку, а Гуслия был замечательный музыкант. У него были разные музыкальные инструменты, и он часто играл на них. Все слушали музыку и очень хвалили. Незнайке было завидно, что хвалят Гуслию, вот он и стал просить его:

— Научи меня играть. Я тоже хочу быть музыкантом.

— Учись, — согласился Гуся. — На чём ты хочешь играть?

— А на чём легче всего выучиться?

— На балалайке.

— Ну, давай сюда балалайку, я попробую.

Гуся дал ему балалайку. Незнайка забренчал на струнах. Потом говорит:

— Нет, балалайка слишком тихо играет. Дай что-нибудь другое, погромче.

Гуся дал ему скрипку. Незнайка принялся пикиать смычком по струнам и сказал:

— А ещё громче ничего нет?

— Ещё труба есть, — ответил Гуся.

— Давай-ка её сюда, попробуем.

Гуся дал ему большую медную трубу. Незнайка как подует в неё, труба как заревёт!

— Вот это хороший инструмент! — обрадовался Незнайка. — Громко играет!

— Ну, учись на трубе, если тебе нравится, — согласился Гуся.

— А зачем мне учиться? Я и так умею, — ответил Незнайка.

— Да нет, ты ещё не умеешь.

— Умею, умею! Вот послушай! — закричал Незнайка и принялся изо всех сил дуть в трубу: — Бу-бу-бу! Гу-гу-гу-у!

— Ты просто трубишь, а не играешь, — ответил Гуся.

— Как — не играю? — обиделся Незнайка. — Очень даже хорошо играю. Громко!

— Эх, ты! Тут дело не в том, чтоб было громко. Надо, чтоб было красиво.

— Так у меня ведь и получается красиво.

— И совсем не красиво, — сказал Гуся. — Ты, я вижу, совсем не способен к музыке.

— Это ты не способен! — рассердился Незнайка. — Ты просто из зависти так говоришь. Тебе хочется, чтобы тебя одного слушали и хвалили.

— Ничего подобного, — сказал Гуся. — Бери трубу и играй сколько хочешь, если считаешь, что не нужно учиться. Пусть и тебя хвалят.

— Ну и буду играть! — ответил Незнайка.

Он принялся дуть в трубу, а так как играть он не умел, то труба у него и ревела, и хрипела, и визжала, и хрюкала. Гуся слушал, слушал... Наконец ему надоело. Он надел свою бархатную тужурку, нацепил на шею розовый бантик, который носил вместо галстука, и ушёл в гости.

Вечером, когда все малыши собрались дома, Незнайка снова взялся за трубу и принялся дуть в неё:

— Бу-бу-бу-у! Ду-ду-ду-у!

— Что за шум? — закричали все.

— Это не шум, — ответил Незнайка. — Это я играю.

— Перестань сейчас же! — закричал Знайка. — От твоей музыки уши болят!

— Это потому, что ты к моей музыке ещё не привык. Вот привыкнешь — и уши не станут болеть.

— А я и не хочу привыкать. Очень мне нужно!

Но Незнайка не слушал его и продолжал играть:

— Бу-бу-бу! Хр-р-р! Хр-р-р! Виу! Виу!

— Да перестань ты! — набросились на него все малыши. — Уходи отсюда со своей противной трубой!

— Куда же мне уходить?

— Иди в поле да там и играй.

— Так в поле ведь некому будет слушать.

— А тебе обязательно надо, чтоб кто-нибудь слушал?

— Обязательно.

— Ну, иди на улицу — там тебя соседи услышат.

Незнайка пошёл на улицу и стал играть возле соседнего дома, но соседи попросили его не шуметь под окнами. Тогда он пошёл к другому дому — его и оттуда прогнали. Он пошёл к третьему дому — его стали и оттуда гнать, а он решил им назло играть и играть. Соседи рассердились, выбежали из дома и погнались за ним. Насилу он убежал от них со своей трубой.

С тех пор Незнайка перестал играть на трубе.

— Моей музыки не понимают, — говорил он. — Ещё не доросли до моей музыки. Вот когда дорастут — сами попросят, да поздно будет. Не стану больше играть.

Глава третья

КАК НЕЗНАЙКА БЫЛ ХУДОЖНИКОМ

Тюбик был очень хороший художник. Одевался он всегда в длинную блузу, которую называл «балахон». Стоило посмотреть на Тюбика, когда он, нарядившись в свой балахон и откинув назад свои длинные волосы, стоял перед мольбертом с палитрой в руках. Каждый сразу видел, что перед ним настоящий художник.

После того как никто не захотел слушать Незнайкину музыку, он решил сделаться художником. Пришёл он к Тюбику и говорит:

— Слушай, Тюбик, я тоже решил стать художником. Дай мне каких-нибудь красок и кисточку.

Тюбик был вовсе не жадный, он подарил Незнайке свои старые краски и кисточку. В это время к Незнайке пришёл его друг Гунька. Незнайка говорит:

— Садись, Гунька, сейчас я тебя рисовать буду.

Гунька обрадовался, сел поскорее на стул, и Незнайка принялся его рисовать. Ему хотелось изобразить Гуньку покрасивее — вот он и нарисовал ему красный нос, зелёные уши, синие губы и оранжевые глаза. Гуньке хотелось поскорей увидеть свой портрет. От нетерпения он не мог усидеть спокойно на стуле и всё время вертелся.

— Не вертись, не вертись, — говорил ему Незнайка, — а то непохоже получится.

— А сейчас получается похоже? — спросил Гунька.

— Очень похоже, — ответил Незнайка и пририсовал ему фиолетовой краской усы.

— Ну-ка, покажи, что получилось! — попросил Гунька, когда Незнайка окончил портрет.

Незнайка показал.

— Да разве я такой? — закричал Гунька в испуге.

— Конечно, такой. Какой же ещё?

— А усы зачем нарисовал? У меня ведь усов нету.

— Ну, вырастут когда-нибудь.

— А нос почему красный?

— Это чтоб было красивее.

— А волосы почему голубые? Разве у меня голубые волосы?

— Голубые, — ответил Незнайка. — Но если тебе не нравится, я могу сделать зелёные.

— Нет, это плохой портрет, — сказал Гунька. — Дай я его порву.

— Зачем же уничтожать художественное произведение? — ответил Незнайка.

Гунька хотел отнять у него портрет, и они принялись драться. На шум прибежали Знайка, доктор Пилюлькин и остальные малыши.

— Вы чего дерётесь? — спрашивают.

— Вот, — закричал Гунька, — рассудите вы нас: скажите, кто здесь нарисован? Правда, это не я?

— Конечно, не ты, — ответили малыши. — Тут какое-то пугало огородное нарисовано.

Незнайка говорит:

— Вы не догадались потому, что здесь подписи нет. Я сейчас подпишу, и всё будет понятно.

Он взял карандаш и подписал под портретом печатными буквами: «ГУНЬКА». Потом повесил портрет на стене и сказал:

— Пусть висит. Все могут смотреть, никому не запрещается.

— Всё равно, — сказал Гунька, — когда ты ляжешь спать, я приду и уничтожу этот портрет.

— А я ночью не лягу спать и буду стеречь.

Гунька обиделся и ушёл домой, а Незнайка на самом деле не лёг вечером спать.

Когда все уснули, он взял краски и принялся всех рисовать. Пончика нарисовал таким толстым, что он

даже не поместился на портрете. Торопыжку нарисовал на тоненьких ножках, а сзади зачем-то пририсовал ему собачий хвост. Охотника Пульку изобразил верхом на Бульке. Доктору Пилюлькину вместо носа нарисовал градусник. Знайке неизвестно для чего нарисовал ослиные уши. Словом, всех изобразил в смешном и нелепом виде.

К утру он развесил эти портреты на стенах и сделал под ними надписи, так что получилась целая выставка.

Первый проснулся доктор Пилюлькин. Он увидел на стене портреты и стал смеяться. Они ему так понравились, что он даже нацепил на нос пенсне и стал рассматривать портреты очень внимательно. Он подходил к каждому портрету и долго смеялся.

— Молодец, Незнайка! — говорил доктор Пилюлькин. — Никогда в жизни я так не смеялся!

Наконец он остановился возле своего портрета и строго спросил:

— А это кто? Неужели это я? Нет, это не я. Это очень плохой портрет. Ты лучше сними его.

— Зачем снимать? Пусть повисит, — ответил Незнайка.

Доктор Пилюлькин обиделся и сказал:

— Ты, Незнайка, видно, больной. У тебя что-то с глазами случилось. Когда это ты видел, чтобы у меня вместо носа был градусник? Придётся тебе на ночь касторки дать.

Незнайка очень не любил касторку. Он испугался и говорит:

— Нет-нет! Теперь я сам вижу, что портрет плохой.

Он снял со стены портрет Пилюлькина и порвал его.

Вслед за Пилюлькиным проснулся охотник Пулька. И ему портреты понравились. Он чуть не лопнул со смеху, глядя на них. А потом он увидел свой портрет, и настроение у него сразу испортилось.

— Это плохой портрет, — сказал он. — Не похож на меня. Ты сними его, а то я не буду тебя с собой на охоту брать.

Пришлось Незнайке и охотника Пульку со стены снять.

Так было со всеми. Всем нравились портреты других, а свои не нравились.

Самым последним проснулся Тюбик, который, по обыкновению, спал дольше всех. Когда он увидел на стене свой портрет, то страшно рассердился и сказал, что это не портрет, а бездарная, антихудожественная мазня. Потом он сорвал со стены портрет и отнял у Незнайки краски и кисточку.

На стене остался один Гунькин портрет. Незнайка снял его и пошёл к своему другу.

— Хочешь, Гунька, я подарю тебе твой портрет? А ты за это со мной помиришься, — предложил Незнайка.

Гунька взял портрет, порвал его на кусочки и сказал:

— Ладно, мир. Только если ещё хоть раз нарисуешь, ни за что не стану мириться.

— А я никогда больше не буду рисовать, — ответил Незнайка. — Рисуешь, рисуешь, а никто даже спасибо не скажет, все только ругаются. Не желаю больше художником быть.

КАК НЕЗНАЙКА СОЧИНЯЛ СТИХИ

После того как из Незнайки не получилось художника, он решил сделаться поэтом и сочинять стихи. У него был знакомый поэт, который жил на улице Одуванчиков. Этого поэта по-настоящему звали Пудиком, но, как известно, все поэты очень любят красивые имена. Поэтому, когда Пудик начал писать стихи, он выбрал себе другое имя и стал называться Цветиком.

Однажды Незнайка пришёл к Цветику и сказал:

— Слушай, Цветик, научи меня сочинять стихи.

Я тоже хочу быть поэтом.

— А у тебя способности есть? — спросил Цветик.

— Конечно, есть. Я очень способный, — ответил Незнайка.

— Это надо проверить, — сказал Цветик. — Ты знаешь, что такое рифма?

— Рифма? Нет, не знаю.

— Рифма — это когда два слова оканчиваются одинаково, — объяснил Цветик. — Например: утка — шутка, коржик — моржик. Понял?

— Понял.

— Ну, скажи рифму на слово «палка».

— Селёдка, — ответил Незнайка.

— Какая же это рифма: палка — селёдка? Никакой рифмы нет в этих словах.

— Почему нет? Они ведь оканчиваются одинаково.

— Этого мало, — сказал Цветик. — Надо, чтобы слова были похожи так, чтобы получилось складно.

Вот послушай: палка — галка, печка — свечка, книжка — шишка.

— Понял, понял! — закричал Незнайка. — Палка — галка, печка — свечка, книжка — шишка! Вот здорово! Ха-ха-ха!

— Ну, придумай рифму на слово «пакля», — сказал Цветик.

— Шмакля, — ответил Незнайка.

— Какая шмакля? Разве есть такое слово?

— А разве нету?

— Конечно, нет.

— Ну, тогда рвакля.

— Что это за рвакля такая? — снова удивился Цветик.

— Ну, это когда рвут что-нибудь, вот и получается рвакля, — объяснил Незнайка.

— Врёшь ты всё, — сказал Цветик, — такого слова не бывает. Надо подбирать такие слова, которые бывают, а не выдумывать.

— А если я не могу подобрать другого слова?

— Значит, у тебя нет способностей к поэзии.

— Ну, тогда придумай сам, какая тут рифма, — ответил Незнайка.

— Сейчас, — согласился Цветик.

Он остановился посреди комнаты, сложил на груди руки, голову наклонил набок и стал думать. Потом поднял голову кверху и стал думать, глядя на потолок. Потом ухватился руками за собственный подбородок и стал думать, глядя на пол. Проделав всё это, он стал бродить по комнате и потихоньку бормотал про себя:

— Пакля — бакля, вакля, гакля, дакля, макля. — Он

долго так бормотал, потом сказал: — Тьфу! Это какое-то слово без рифмы.

— Ну вот! — обрадовался Незнайка. — Сам задаёт такие слова, на которые нет рифмы, и ещё говорит, что я неспособный.

— Ну, способный, способный, только отстань! — сказал Цветик. — У меня уже голова разболелась. Сочиняй так, чтобы был смысл и рифма, вот тебе и стихи.

— Неужели это так просто? — удивился Незнайка.

— Конечно, просто. Главное — это способности иметь.

Незнайка пришёл домой и сразу принялся сочинять стихи. Целый день он ходил по комнате, глядел то на пол, то на потолок, держался руками за подбородок и что-то бормотал про себя.

Наконец стихи были готовы, и он сказал:

— Послушайте, братцы, какие я стихи сочинил.

— Ну-ка, ну-ка, про что же эти стихи? — заинтересовались все.

— Это я про вас сочинил, — признался Незнайка. — Вот, сначала стихи про Знайку:

Знайка шёл гулять на речку,
Перепрыгнул через овечку.

— Что? — закричал Знайка. — Когда это я прыгал через овечку?

— Ну, это только в стихах так говорится, для рифмы, — объяснил Незнайка.

— Так ты из-за рифмы будешь на меня всякую неправду сочинять? — вскипел Знайка.

— Конечно, — ответил Незнайка. — Зачем же мне сочинять правду? Правду и сочинять нечего, она и так есть.

— Вот попробуй ещё, так узнаешь! — пригрозил Знайка. — Ну-ка, что ты там про других сочинил?

— Вот послушайте про Торопыжку, — сказал Незнайка.

Торопыжка был голодный,
Проглотил утюг холодный.

— Братцы! — закричал Торопыжка. — Что он про меня сочиняет? Никакого холодного утюга я не глотал.

— Да ты не кричи, — ответил Незнайка. — Это я просто для рифмы сказал, что утюг был холодный.

— Я ведь никакого утюга не глотал: ни холодного, ни горячего! — кричал Торопыжка.

— А я и не говорю, что ты проглотил горячий, так что можешь успокоиться, — ответил Незнайка. — Вот послушайте стихи про Авоську:

У Авоськи под подушкой
Лежит сладкая ватрушка.

Авоська подошёл к своей кровати, заглянул под подушку и сказал:

— Враки! Никакой ватрушки тут не лежит.

— Ты ничего не понимаешь в поэзии, — ответил Незнайка. — Это только для рифмы так говорится, что лежит, а на самом деле не лежит. Вот я ещё про Пилюлькина сочинил.

— Братцы, — закричал доктор Пилюлькин. — Надо

прекратить это издевательство! Неужели мы будем спокойно слушать, что он врёт тут про всех?

— Довольно! — закричали все. — Мы не хотим больше слушать! Это не стихи, а какие-то дразнилки.

Только Знайка, Торопыжка и Авосяка кричали:

— Пусть читает! Раз он про нас прочитал, так и про других пусть читает!

— Не надо! Мы не хотим! — кричали остальные.

— Ну, раз вы не хотите, то я пойду почитаю соседям, — сказал Незнайка.

— Что? — закричали тут все. — Ты ещё пойдёшь перед соседями нас срамить? Попробуй только! Можешь тогда и домой не возвращаться.

— Ну ладно, братцы, не буду, — согласился Незнайка. — Только вы уж не сердитесь на меня.

С тех пор Незнайка решил больше не сочинять стихов.

Глава пятая

КАК НЕЗНАЙКА КАТАЛСЯ НА ГАЗИРОВАННОМ АВТОМОБИЛЕ

Механик Винтик и его помощник Шпунтик были очень хорошие мастера. Они были похожи друг на друга, только Винтик был чуточку повыше, а Шпунтик чуточку пониже ростом. Оба ходили в кожаных куртках. Из карманов их курток вечно торчали гаечные ключи, клещи, напильники и другие железные инструменты. Если бы куртки были не кожаные, то карманы давно

оторвались бы. Шапки у них были тоже кожаные, с очками-консервами. Эти очки они надевали во время работы, чтобы не запорошить глаза.

Винтик и Шпунтик по целым дням сидели у себя в мастерской и чинили примусы, кастрюли, чайники, сковородки, а когда нечего было чинить, делали трёхколёсные велосипеды и самокаты для коротышек.

Однажды Винтик и Шпунтик никому ничего не сказали, закрылись у себя в мастерской и стали что-то мастерить. Целый месяц они пилили, строгали, клепали, паяли и никому ничего не показывали, а когда месяц прошёл, то оказалось, что они сделали автомобиль.

Этот автомобиль работал на газированной воде с сиропом. Посреди машины было устроено сиденье для водителя, а перед ним помещался бак с газированной водой. Газ из бака проходил по трубке в медный цилиндр и толкал железный поршень.

Железный поршень под напором газа ходил то туда, то сюда и вертел колёса. Вверху над сиденьем была приделана банка с сиропом. Сироп по трубке протекал в бак и служил для смазки механизма.

Такие газированные автомобили были очень распространены среди коротышек. Но в автомобиле, который соорудили Винтик и Шпунтик, имелось одно очень важное усовершенствование: сбоку к баку была приделана гибкая резиновая трубка с краником, для того чтобы можно было попить газированной воды на ходу, не останавливая машины.

Торопыжка научился управлять этим автомобилем, и, если кому-нибудь хотелось покататься, Торопыжка катал и никому не отказывал.

Больше всех любил кататься на автомобиле Сиропчик, так как во время поездки он мог пить сколько угодно газированной воды с сиропом. Незнайка тоже любил кататься на автомобиле, и Торопыжка часто его катал. Но Незнайке захотелось самому научиться управлять автомобилем, и он стал просить Торопыжку:

— Дай мне поездить на автомобиле. Я тоже хочу научиться управлять.

— Ты не сумеешь, — сказал Торопыжка. — Это ведь машина. Тут понимать надо.

— Чего тут ещё понимать! — ответил Незнайка. — Я видел, как ты управляешь. Дёргай за ручки да верти руль. Всё просто.

— Это только кажется, что просто, а на самом деле трудно. Ты и сам убьёшься, и автомобиль разобьёшь.

— Ну ладно, Торопыжка! — обиделся Незнайка. — Попросишь ты у меня что-нибудь, я тоже тебе не дам.

Однажды, когда Торопыжки не было дома, Незнайка забрался в автомобиль, который стоял во дворе, и стал дёргать за рычаги и нажимать педали. Сначала у него ничего не получалось, потом вдруг машина зафыркала и поехала. Коротышки увидели это в окно и выбежали из дома.

— Что ты делаешь? — закричали они. — Убьёшься!

— Не убьюсь, — ответил Незнайка и тут же наехал на собачью будку, которая стояла посреди двора.

Трах-трах! Будка рассыпалась в щепки. Хорошо ещё, что Булька успел выскочить, а то Незнайка и его раздавил бы.

— Вот видишь, что ты наделал! — закричал Знайка. — Остановись сейчас же!

Незнайка испугался, хотел остановить машину и потянул какой-то рычаг. Но машина, вместо того чтобы остановиться, поехала ещё быстрее. На дороге попалась беседка. Трах-та-ра-рах! Беседка рассыпалась на кусочки. Незнайку с ног до головы забросало щепками. Одной доской его зацепило по спине, другой треснуло по затылку. Незнайка ухватился за руль и давай поворачивать. Автомобиль носится по двору, а Незнайка кричит во всё горло:

— Братцы, откройте скорее ворота, а то я тут всё во дворе переломаю!

Коротышки открыли ворота, Незнайка выехал со двора и помчался по улице. Услышав шум, со всех дворов выбегали коротышки.

— Берегись! — кричал им Незнайка и мчался вперёд.

Знайка, Авоська, Винтик, доктор Пилюлькин и другие коротышки бежали за ним. Но где там! Они не могли его догнать.

Незнайка колесил по всему городу и не знал, как остановить машину. Наконец машина подъехала к реке, свалилась с обрыва и кубарем покатила вниз. Незнайка вывалился из неё и остался лежать

на берегу, а газированный автомобиль упал в воду и утонул.

Знайка, Авоська, Винтик и доктор Пилюлькин схватили Незнайку и понесли домой. Все думали, что он уже мёртвый.

Дома его положили на кровать, и только тут Незнайка открыл глаза. Он поглядел по сторонам и спросил:

— Братцы, я ещё живой?

— Живой, живой, — ответил доктор Пилюлькин. — Только, пожалуйста, лежи спокойно, мне тебя осмотреть надо.

Он раздел Незнайку и стал осматривать. Потом сказал:

— Удивительно! Все кости целы, только ушибы есть да заноз несколько.

— Это я за доску спиной зацепился, — сказал Незнайка.

— Придётся вытаскивать занозы, — покачал головой Пилюлькин.

— А это больно? — испугался Незнайка.

— Нет, ничуть. Вот дай-ка я сейчас самую большую вытащу.

— А-а-а! — закричал Незнайка.

— Что ты? Разве больно? — удивился Пилюлькин.

— Конечно, больно!

— Ну, потерпи, потерпи. Это тебе только так кажется.

— Нет, не кажется! Ай-ай-ай!

— Ну что ты кричишь, будто я тебя режу? Я ведь тебя не режу.

— Больно! Сам говорил, что не больно, а теперь больно!

— Ну, тише, тише. Одну занозу осталось вытащить.

— Ай, не надо! Не надо! Лучше я с занозой буду.

— Нельзя, нарываться станет.

— Уй-уй-уй!

— Ну, всё уже. Теперь только йодом надо помазать.

— А это больно?

— Нет, йодом — это не больно. Лежи смирно.

— А-а-а!

— Не ори, не ори! На машине кататься любишь, а потерпеть немножко не любишь!

— Ай! Жжёт как!

— Пожжёт и перестанет. Сейчас я тебе градусник поставлю.

— Ой, не надо градусник! Не надо!

— Почему?

— Больно будет!

— Да градусник — это не больно.

— Ты всё говоришь — не больно, а потом больно.

— Вот чудак! Разве я тебе никогда градусника не ставил?

— Никогда.

— Ну, вот теперь ты увидишь, что это не больно, — сказал Пилюлькин и ушёл за градусником.

Незнайка вскочил с кровати, выпрыгнул в открытое окно и убежал к своему другу Гуньке. Доктор Пилюлькин вернулся с градусником, смотрит — Незнайки нет.

— Вот и лечи такого больного! — проворчал Пилюлькин. — Его лечишь, лечишь, а он выпрыгнет в окошко и убежит. Куда это годится!

КАК ЗНАЙКА ПРИДУМАЛ ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Знайка, который очень любил читать, начитался в книжках о дальних странах и разных путешествиях. Часто, когда вечером нечего было делать, он рассказывал своим друзьям о том, что читал в книжках. Малыши очень любили эти рассказы. Им нравилось слушать о странах, которых они ни разу не видели, но больше всего они любили слушать о путешественниках, так как с путешественниками случаются разные невероятные истории и бывают самые необыкновенные приключения.

Наслушавшись таких историй, малыши стали мечтать о том, как бы самим отправиться в путешествие. Некоторые предлагали совершить пеший поход, другие предлагали плыть по реке на лодках, а Знайка сказал:

— Давайте сделаем воздушный шар и полетим на шаре.

Эта затея всем очень понравилась. Коротышки ещё никогда не летали на воздушном шаре, и всем малышам это было очень интересно. Никто, конечно, не знал, как делать воздушные шары, но Знайка сказал, что он всё обдумает и тогда объяснит.

И вот Знайка стал думать. Думал он три дня и три ночи и придумал сделать шар из резины. Коротышки умели добывать резину. В городе у них росли цветы, похожие на фикусы. Если на стебле такого цветка сделать надрез, то из него вытекает сок. Этот сок постепенно густеет и превращается в резину, из которой можно делать мячи и калоши.

Когда Знайка это придумал, он велел малышам собирать резиновый сок. Все стали приносить сок, для которого Знайка приготовил большую бочку. Незнайка тоже пошёл собирать сок и встретил на улице своего друга Гуньку, который играл с двумя малышками в прыгалки.

— Послушай, Гунька, какую мы штуку придумали! — сказал Незнайка. — Ты, брат, лопнешь от зависти, когда узнаешь.

— А вот и не лопну, — ответил Гунька. — Очень мне нужно лопаться!

— Лопнешь, лопнешь! — уверил его Незнайка. — Такая, брат, штука! Ты и во сне не видел.

— Что же это за штука? — заинтересовался Гунька.

— Скоро мы сделаем воздушный пузырь и полетим путешествовать.

Гуньке стало завидно. Ему тоже захотелось хоть чем-нибудь похвастаться, и он сказал:

— Подумаешь, пузырь! А я зато с малышками подружился.

— С какими малышками?

— А вот с этими, — сказал Гунька и показал на малышей пальцем. — Вот эту малышку зовут Мушка, а эту — Кнопочка.

Мушка и Кнопочка стояли поодаль и с опаской поглядывали на Незнайку.

Незнайка посмотрел на них исподлобья и сказал:

— Ах, вот как! Ты ведь со мной дружишь!

— Я и с тобой дружу и с ними тоже. Одно другому не мешает.

— А по-моему, мешает, — ответил Незнайка. — Кто

дружит с малышками, тот сам малышка. Поссорься с ними сейчас же!

— Зачем я буду ссориться?

— А я говорю: поссорься! Или я с тобой сам поссорюсь.

— Ну и ссорься. Подумаешь!

— Вот и поссорюсь, а твоим Мушке и Кнопочке как наподдам!

Незнайка сжал кулаки и бросился к малышкам. Гунька загородил ему дорогу и ударил кулаком по лбу. Они принялись драться, а Мушка и Кнопочка испугались и убежали.

— Так ты из-за этих малышей меня по лбу кулаком бьёшь? — кричал Незнайка, стараясь ударить Гуньку по носу.

— А зачем ты их обижаешь? — спрашивал Гунька, размахивая во все стороны кулаками.

— Подумаешь, какой защитник выискался! — ответил Незнайка и стукнул его по макушке с такой силой, что Гунька даже присел и бросился удирать.

— Я с тобой в ссоре! — кричал ему вдогонку Незнайка.

— Ну и пожалуйста! — отвечал Гунька. — Сам первый придёшь мириться.

— А вот увидишь, что не приду! Мы полетим на пузыре путешествовать.

— Полетите вы с крыши на чердак!

— Это вы полетите с крыши на чердак! — ответил Незнайка и пошёл собирать резиновый сок.

Когда бочка была наполнена резиновым соком, Знайка размешал его хорошенько и велел Шпунтику

принести насос, которым накачивали автомобильные шины. К этому насосу он присоединил длинную резиновую трубку, конец трубки облил резиновым соком и велел Шпунтику потихоньку накачивать насосом воздух. Шпунтик начал качать, и сейчас же из резинового сока стал получаться пузырь, точно так же, как из мыльной воды получаются мыльные пузыри. Знайка всё время обмазывал этот пузырь со всех сторон резиновым соком, а Шпунтик не переставая накачивал воздух, поэтому пузырь постепенно раздувался и превращался в большой шар. Знайка даже не успевал обмазывать его со всех сторон. Тогда он распорядился, чтобы и остальные малыши мазали. Все сейчас же принялись за дело. Всем нашлась работа, а Незнайка только ходил вокруг шара да посвистывал. Он старался держаться от шара подальше, поглядывал на него издали и приговаривал:

— Лопнет пузырь! Вот сейчас, сейчас лопнет! Уф!

Но шар не лопался, а с каждой минутой становился всё больше и больше. Скоро он раздулся такой большой, что малышам приходилось взбираться на ореховый куст, который рос посреди двора, чтобы обмазывать шар сверху и по бокам.

Работа по надуванию шара продолжалась два дня и прекратилась только тогда, когда шар стал величиной с дом. После этого Знайка завязал верёвочкой трубку, которая была снизу, чтобы из шара не выходил воздух, и сказал:

— Теперь шар будет сохнуть, а мы с вами примемся за другую работу.

Он привязал шар верёвкой к ореховому кусту, чтобы

не унесло ветром, после чего поделил малышей на два отряда. Одному отряду он велел собирать шелковичные коконы, чтобы размотать их и наделать шёлковых нитей. Из этих нитей он велел им сплести огромную сетку. Другому отряду Знайка велел сделать большую корзину из тонкой берёзовой коры.

Пока Знайка со своими товарищами занимался этой работой, все жители Цветочного города приходили и смотрели на огромный шар, который был привязан к ореховому кусту. Каждому хотелось потрогать шар руками, а некоторые даже пытались его приподнять.

— Шар лёгкий, — говорили они, — его свободно можно поднять кверху одной рукой.

— Лёгкий-то он лёгкий, но, по-моему, он не полетит, — сказал малыш, по имени Топик.

— Почему же не полетит? — спросили остальные.

— Как же он полетит? Если бы он мог летать, то взвивался бы кверху, а он просто лежит на земле. Значит, хоть он и лёгкий, а всё-таки тяжёлый, — ответил Топик.

Коротышки задумались.

— Гм! Гм! — говорили они. — Шар лёгкий, а всё-таки тяжёлый. Это верно. Как же он полетит?

Они стали спрашивать Знайку, но Знайка сказал:

— Потерпите немного. Скоро вы всё увидите.

Так как Знайка ничего не объяснил коротышкам, то они стали сомневаться ещё больше. Топик ходил по всему городу и распространял нелепые слухи.

— Какая сила может поднять шар кверху? — спрашивал он и сам отвечал: — Нет такой силы! Летают птицы, потому что у них есть крылья, а резиновый

пузырь не полетит вверх. Он может полететь только вниз.

В конце концов в городе уже никто не верил в эту затею. Все только смеялись, подходили к домику Знайки, смотрели из-за забора на шар и говорили:

— Смотрите, смотрите! Летит! Ха-ха-ха!

Но Знайка не обращал внимания на эти насмешки. Когда шёлковая сеть была готова, он велел накинуть её сверху на шар. Сеть растянули и накрыли ею шар сверху.

— Смотрите! — закричали коротышки из-за забора. — Шар ловят сетью. Боятся, что улетит. Ха-ха-ха!

Знайка велел подцепить шар верёвкой снизу, привязать к ветке орехового куста и подтянуть кверху. Сейчас же Торопыжка и Шпунтик взобрались с верёвкой на куст и стали подтягивать шар кверху. Это очень обрадовало зрителей.

— Ха-ха-ха! — смеялись они. — Оказывается, этот шар надо на верёвке тащить. Как же он полетит, если его на верёвке поднимать надо?

— Так и полетит, — отвечал Топик. — Они усядутся на шар сверху и начнут дёргать за верёвку — вот шар и полетит.

Когда шар приподняли над землёй, сетка по краям его свесилась вниз, и Знайка велел привязать к углам сетки корзину из берёзовой коры. Корзина была четырёхугольная. С каждой стороны в ней было сделано по лавочке, и на каждой лавочке могло поместиться по четыре малыша.

Корзину привязали к сетке за четыре угла, и Знайка объявил, что работа по постройке шара закончена. Торопыжка вообразил, что уже можно лететь, но Знайка

сказал, что ещё надо приготовить для всех парашюты.

— А зачем парашюты? — спросил Незнайка.

— А вдруг шар лопнет! Придётся тогда с парашютами прыгать.

На следующий день Знайка и его товарищи были заняты изготовлением парашютов. Каждый сам для себя мастерил парашют из пушинок одуванчика, а Знайка всем показывал, как надо делать.

Жители города видели, что шар без движения висит на ветке, и говорили друг другу:

— Так он и будет висеть, пока не лопнет. Никакого полёта не будет.

— Ну, чего же вы не летите? — кричали они из-за забора. — Лететь надо, пока шар не лопнул.

— Не беспокойтесь, — ответил им Знайка. — Полёт состоится завтра, в восемь часов утра.

Многие засмеялись, но некоторые начали сомневаться.

— А вдруг на самом деле полетят! — говорили они. — Надо прийти завтра и посмотреть.

Глава седьмая

ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЮ

На следующее утро Знайка разбудил своих друзей пораньше. Все проснулись и стали готовиться в путь. Винтик и Шпунтик надели свои кожаные куртки. Охотник Пулька обулся в свои любимые кожаные сапоги. Голенища этих сапог были выше колен и застёгивались сверху на пряжки. Такие сапоги были очень удобны для

путешествия. Торопыжка надел свой костюм-«молнию». Об этом костюме следует рассказать подробно. Торопыжка, который всегда торопился и не любил тратить время попусту, придумал для себя специальный костюм, в котором не было ни одной пуговицы. Известно, что при одевании и раздевании больше всего времени тратится на застёгивание и расстёгивание пуговиц. В костюме Торопыжки не было отдельных рубашки и брюк: они были соединены в одно целое на манер комбинезона. Этот комбинезон застёгивался сверху на одну кнопку, которая была на затылке. Стоило отстегнуть эту кнопку, и весь костюм каким-то непостижимым образом сваливался с плеч и молниеносно падал к ногам.

Толстеный Пончик надел свой самый лучший костюм. В костюмах он ценил главным образом карманы: чем больше карманов, тем лучше костюм. Самый лучший его костюм состоял из семнадцати карманов. Куртка состояла из десяти карманов: два кармана на груди, два косых кармана на животе, два кармана по бокам, три кармана внутри и один потайной карман на спине. На брюках было: два кармана спереди, два кармана сзади, два кармана по бокам и один карман внизу, на колене. В обычной жизни такие семнадцатикарманные костюмы с карманом на колене можно встретить только у кинооператоров.

Сиропчик нарядился в клетчатый костюм. Он всегда ходил в клетчатых костюмах. И брюки у него были клетчатые, и пиджак клетчатый, и кепка клетчатая. Увидев его издали, коротышки всегда говорили: «Глядите, глядите, вон идёт шахматная доска». Авоська нарядился

в лыжный костюм, который считал очень удобным для путешествия. Небоська надел полосатую фуфайку, полосатые гетры, а шею обмотал полосатым шарфом. В этом костюме он был весь полосатый, и издали казалось, что это вовсе не Небоська, а обыкновенный полосатый матрац. В общем, все оделись кто во что мог, только Растеряйка, у которого была привычка бросать свои вещи куда попало, никак не мог отыскать свою куртку. Кепку свою он тоже куда-то сунул и, сколько ни искал, нигде не мог найти. В конце концов он нашёл под кроватью свою зимнюю шапку с ушами.

Художник Тюбик решил рисовать всё, что увидит во время путешествия. Он взял свои краски и кисточку и заблаговременно положил их в корзину воздушного шара. Гуся решил захватить с собой флейту. Доктор Пилюлькин взял походную аптечку и тоже положил в корзину, под лавочку. Это было очень предусмотрительно, так как во время путешествия кто-нибудь мог заболеть.

Ещё не было шести часов утра, а вокруг уже собрался почти весь город. Многие коротышки, которым хотелось посмотреть на полёт, сидели на заборах, на крышах домов.

Торопыжка первый залез в корзину и выбрал для себя самое удобное место. За ним полез Незнайка.

— Смотрите, — кричали собравшиеся вокруг зрители, — уже начинают садиться!

— Вы чего забрались в корзину? — сказал Знайка. — Вылезайте, ещё рано.

— Почему рано? Уже можно лететь, — ответил Незнайка.

— Много ты понимаешь! Шар сначала надо наполнить тёплым воздухом.

— А зачем тёплым воздухом? — спросил Торопыжка.

— Потому что тёплый воздух легче холодного и всегда поднимается кверху. Когда мы наполним шар тёплым воздухом, тёплый воздух поднимется вверх и потащит шар кверху, — объяснил Знайка.

— У, значит, ещё тёплый воздух нужен! — протянул Незнайка, и они вместе с Торопыжкой вылезли из корзины.

— Смотрите, — закричал кто-то на крыше соседнего дома, — вылезают обратно! Раздумали лететь.

— Конечно, раздумали, — отвечали с другой крыши. — Разве можно полететь на таком шаре! Просто морочат публику.

В это время Знайка велел коротышкам наполнить несколько мешков песком и положить их в корзину. Сейчас же Торопыжка, Молчун, Авоська и другие малыши начали насыпать в мешки песок и класть их в корзину.

— Что это они делают? — с недоумением спрашивали друг друга зрители. — Зачем-то кладут в корзину мешки.

— Эй, зачем вам мешки с песком? — закричал Топик, который сидел верхом на заборе.

— А вот поднимемся и будем вам сверху на головы бросать, — ответил Незнайка.

Конечно, Незнайка и сам не знал, для чего мешки. Он это просто так выдумал.

— Вы поднимитесь сначала! — закричал Топик.

Сидевший на заборе рядом с Топиком малыш Микроша сказал:

— Должно быть, они боятся лететь и хотят, чтобы вместо них мешки с песком полетели.

Вокруг засмеялись:

— Конечно, боятся! А чего им бояться? Всё равно шар не полетит.

— А может быть, ещё полетит, — сказала одна из малышей, которые тоже глядели в щёлки забора.

Пока вокруг спорили, Знайка велел развести посреди двора костёр, и все увидели, как Винтик и Шпунтик вынесли из своей мастерской большой медный котёл и поставили его на костёр. Этот котёл Винтик и Шпунтик уже давно сделали для нагревания воздуха. Котёл был с наглухо закрытой крышкой, в которой имелось отверстие. Сбоку был приделан насос для накачивания в котёл воздуха. Этот воздух нагревался в котле и уже горячий выходил через верхнее отверстие в крышке.

Конечно, никто из зрителей не мог догадаться, для чего котёл, но каждый высказывал свои предположения.

— Наверно, решили сварить себе суп, чтобы позавтракать перед путешествием, — сказала малышка, по имени Ромашка.

— А что ты думаешь, — ответил Микроша, — и ты бы, наверно, подзакусила, если бы отправлялась в такой дальний путь!

— Конечно, — согласилась Ромашка. — Может быть, это в последний раз.

— Что — в последний раз?

— Ну, поедят в последний раз, а потом полетят, шар лопнет — и они разобьются.

— Не бойся, не лопнет, — сказал ей Топик. — Для того чтобы лопнуть, надо полететь, а он, видишь, торчит тут уже целую неделю и никуда не летит.

— А вот теперь полетит! — ответила Кнопочка, которая вместе с Мушкой тоже пришла посмотреть на полёт.

Скоро все зрители принялись горячо спорить. Если кто-нибудь говорил, что шар полетит, то другой тут же отвечал, что не полетит, а если кто-нибудь говорил, что не полетит, ему тут же отвечали, что полетит. Шум поднялся такой, что уже ничего не было слышно. На одной крыше двое малышей подрались между собой — до того жарко спорили. Насилу их разлили водой.

К этому времени воздух уже достаточно нагрелся в котле, и Знайка решил, что пора приступить к наполнению шара горячим воздухом. Но для того чтобы наполнить шар горячим воздухом, из него нужно было выпустить сначала холодный воздух. Знайка подошёл к шару и развязал верёвочку, которая туго стягивала резиновую трубку вниз. Холодный воздух с громким шипением начал выходить из шара. Коротышки, которые спорили о том, полетит шар или не полетит, обернулись и увидели, что шар быстро стал уменьшаться. Он обмяк, сморщился, как сушёная груша, и скрылся на дне корзины. На месте, где раньше красовался огромный шар, теперь стояла только корзина, накрытая сверху сеткой.

Шипение смолкло, и сейчас же раздался дружный взрыв смеха. Смеялись все: и те, кто говорил, что шар полетит, и те, кто говорил, что не полетит, а Незнайкин друг Гунька смеялся так, что даже свалился с крыши

и набил на затылке шишку. Пришлось доктору Пилюлькину тут же лечить его и намазать шишку йодом.

— Вот так полетели! — кричали вокруг. — Вот так Знайкин шар! Целую неделю возились с ним, а он взял да и лопнул. Потеха! Никогда в жизни не приходилось столько смеяться!

Но Знайка не обращал внимания на эти насмешки. Он соединил котёл с шаром длинной трубкой и приказал качать насос, который был приделан к котлу. В котёл начал поступать свежий воздух, а нагретый воздух по трубке проходил прямо в шар. Постепенно шар под сеткой становился всё больше и больше и уже начал вылезать из корзины.

— Гляньте, — обрадовались зрители, — опять надувают! Вот чудaki! А он опять лопнет.

Никто не верил, что шар полетит. А он тем временем сделался ещё больше, вылез из корзины и лежал в ней, точно огромный арбуз на блюдечке. Тут вдруг все увидели, что шар сам собой медленно поднялся кверху и натянул сетку, которой был привязан к корзине. Все так и ахнули от удивления. Каждый видел, что теперь никто не тянул шар на верёвке кверху.

— Ура! — закричала Ромашка и даже в ладоши хлопала.

— Не ори! — прикрикнул на неё Топик.

— Да ведь полетел же!

— Ещё не полетел. Видишь, он к корзине привязан. Разве он сможет поднять корзину да ещё с коротышками!

Тут Топик увидел, что шар, сделавшись больше, поднялся выше и корзина отделилась от земли. Топик не удержался и закричал что было силы:

— Держите, держите! Ведь улетит же! Что вы делаете?

Но шар не улетел, так как корзина была крепко привязана к ореховому кусту. Она только немного приподнялась над землёй.

— Ура-а! — раздалось со всех сторон. — Ура! Молодец, Знайка! Вот так Знайкин шар! Чем же они надували его? Наверно, паром.

Теперь уже все верили, что шар полетит.

Глава восьмая

В ПУТЬ

Наконец наполнение шара тёплым воздухом было окончено. Знайка велел убрать котёл и собственноручно завязал верёвочкой резиновую трубку, чтобы тёплый воздух не выходил из шара. После этого он приказал всем садиться в корзину. Первым залез Торопыжка, за ним полез Пончик и чуть не свалился на головы остальным коротышкам. Он был толстенький, все карманы были у него набиты всякой всячиной: где сахарок лежал, где печенье. К тому же он надел на всякий случай калоши, а в руках держал зонтик. Общими усилиями Пончика посадили в корзину, а за ним стали карабкаться остальные. Сахарин Сахаринич Синопчик суетился вокруг корзины и всех подсаживал.

— Садитесь, пожалуйста, — говорил он, — устраивайтесь поудобнее. Места на воздушном шаре всем хватит.

— Ты тоже садись, — отвечали ему.

— Успею, — отвечал Сиропчик. — Главное, чтобы вы сели.

Он услужливо поддерживал всех под руки, подталкивал снизу.

Наконец все залезли в корзину. Один Сиропчик остался внизу.

— Почему же ты не садишься? — спросили его.

— Может быть, мне лучше не надо? — ответил Сиропчик. — Я очень толстенький. Вам там и без меня тесно. Боюсь, что перегрузка получится.

— Не бойся, никакой перегрузки не будет.

— Нет, братцы, летите без меня. Я вас тут подожду. Зачем мне стеснять вас!

— Никого ты не стеснишь, — ответил Знайка. — Садись. Раз все решили лететь, то и полетим вместе.

Сиропчик нехотя полез в корзину, и тут вдруг случилось непредвиденное обстоятельство: корзина вместе с шаром сразу опустилась на землю.

— Вот так полетели! — засмеялся на заборе Микроша.

— А ты чего смеёшься? — прикрикнул на него Топик. — Тут несчастье, а он смеётся!

— Никакого несчастья нет, — ответил Стекляшкин. — Просто этот воздушный шар рассчитан на пятнадцать коротышек. Шестнадцати он не может поднять.

— Значит, не полетят? — спросил Топик.

— Придётся кого-нибудь одного оставить — тогда полетят, — сказал Стекляшкин.

— Наверно, Незнайку оставят, — сказала Мушка.

Сиропчик, который боялся лететь на воздушном шаре, обрадовался и сказал:

— Ну вот, я ведь говорил, что перегрузка получится! Лучше я вылезу.

Он уже задрал ногу, чтобы вылезти, но тут Знайка взял один мешок с песком и выбросил из корзины. Шар сразу стал легче и снова поднялся вверх. Тут только все поняли, для чего Знайка велел положить в корзину мешки с песком. Все захлопали в ладоши, а Знайка поднял кверху руку и обратился к коротышкам с речью.

— До свиданья, братцы! — закричал он. — Мы улетаем в далёкие края. Через недельку вернёмся обратно. До свиданья!

— До свиданья! До свиданья! Счастливого пути! — закричали коротышки и стали махать руками и шляпами.

Знайка достал из кармана перочинный нож и перерезал верёвку, которой корзина была привязана к кусту. Шар плавно поднялся кверху, зацепился боком за ветку куста, но тут же отцепился и быстро взмыл ввысь.

— Ура! — закричали коротышки. — Да здравствуют Знайка и его товарищи! Ура-а!

Все захлопали в ладоши, стали подбрасывать кверху шляпы. Малышки обнимались от радости. Мушка и Кнопочка даже поцеловались, а Маргаритка заплакала.

Шар между тем поднимался всё выше и выше. Его относило ветром в сторону. Скоро он превратился в маленькое пятнышко, которое едва виднелось на голубом небе. Стекляшкин забрался на крышу дома и стал смотреть на это пятнышко в свою трубу. Рядом с ним на самом краю крыши стоял поэт Цветик. Сложив на груди руки, он смотрел на общее ликование и, казалось,

о чём-то думал. Вдруг он расставил широко руки и закричал во весь голос:

— Стихи! Слушайте стихи!

Вокруг сразу утихло. Все подняли головы и стали смотреть на Цветика.

— Стихи! — шептали коротышки. — Сейчас будут стихи.

Цветик подождал ещё, чтобы установилась полная тишина. Потом протянул к улетевавшему шару руку, покашлял немножко, сказал ещё раз:

— Стихи.

И начал читать стихи, которые только что сочинил:

Огромный шар, надутый паром,
Поднялся в воздух он не даром.
Наш коротышка хоть не птица,
Летать он всё-таки годится.
И всё доступно уж — эхма! —
Теперь для нашего ума!

Ну и крик тут поднялся! Все снова захлопали в ладоши. Малыши стащили Цветика с крыши и понесли на руках домой, а малышки срывали с цветов лепестки и бросали их Цветику. В этот день Цветик прославился так, будто это он сам выдумал воздушный шар и полетел на нём в поднебесье. Его стихи все заучили на память и распевали на улицах.

Долго ещё в этот день то здесь, то там можно было слышать:

И всё доступно уж — эхма! —
Теперь для нашего ума!

НАД ОБЛАКАМИ

Наши отважные путешественники даже не почувствовали, как шар поднялся в воздух, настолько плавно он отделился от земли. Только через минуту они выглянули из корзины и увидели внизу толпу друзей, которые махали им на прощание руками и подбрасывали кверху шляпы. Снизу доносились крики «ура».

— До свиданья! — закричали им в ответ Знайка и его товарищи.

Они тоже стали махать шляпами. Растеряйка протянул к голове руку, чтобы снять шапку, и только тут обнаружил, что шапки-то на нём и нет.

— Стойте, братцы! — закричал он. — Остановите шар! Я шапку дома забыл.

— Вечно ты что-нибудь забываешь! — проворчал Ворчун.

— Теперь уже нельзя остановить шар, — сказал Знайка. — Он будет летать, пока в нём не остынет воздух, и только тогда опустится вниз.

— Что же, я без шапки должен лететь? — обиженно спросил Растеряйка.

— Ты ведь нашёл свою шапку под кроватью, — сказал Пончик.

— Найти-то я нашёл, да мне было в ней жарко, ну я и положил её на стол, а потом в самый последний момент забыл надеть.

— Ты всегда что-нибудь в самый последний момент забываешь, — сказал Ворчун.

— Смотрите, братцы, — закричал вдруг Незнайка, — наш домик остался внизу!

Все засмеялись, а Ворчун сказал:

— А ты, должно быть, думал, что и домик полетит с нами?

— Ничего я такого не думал! — обиделся Незнайка. — Просто я увидел, что наш домик стоит, вот и сказал. Раньше мы всё время в домике жили, а теперь на воздушном шаре летим.

— Вот и летим, — проворчал Ворчун. — Куда-то ещё залетим!

— Ты, Ворчун, всё ворчишь, — ответил Незнайка. — От тебя и на воздушном шаре покою нет.

— Ну и уходи, раз тебе не нравится!

— Куда же я тут уйду?

— Ну, довольно! — прикрикнул на спорщиков Знайка. — Что это ещё за споры на воздушном шаре?

Воздушный шар поднялся ещё выше, и весь Цветочный город был виден как на ладони. Дома казались совсем крошечными, а коротышек уж и совсем нельзя было разглядеть. Воздушный шар относил ветром, и скоро весь город виднелся далеко позади. Знайка достал из кармана компас и стал определять направление, в котором летел шар.

Компас — это такая маленькая металлическая коробочка с магнитной стрелкой. Магнитная стрелка всегда указывает на север. Если следить за стрелкой компаса, то всегда можно найти дорогу назад. Для этого Знайка и взял с собой компас.

— Ветер несёт нас прямо на север, — объявил Знайка. — Значит, обратно надо будет возвращаться на юг.

Воздушный шар поднялся уже совсем высоко и нёсся над полем. Город исчез вдали. Внизу узенькой лентой извивался ручей, который коротышки называли Огурцовой рекой. Деревья, которые попадались среди поля, казались маленькими пушистыми кустиками.

Вдруг Пончик заметил внизу небольшое тёмное пятнышко. Оно быстро двигалось по земле, словно бежало за воздушным шаром.

— Смотрите, братцы, кто-то бежит за нами! — закричал Пончик.

Все стали смотреть на пятнышко.

— Смотрите, через ручей перескочило! — закричал Растеряйка.

— Что же это может быть? — спросил Торопыжка. — Смотрите, через деревья прыгает!

Воздушный шар полетел над лесом. Пятнышко двигалось по верхушкам деревьев. Доктор Пилюлькин нацепил на нос своё пенсне, но всё равно не мог разглядеть, что это такое.

— Знаю! — закричал вдруг Незнайка. — Первый понял! Это наш Булька. Мы забыли взять Бульку, вот он и бежит за нами.

— Что ты! — ответил Пулька. — Булька здесь. Вот он сидит, у меня под лавкой.

— Что же это такое? Может быть, ты отгадаешь, Знайка? — спросил Авоська.

Знайка спрятал компас и поглядел вниз.

— Да ведь это наша тень! — засмеялся он.

— Как — наша тень? — удивились все.

— Очень просто. Это тень от воздушного шара. Мы летим по воздуху, а тень по земле бежит.

Коротышки долго следили за тенью, а она становилась всё меньше и меньше. Наконец совсем пропала.

— Куда же пропала тень? — забеспокоились коротышки.

— Мы слишком высоко поднялись, — объяснил Знайка. — Теперь уже нельзя разглядеть тень.

— Безобразие! — ворчал про себя Ворчун. — Сидишь вот и даже собственной тени не видишь.

— Опять ты ворчишь! — сказал Незнайка. — Нигде от тебя покою нет.

— «Покою, покою»! — передразнил его Ворчун. — Какой же покой на воздушном шаре! Если хочешь покою, то сиди дома.

— Ну вот ты и сиди.

— А мне не нужно покою.

— Опять вы спорите! — сказал Знайка. — Придётся вас на землю ссадить.

Ворчун и Незнайка испугались и перестали спорить.

В это время воздушный шар очутился в каком-то дыму или тумане. Вокруг была как будто белая завеса.

— Что это? — закричали все. — Откуда тут дым?

— Это не дым, — ответил Знайка. — Это облако. Мы поднялись до облаков и летим в облаке.

— Ну, это ты сочиняешь, — сказал Незнайка. — Облако — оно жидкое, как овсяный кисель, а это какой-то туман.

— А из чего, ты думаешь, сделано облако? — спросил Знайка. — Облако ведь и сделано из тумана. Это только издали кажется, что оно плотное.

Но Незнайка этому не поверил и сказал:

— Вы его не слушайте, братцы. Это он всё выдумывает, чтобы показать, будто много знает, а на самом деле он ничего не знает. Так я ему и поверил, что облако — это туман! Облако — это кисель. Будто я киселя не ел, что ли!

Скоро воздушный шар поднялся выше, вылетел из облаков и полетел над ними.

Незнайка выглянул из корзины и увидел внизу облака. Они тянулись во все стороны и совсем закрывали землю.

— Батюшки, — закричал Незнайка, — небо внизу! Мы летим вверх ногами!

— Почему вверх ногами? — удивились все.

— А вот посмотрите: у нас под ногами небо — значит, мы вверх ногами.

— Это мы над облаками летим, — объяснил Знайка. — Мы поднялись выше облаков, поэтому теперь облака не над нами, а под нами.

Но Незнайка и этому не поверил. Он сидел на своём месте и крепко держал руками на голове шляпу. Он думал, что шляпа может свалиться, раз он вверх ногами сидит. Ветер быстро гнал шар над облаками, но скоро все заметили, что шар стал опускаться.

— Почему мы вниз полетели? — забеспокоились малыши.

— Воздух начал остывать в шаре, — объяснил Знайка.

— Значит, мы опустимся на землю? — спросил Торопыжка.

— А для чего мы взяли мешки с песком? — сказал

Знайка. — Надо выбросить из корзины песок, и мы снова полетим вверх.

Авоська быстро схватил мешок с песком и бросил вниз.

— Что ты делаешь? — закричал Знайка. — Разве можно целый мешок бросать? Ведь он может кого-нибудь по голове ударить.

— Авось не ударит, — ответил Авоська.

— «Авось не ударит»! — передразнил его Знайка. — Мешок надо развязать и высыпать песок.

— Сейчас я высыплю, — сказал Небоська. Он развязал другой мешок и высыпал песок прямо в корзину.

— Один толковее другого! — покачал головой Знайка. — Какой же толк будет, если песок в корзине останется? От этого шар легче не станет.

— А я небось песок высыплю, — ответил Небоська и стал высыпать песок из корзины горстью.

— Осторожней! — закричал Растеряйка. — Ты мне глаза запорошить можешь.

— Небось не запорошу, — сказал Небоська и тут же запорошил ему песком глаза.

Все стали ругать Небоську, а Авоська взял ножик и прорезал в дне корзины большую дырку, чтобы через неё высыпался песок. Знайка увидел и закричал:

— Стой! Что ты делаешь? Из-за тебя корзина развалится, и мы все высыплемся из неё.

— Авось не развалится, — ответил Авоська.

— У вас обоих только и слов, что «авось» да «небось»! — сказал Знайка и отнял у Авоськи нож.

Песок сквозь дыру высыпался из корзины, шар сделался легче и снова понёсся ввысь. Малыши с довольным

видом выглядывали из корзины. Все были рады, что шар снова полетел вверх. Только Ворчун, который вечно был чем-нибудь недоволен, продолжал ворчать:

— Что это такое: то вверх, то вниз! Разве так шары летают?

Не зная, что ещё сказать, он посмотрел на Пончика, который молча грыз сахар:

— А ты тут ещё что грызёшь?

— У меня сахарок в кармане, вот я достаю его и грызу.

— Нашёл время грызть сахар! Вот опустимся, тогда и грызи.

— Зачем же мне лишнюю тяжесть таскать? — сказал Пончик. — Я съем сахар — шар станет легче и поднимется ещё выше.

— Ну, грызи! Посмотрим, до чего ты догрызёшься, — ответил Ворчун.

Глава десятая

АВАРИЯ

Некотрые воображают, что чем выше подниматься в воздух, тем становится теплее, но это неправда. Чем выше, тем холоднее. Почему это? А потому, что солнце слабо нагревает воздух своими лучами, так как воздух очень прозрачный. Снизу воздух всегда теплее. Солнце нагревает землю своими лучами, воздух нагревается от земли точно так же, как от горячей печки. Нагретый воздух легче холодного и поэтому поднимается вверх.

Чем выше он поднимется, тем больше остынет. Поэтому на большой высоте всегда холодно.

Вот это как раз и почувствовали коротышки, когда на своём воздушном шаре поднялись на большую высоту. Им стало так холодно, что покраснели и носы и щёки. Все стучали ногами и хлопали руками, чтобы хоть немного согреться. Больше всех мёрз Растеряйка, который забыл дома шапку. От страшного холода у него под носом выросла большая сосулька. Он дрожал как осиновый лист и всё время стучал зубами.

— Довольно тебе зубами стучать! — ворчал Ворчун. — Тут и так холодно, а он ещё зубами стучит!

— Я же не виноват, что холодно, — сказал Растеряйка.

Ворчун поднялся со своего места и сказал:

— Терпеть не могу, когда кто-нибудь над ухом зубами стучит! Меня от этого самого в дрожь бросает.

Он сел рядом с Тюбиком, но Тюбик тоже выбивал дробь зубами. Ворчун подозрительно посмотрел на него:

— Ты что? Наверно, назло мне зубами стучишь?

— И совсем не назло, а потому что холодно.

Ворчун встал и пересел на другое место. Так он пересаживался несколько раз и только другим мешал.

От холода воздушный шар покрылся инеем и сверкал над головами малышей, словно был сделан из чистого серебра. Постепенно воздух снова остыл в оболочке, и шар стал опускаться вниз. Через несколько минут он уже стремительно падал. Запас мешков с песком кончился, и ничем нельзя было удержать падение.

— Ав-ав-авария! — закричал Сиропчик.

— Погибаем! — завопил Незнайка и спрятался под лавку.

— Вылезай! — закричал на него Знайка.

— Зачем? — отозвался из-под лавки Незнайка.

— С парашютами будем прыгать.

— Мне и тут хорошо, — ответил Незнайка.

Недолго думая Знайка схватил его за шиворот и вытащил из-под лавки.

— Не имеешь права! — кричал Незнайка. — Я буду жаловаться!

— Не ори, — спокойно ответил Знайка. — Без паники. Вот смотри, как я буду прыгать с парашютом, и прыгай за мной.

Незнайка немного успокоился. Знайка подошёл к краю корзины.

— Внимание, братцы! — закричал он. — Прыгайте по очереди все за мной. Кто не спрыгнет, того шар унесёт вверх. Ну, приготовьте парашюты...

Знайка прыгнул первым и полетел вниз. За ним прыгнул Торопыжка, и тут произошло непредвиденное обстоятельство. Вместо того чтобы сначала прыгнуть, а потом раскрыть парашют, Торопыжка в спешке сначала раскрыл парашют, а потом прыгнул. От этого парашют зацепился за край корзины, Торопыжка запутался одной ногой в шнурах и повис вниз головой. Он принялся дрыгать ногами и извиваться всем телом, словно червяк, которого надевают на рыболовный крючок. Несмотря на все старания, парашют не отцеплялся.

— Братцы! — закричал доктор Пилюлькин. — Если

парашют отцепится, Торопыжка ударится головой о землю.

Малыши ухватились за парашют и втащили Торопыжку обратно в корзину.

Незнайка увидел, что шар снова полетел вверх, и закричал:

— Стойте, братцы! Никому больше прыгать не надо. Мы снова вверх полетели.

— Почему же мы снова вверх летим? — удивился Авоська.

— Эх, ты! — ответил Ворчун. — Знайка-то спрыгнул — вот шар и стал легче.

— Что же Знайка будет делать без нас? — спросил Пончик.

— Ну, что... — развёл руками Авоська. — Пойдёт себе потихоньку домой.

— А мы что будем делать без Знайки?

— Подумаешь! — ответил Незнайка. — Будто уж во все нельзя без Знайки.

— Надо же кого-нибудь слушаться, — сказал Пончик.

— Будете меня слушаться, — заявил Незнайка. — Теперь я буду главным.

— Ты? — удивился Ворчун. — Не с твоей головой быть главным.

— Ах, так? Не с моей головой? — закричал Незнайка. — Ну, пожалуйста, прыгай вниз и ищи своего Знайку, если тебе моя голова не нравится.

Ворчун поглядел вниз и сказал:

— Где же я теперь его найду? Мы далеко улетели. Надо было сразу всем прыгать.

— Нет, прыгай, прыгай!

Ворчун и Незнайка начали спорить и спорили чуть ли не до самого вечера. Знайки не было, и никто теперь не мог остановить их. Солнце уже клонилось к закату. Ветер крепчал. Шар ещё больше остыл и снова стал опускаться вниз, а Ворчун и Незнайка всё спорили.

— Довольно тебе спорить, — сказал Сиропчик Незнайке. — Уж если ты решил быть главным, то придумай что-нибудь. Смотри, мы снова вниз полетели.

— Сейчас буду думать, — ответил Незнайка.

Он сел на лавочку, приставил палец ко лбу и стал думать. А шар тем временем всё быстрее опускался вниз.

— Что же тут придумаешь? — сказал Винтик. — Если бы у нас были мешки с песком, можно было бы сбросить один мешок.

— Правильно! — подхватил Незнайка. — А так как мешков у нас больше нет, то придётся сбросить одного из вас. Сбросим кого-нибудь с парашютом — шар станет легче и снова полетит вверх.

— Кого же сбросить?

— Ну, кого? — сказал Незнайка, раздумывая. — Надо сбросить того, кто самый ворчливый.

— А я не согласен, — ответил Ворчун. — Нет такого правила, чтобы самых ворчливых сбрасывать. Надо сбросить того, кто самый тяжёлый.

— Ну ладно, — согласился Незнайка, — сбросим Пончика. Он у нас самый толстенький.

— Правильно, — поддакнул Сиропчик.

— Что? — закричал Пончик. — Кто самый толстенький? Я самый толстенький? Сиропчик толще меня!

— Смотрите на него! — закричал Сиропчик, хихикая

и показывая пальцем на Пончика. — Смотрите, я толще его! Ха-ха! А ну, давай померимся.

— Ну, давай, давай! — как петух, насккивал на него Пончик.

Все окружили Пончика и Сиропчика. Незнайка достал из кармана верёвочку, обвязал вокруг талии Пончика. Потом таким же образом измерил Сиропчика, и оказалось, что Сиропчик чуть ли не в полтора раза толще Пончика.

— Это неправильно! — закричал тут Сиропчик. — Пончик сжультничал. Он живот втянул. Я видел!

— Ничего я не втягивал! — оправдывался Пончик.

— Нет, втянул. Я видел. Давай перемеримся!

Незнайка стал снова мерить Пончика, а Сиропчик вертелся вокруг и кричал:

— Э, э! Ты куда? Ты надуйся!

— Зачем же мне надуваться? — отвечал Пончик. — Если я надуюсь, то, конечно, окажусь толще тебя.

— Ну ладно, не надувайся. Но и втягивать живот ты не имеешь права. Братцы, смотрите, что он делает! Где же справедливость? Никакой справедливости нет! Это просто какой-то обман!

Незнайка кончил измерять Пончика, потом с такой же тщательностью измерил Сиропчика, и на этот раз оказалось, что они оба одинаковой толщины.

— Придётся двоих бросать, — развёл Незнайка руками.

— Зачем же двоих, когда и одного достаточно! — сказал Сиропчик.

Охотник Пулька выглянул из корзины и увидел, что земля приближается с угрожающей быстротой.

— Слушай, Незнайка, — сказал он, — решай скорее, а то мы о землю грохнемся.

— Надо посчитаться, кому с парашютом прыгать, — сказал Авоська.

— Правильно! — подхватил Сиропчик. — Только всем надо считаться: и толстеньким и тоненьким, чтоб никому обидно не было.

— Ладно, давайте считаться, — согласился Незнайка.

Все построились в кружок, и Незнайка принялся считать, тыкая каждого пальцем:

Энэ бэнэ рес!
Квинтер финтер жес!
Энэ бэнэ ряба,
Квинтер финтер жаба...

Потом сказал:

— Нет, мне эта считалка не нравится. Не люблю я её! — И начал другую:

Икете пикете цокото мэ!
Абель фабель доманэ.
Ики пики грамматики...

В это время корзина с силой ударилась о землю и перевернулась. Авоська схватился руками за Небоську, а Небоська — за Авоську, и они вместе вывалились из корзины. За ними, как горох, посыпались остальные коротышки. Только Незнайка удержался за край корзины да Булька, который уцепился за его брюки зубами. Ударившись о землю, шар, как мячик, подскочил кверху, описал в воздухе огромную дугу и снова опустился вниз. Корзину снова ударило о землю

и поволокло. Шар налетел на что-то твёрдое и лопнул с оглушительным треском. Бульку перевернуло в воздухе, и он с отчаянным визгом побежал в сторону. Незнайка вывалился из корзины и остался неподвижно лежать на земле.

Воздушное путешествие окончилось.

Глава одиннадцатая

НА НОВОМ МЕСТЕ

Незнайка очутился в совсем незнакомом месте. Он лежал на кровати, утопая в перине. Эта перина была такая мягкая, словно её наполнили головками от одуванчиков. Незнайку разбудили какие-то голоса. Открыв глаза, он завертел ими в разные стороны и увидел, что лежит в чужой комнате. По углам стояли маленькие креслица. На стенах висели коврики и картины с изображением разных цветов. У окна стоял круглый столик на одной ножке. На нём возвышалась куча разноцветных ниток для вышивания и лежала подушечка, вся утыканная иглами и булавками, словно ошестинившийся ёжик. Неподалёку был письменный стол с принадлежностями для письма. Рядом стоял книжный шкаф. У самой дальней стены, возле дверей, было большое зеркало. Перед зеркалом стояли две малышки и разговаривали. Одна была в синем платье из блестящей шёлковой материи, с таким же шёлковым пояском, завязанным сзади бантом. У неё были голубые глаза и тёмные волосы, заплетённые в длинную

косу. Другая была в пёстреньком платье с розовыми и фиолетовыми цветочками. Волосы у неё были светлые, почти белые, спускавшиеся на плечи волнами. Она надевала перед зеркалом шляпу и всё время трещала, как сорока:

— Такая противная шляпа! Как ни надень, всё нехорошо. Мне хотелось сделать шляпу с широкими полями, но материи не хватило, и пришлось сделать с узкими, а когда поля узкие, то лицо кажется круглым, а это не так уж красиво.

— Довольно тебе перед зеркалом вертеться! Терпеть не могу, когда перед зеркалом вертятся, — сказала голубоглазая малышка.

— А для чего, по-твоему, зеркала выдумали? — отвечала светловолосая.

Надев шляпу чуть ли не на самый затылок, она откинула голову назад и, прищурив глаза, стала смотреться в зеркало.

Незнайке стало смешно. Он хрюкнул, не удержавшись от смеха. Светловолосая моментально отскочила от зеркала и подозрительно стала смотреть на Незнайку.

Но Незнайка закрыл глаза и притворился спящим. Он слышал, как обе малышки, стараясь не стучать каблучками, подошли к кровати и остановились неподалёку.

— Мне слышалось, будто он что-то сказал, — услышал Незнайка шёпот. — Должно быть, так просто, почудилось... Когда же он очнётся? Со вчерашнего дня лежит без сознания.

Другой голос ответил:

— Медуница не велела его будить. Сказала, чтобы я позвала её, когда он сам проснётся.

«Что это за Медуница?» — подумал Незнайка, но не подал виду, что слышит их разговор.

— Какой храбрый малыш! — снова слышался шёпот. — Подумать только — полетел на воздушном шаре!

Незнайка услышал, что его называли храбрым, и его рот сам собой разъехался чуть ли не до ушей. Однако он вовремя спохватился и сдержал улыбку.

— Я приду позже, когда он проснётся, — продолжал голос. — Мне так хочется расспросить его про воздушный шар. А вдруг у него сотрясение мозга!

«Дудки! — подумал Незнайка. — Никакого сотрясения мозга у меня нет».

Светловолосая попрощалась и ушла. В комнате стало тихо. Незнайка долго лежал с закрытыми глазами, наострив уши. Наконец он приоткрыл один глаз и увидел склонившуюся над ним головку голубоглазой малышки. Малышка приветливо улыбнулась, потом нахмурилась и, погрозив пальцем, спросила:

— Это вы всегда так просыпаетесь? Сначала один глаз откроете, потом другой.

Незнайка кивнул головой и открыл другой глаз.

— Значит, вы вообще не спите?

— Нет, я только что проснулся.

Незнайка хотел ещё что-то сказать, но малышка приложила к его губам пальчик и сказала:

— Молчите, молчите! Вам нельзя разговаривать. Вы очень больны.

— Вовсе нет!

— Откуда вы знаете? Вы разве доктор?

— Нет.

— Вот видите! Вы должны лежать смирно, пока я не позову врача. Как ваше имя?

— Незнайка. А ваше?

— Меня зовут Синеглазка.

— Хорошее имя, — одобрил Незнайка.

— Очень рада, что вам оно нравится. Вы, как видно, воспитанный малыш.

Лицо Незнайки расплылось в улыбке. Он был очень доволен, что его похвалили, потому что его почти никогда никто не хвалил, а всё больше бранили. Малышей поблизости не было, и Незнайка не боялся, что его станут дразнить за то, что он водится с малышкой. Поэтому он разговаривал с Синеглазкой вполне свободно и вежливо.

— А как зовут ту, другую? — спросил Незнайка.

— Какую другую?

— С которой вы разговаривали. Такую красивую, с белыми волосами.

— О! — воскликнула Синеглазка. — Значит, вы уже давно не спите?

— Нет, я только на минуточку открыл глаза, а потом сейчас же снова заснул.

— Неправда, неправда! — покачала головой Синеглазка и нахмурила брови. — Значит, вы находите, что я недостаточно красива?

— Нет, что вы! — испугался Незнайка. — Вы тоже красивая.

— Кто же из нас красивее — я или она?

— Вы... и она. Вы обе очень красивые.

— Вы жалкий лгунишка, но я вас прощаю, — ответила Синеглазка. — Вашу красавицу зовут Снежинка. Вы её ещё увидите. А теперь довольно. Вам вредно много разговаривать. Лежите смирно и не вздумайте вставать с постели. Сейчас я позову Медуницу.

— А кто это Медуница?

— Медуница — наш врач. Она будет лечить вас.

Синеглазка ушла. Незнайка сейчас же вскочил с постели и принялся искать свою одежду. Ему хотелось поскорей убежать, так как он знал, что врачи любят угощать своих больных касторкой и мазать их йодом, от которого страшно щиплет тело. Одежды поблизости не оказалось, но его внимание привлекла кукла, которая сидела на маленькой скамеечке, прислонившись спиной к стене.

Незнайке захотелось тут же разломать куклу и посмотреть, что у неё внутри — вата или опилки. Он забыл об одежде и принялся искать нож, но в это время увидел своё отражение в зеркале. Бросив куклу на пол, он стал корчить перед зеркалом гримасы, разглядывая своё лицо. Насмотревшись как следует, он сказал:

— А я тоже красивый, и лицо у меня не очень круглое.

Тут за дверью слышались шаги. Незнайка быстро юркнул в постель и накрылся одеялом.

В комнату вошли Синеглазка и другая малышка, в белом халате и белой косынке, с небольшим коричневым чемоданчиком в руках. У неё были пухлые,

румяные щёчки. Серые глазки строго смотрели из-за круглых роговых очков. Незнайка понял, что это и есть Медуница, о которой ему говорила Синеглазка.

Медуница подвинула к постели Незнайки стул, поставила на него свой чемоданчик и, покачав головой, сказала:

— Ах, эти малыши! Вечно они придумывают разные шалости! Ну, скажите, пожалуйста, зачем вам понадобилось летать на этом воздушном шаре? Молчите, молчите! Знаю, что вы скажете: я больше не буду. Все малыши говорят это, а потом снова начинают шалить.

Медуница открыла чемоданчик, и в комнате сразу запахло не то йодом, не то другим каким-то лекарством. Незнайка боязливо поёжился. Медуница повернулась к нему и сказала:

— Встаньте, больной.

Незнайка начал вылезать из постели.

— Не надо вставать, больной! — строго сказала Медуница. — Я ведь велела вам сесть.

Незнайка пожал плечами и сел на постели.

— Не нужно пожимать плечами, больной, — заметила Медуница. — Покажите язык.

— Зачем?

— Покажите, покажите. Так надо.

Незнайка высунул язык.

— Скажите «а».

— А-а-а, — протянул Незнайка.

Медуница достала из чемодана деревянную трубочку и приставила к груди Незнайки.

— Дышите глубже, больной.

Незнайка принялся сопеть, как паровик.

— Теперь не дышите, — сказала Медуница.

— Гы-гы-ы! — протянул Незнайка, трясаясь от смеха.

— Чему вы смеётесь, больной? Кажется, я ничего смешного не сказала!

— Как же я могу совсем не дышать? — спросил Незнайка, продолжая хихикать.

— Совсем не дышать вы, конечно, не можете, но на минутку задержать дыхание ведь можно.

— Можно, — согласился Незнайка и перестал дышать.

Окончив осмотр, Медуница села за стол и принялась писать рецепт.

— У вашего больного на плече синяк, — сказала она Синеглазке. — Пойдите в аптеку, там вам дадут медовый пластырь. Отрежьте кусочек пластыря и приложите к плечу больного. И не разрешайте ему вставать с постели. Если он встанет, то переколотит у вас всю посуду и разобьёт кому-нибудь лоб. С малышами нужно обращаться поостороже.

Медуница спрятала в чемодан свою трубочку и, ещё раз строго взглянув на Незнайку, ушла.

Синеглазка взяла со стола рецепт и сказала:

— Слышали? Вам надо лежать.

В ответ на это Незнайка скорчил унылую физиономию.

— Нечего строить гримасы. И не вздумайте искать свою одежду — она у меня хорошо спрятана, — сказала Синеглазка и вышла из комнаты с рецептом в руках.

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Когда Синеглазка ушла, Незнайка полежал немного, потом вспомнил, что решил посмотреть, из чего сделана кукла, и уже хотел встать, но тут за дверью снова раздались шаги и послышался чей-то шёпот:

— Где он?

— Там.

— Что он делает?

— На кровати лежит.

— Мёртвый?

— Нет, кажется, живой.

— Дай-ка мне посмотреть.

— Подожди.

Незнайка взглянул на дверь и заметил, что кто-то подглядывает в замочную скважину.

— Ну, пусти, жадина! Мне ведь тоже хочется посмотреть, — послышался снова шёпот.

— Вот не пущу, раз жадиной называешь!

За дверью послышалась возня.

— Ты не толкайся, не толкайся! — раздалось сердитое шипение. — Вот толкни ещё раз, я тебя за волосы оттаскаю!

— А я тебя — за косы, и ещё ногой пихну!

Незнайке захотелось посмотреть, кто там спорит. Он вскочил с постели и быстро распахнул дверь. Раздался глухой удар, и Незнайка увидел перед собой двух малышей. Они отскочили в сторону, схватились за лбы руками и с испугом смотрели на Незнайку. У одной на передничке был вышит зелёный зайчик, у другой —

красная белочка. Они обе, как по команде, заморгали глазами, заплакали и, повернувшись, стали подниматься по узенькой деревянной лестнице, которая была по правую сторону двери.

— А-а-а! — громко ревела малышка с коротенькими косичками, которые торчали у неё на затылке в разные стороны.

— У-у-у! — вторила ей другая, с большим голубым бантом на самой макушке.

Незнайка почесал затылок рукой и буркнул себе под нос:

— Вот история! Кажется, я их здорово дверью двинул.

Боясь ещё чего-нибудь натворить в незнакомом доме, Незнайка залез в постель и решил вздремнуть, но скоро в коридоре снова слышались шаги. Дверь отворилась, и в комнату заглянула новая малышка. У неё были волосы кудряшками, весёлые, озорные глаза и лукавая рожица с остреньким носиком.

— Малыш! — закричала она. — Забияка!

Незнайка подскочил в постели от неожиданности. Дверь тут же захлопнулась, и слышался стук быстро удалявшихся шагов. Незнайка пожал плечами и проворчал с презрением:

— Воображуля!

Он опустил голову на подушку и даже начал дремать, но тут дверь снова открылась, и в комнату опять заглянула малышка с кудряшками.

— Забияка! — закричала она. — Ха-ха-ха!

Дверь моментально захлопнулась. Незнайка вскочил

с постели и выбежал в коридор, но там уже никого не было.

— Ладно! — проворчал Незнайка с угрозой.

Он взял с письменного стола деревянную линейку и притаился за дверью. Ждать пришлось недолго. Скоро в коридоре слышались шаги. Незнайка поднял линейку повыше. Дверь отворилась. В комнату вошла Синеглазка и сразу получила линейкой удар по лбу.

— Ай!

Синеглазка схватилась рукой за лоб.

— Вы зачем линейкой дерётесь? — закричала она. — Теперь у меня на лбу синяк вскочит!

— Может быть, синяк ещё и не вскочит, — ответил Незнайка, смущённо вертя линейку в руках.

— Нет, вскочит, вскочит! Вы знаете, какая я нежная? Вы меня пробкой ударьте — и сразу же будет синяк.

— Можно приложить кусочек пластыря, — придумал Незнайка. — Вы ведь принесли из аптеки пластырь.

— Я для вас принесла.

— Хватит на всех, — ответил Незнайка.

Он взял пластырь и разрезал ножницами на четыре части.

— Приклеивайте скорее! — волновалась Синеглазка. — Вот сюда, сюда...

Она подставила лоб и показывала пальцем, куда наклеить пластырь. Незнайка приклеил пластырь, но, увидев, что он приклеился косо, принялся отдирать его.

— Осторожнее! Осторожнее! — кричала Синеглазка. — Вы мне весь лоб измажете этим гадким пластырем!

— Теперь хорошо, — сказал Незнайка, окончив работу.

Синеглазка подбежала к зеркалу:

— Хорошо, нечего сказать! Вдруг меня кто-нибудь увидит с этим пластырем на лбу! Ну-ка, покажите ваше плечо. Где ваш синяк?

Синеглазка принялась приклеивать кусочек пластыря к плечу Незнайки.

— Я совсем не хотел ударить вас, — сказал Незнайка.

— А кого?

Незнайка хотел сказать, что его дразнила незнакомая малышка, но сообразил, что это будет ябедничество.

— Никого, — ответил он. — Я просто хотел попробовать, можно ли этой линейкой кого-нибудь стукнуть.

— Вы, малыши, только и думаете, как бы кого-нибудь стукнуть, а когда вас самих стукнут, вам это не очень нравится... Вы чего улыбаетесь? Вам смешно, потому что у меня пластырь на лбу?

Она снова подошла к зеркалу:

— Действительно, это очень смешно, когда на лбу такой четырёхугольник!

— А вы его кружочком вырежьте, — посоветовал Незнайка.

Синеглазка отклеила пластырь, обрезала ножницами в виде кружка и приклеила обратно на лоб.

— Вам кажется, что так лучше? — повернулась она к Незнайке.

— Конечно, — подтвердил Незнайка. — По-моему, вам даже идёт.

Прищурив глаза, Синеглазка стала смотреться в зеркало.

— А теперь отдайте мои штаны и рубашку, — попросил Незнайка.

— Пойдите умойтесь, а потом и одежду получите.

Синеглазка привела Незнайку на кухню. Там был на стене умывальник. Рядом на гвозде висело полотенце, и лежали на полочке мыло и зубной порошок.

— Вот вам щётка, вот зубной порошок. Будете чистить зубы, — сказала Синеглазка, протягивая Незнайке зубную щётку.

— Терпеть не могу зубной порошок! — проворчал Незнайка.

— Это почему же?

— Невкусный!

— Так вам же не есть его.

— Всё равно. Он за язык щиплет.

— Пощиплет и перестанет.

Незнайка нехотя принялся чистить зубы. Проведя два раза по зубам щёткой, он скорчил отчаянную гримасу и стал плевать. Потом сполоснул рот водой и начал намыливать мылом руки. Вымыв руки, он положил мыло на полочку и стал мыть лицо.

— И лицо надо с мылом, — сказала Синеглазка.

— Ну его! — ответил Незнайка. — Мыло всегда в глаза лезет.

— Нет уж, пожалуйста, — строго сказала Синеглазка. — Иначе не получите одежду.

Нечего делать. Незнайка намылил лицо мылом и поскорее принялся смывать мыло водой.

— Бр-р-р! — вздрагивал он. — Какая холодная вода!

Кое-как сполоснув лицо, он протянул вперёд руки и, не открывая глаз, принялся шарить руками по стенке.

Синеглазка глядела на него, еле удерживаясь от смеха.

— Что вы ищете?

— П-полотенце, — ответил Незнайка, трясаясь от холода.

— Зачем же искать с закрытыми глазами? Откройте глаза.

— Как же их открыть, когда мыло п-п-проклятое и без того лезет!

— А вы бы смыли его хорошенько.

Синеглазка сняла со стены полотенце и протянула Незнайке. Незнайка повозил полотенцем по лицу и только после этого решился открыть глаза.

— Ну вот, теперь вы стали не в пример чище и даже красивее, — сказала Синеглазка и, заметив отпечатавшиеся на полотенце следы грязи, закончила: — Но в следующий раз вам придётся мыться лучше. Это только на первый раз я вам делаю снисхождение.

Она принесла Незнайкину одежду и сказала:

— Одевайтесь и приходите наверх пить чай. Вы, наверно, уже проголодались?

— Просто ужас, до чего проголодался, — признался Незнайка. — Кажется, целого слона съел бы!

— Ах, бедный! Ну, приходите скорей, мы вас ждём.

РАЗГОВОР ЗА СТОЛОМ

Незнайка быстро оделся и поднялся по скрипучей деревянной лестнице вверх. Он очутился в комнате, которая была немного меньше нижней, но гораздо уютнее. Два полукруглых окна с красивыми занавесками выходили на улицу. Между окнами была дверь на балкон. Посреди комнаты стоял стол, весь уставленный вазочками, мисочками и тарелочками с разными вареньями, печеньями, пирожками, крендельками, маковниками, рогаликами и прочей снедью. Видно было, что малышки решили угостить Незнайку на славу. У Незнайки даже глаза разбежались, когда он увидел на столе такое богатое угощение.

Малышка с бантиком и малышка с косичками уже разливали чай.

Малышка с кудряшками доставала из буфета яблочную пастилу.

Синеглазка познакомила Незнайку со своими подругами. Малышку с косичками звали Белочка, малышку с бантиком — Заинька, а малышку с кудряшками — Стрекоза. Незнайка хотел поскорее сесть за стол, но в это время дверь отворилась и в комнату вошли ещё четыре малышки. Синеглазка стала знакомить с ними Незнайку:

— А это наши соседки: Галочка, Ёлочка, Маргаритка, Кубышка.

Малышки обступили Незнайку со всех сторон.

— Вы к нам на воздушном шаре прилетели? — спросила черноволосая Галочка.

— Да, я на воздушном шаре, — важно ответил Незнайка, поглядывая на стол.

— Должно быть, страшно на воздушном шаре летать? — сказала толстененькая Кубышка.

— Ужас до чего страшно!.. То есть нет, ничуть! — спохватился Незнайка.

— Какой вы храбрый! Я бы ни за что не полетела на воздушном шаре, — сказала Ёлочка.

— А откуда вы прилетели? — спросила Маргаритка.

— Из Цветочного города.

— Где этот город?

— Там, — неопределённо махнул Незнайка рукой. — На Огурцовой реке.

— Ни разу не слыхала про такую реку, — сказала Галочка. — Должно быть, далеко.

— Очень далеко, — подтвердил Незнайка.

— Ну, садитесь за стол, а то чай остынет, — пригласила гостей к столу Синеглазка.

Незнайка не заставил себя долго упрашивать. Он мигом уселся за стол и принялся набивать рот пирожками, крендельками, пастилой и вареньем. Малышки совсем почти ничего не ели, так как им очень хотелось расспросить Незнайку про воздушный шар. Наконец Стрекоза не выдержала и спросила:

— Скажите, пожалуйста, кто это придумал на воздушном шаре летать?

— Это я, — ответил Незнайка, изо всех сил работая челюстями и стараясь поскорее прожевать кусок пирога.

— Да что вы говорите! Неужели вы? — слышались со всех сторон возгласы.

— Честное слово, я. Вот не сойти с места! — поклялся Незнайка и чуть не поперхнулся пирогом.

— Вот интересно! Расскажите, пожалуйста, об этом, — попросила Кубышка.

— Ну, что тут рассказывать... — развёл Незнайка руками. — Меня давно просили наши малыши что-нибудь придумать: «Придумай что-нибудь, братец, да придумай». Я говорю: «Мне, братцы, уже надоело придумывать. Сами придумайте». Они говорят: «Где уж нам! Мы ведь глупенькие, а ты умный. Что тебе стоит? Придумай!» — «Ну ладно, — говорю. — Что с вами делать! Придумаю». И стал думать.

Незнайка с задумчивым видом стал жевать пирог. Малышки с нетерпением поглядывали на него. Наконец Белочка решилась нарушить затянувшееся молчание и, увидев, что Незнайка потянулся за новым пирогом, сказала:

— Вы остановились на том, что стали думать.

— Да! — воскликнул, словно очнувшись, Незнайка и стукнул пирогом по столу. — Думал я три дня и три ночи, и что бы вы думали? Придумал-таки? «Вот, — говорю, — братцы: будет вам шар!» И сделали шар. Про меня даже поэт Цветик... есть у нас такой поэт... стихи сочинил: «Наш Незнайка шар придумал...» Или нет: «Придумал шар Незнайка наш...» Или нет: «Наш шар придумал Незнайка...» Нет, забыл! Про меня, знаете, много стихов сочиняют, не упомнишь их все.

Незнайка снова принялся за пирог.

— Как же вы сделали шар? — спросила Синеглазка.

— О, это была большая работа! Все наши малыши работали дни и ночи. Кто резиной мажет, кто насос

качает, а я только хожу да посвистываю... то есть не посвистываю, а каждому указываю, что нужно делать. Без меня никто ничего не понимает. Всем объясни, всем покажи. Дело очень ответственное, потому что шар каждую минуту может лопнуть. Есть у меня два помощника, Винтик и Шпунтик, мастера на все руки. Всё могут сделать, а голова слабо работает. Им всё надо разъяснять да показывать. Вот я и разъяснил им, как сделать котёл. И пошла работа: котёл кипит, вода буль-буль, пар свищет, ужас что делается!

... Малышки, затаив дыхание, слушали Незнайку.

— А дальше? Что же дальше? — заговорили все, как только Незнайка остановился.

— Наконец наступил день отлёта, — продолжал он. — Коротышек собралось — тысячи! Одни говорят, что шар полетит, другие — что не полетит. Началась драка. Те, которые говорят, что полетит, колотят тех, которые говорят, что не полетит, а те, которые говорят, что не полетит, колотят тех, что полетит. Или нет... кажется, наоборот: те, которые полетит, тех, что не полетит... Или нет, наоборот... Словом, не разберёшь, кто кого колотит. Все друг друга колотят.

— Ну хорошо, — сказала Синеглазка. — Вы не про драку, а про воздушный шар рассказывайте.

— Ладно, — согласился Незнайка. — Они, значит, подрались, а мы залезли в корзину. Я сказал речь: дескать, летим, братцы, прощайте! И полетели вверх. Прилетели наверх, смотрим: а земля внизу вот не больше этого пирога.

— Не может быть! — ахнули малышки.

— Вот не сойти с места, если вру!

— Да не перебивайте! — с досадой сказала Синеглазка. — Не мешайте ему. Не станет он врать.

— Правда, не мешайте мне врать... то есть — тьфу! — не мешайте говорить правду, — сказал Незнайка.

— Рассказывайте, рассказывайте! — закричали все хором.

— Так вот, — продолжал Незнайка. — Летим, значит, выше. Вдруг — бом! Не летим выше. Смотрим — на облако наскочили. Что делать? Взяли топор, прорубили в облаке дырку. Опять вверх полетели. Смотрим — вверх ногами летим: небо внизу, а земля сверху.

— Почему же это? — удивились малышки.

— Закон природы, — объяснил Незнайка. — Выше облаков всегда вверх ногами летают. Прилетели на самый верх, а там мороз тысяча градусов и одна десятая. Все замёрзли. Шар остыл и стал падать. А я был хитрый и заранее велел положить в корзину мешки с песком. Стали мы мешки бросать. Бросали, бросали — не стало больше мешков. Что делать? А у нас был малыш, по имени Знайка. Трусишка такой! Он увидел, что шар падает, и давай плакать, а потом как сиганёт вниз с парашютом — и пошёл домой. Шар стал легче и опять вверх полетел. Потом опять как полетит вниз, да как хватит о землю, да как подскочит, да снова как хватит... Я вывалился из корзины — трррах головой о землю!..

Увлёкшись, Незнайка стукнул кулаком по столу и попал по пирогу. Из пирога так и брызнула во все стороны начинка.

Малышки вздрогнули и от испуга чуть не попадали со стульев.

— Что же дальше? — спросили они, придя в себя.

— А дальше не помню.

Наступило молчание. Малышки с изумлением смотрели на Незнайку. В их глазах он был настоящим героем.

Наконец Синеглазка сказала:

— Вы нас очень напугали своим воздушным шаром. Мы вчера вечером пили чай на балконе. Вдруг смотрим — летит круглый громадный шар, подлетает к нашему дому, натывается на забор... И вдруг — бабах! Шар лопнул, а когда мы подбежали, то увидели только корзину из берёзовой коры.

— Вы лежали как мёртвый! — вставила Заинька. — Вот ужас!

— Один ботинок был у вас на ноге, другой повис на заборе, а шляпа — на дереве, — добавила Белочка.

— У куртки оторвался рукав, и мы нашли его только сегодня утром, — сказала Стрекоза. — Пришлось нам в спешном порядке пришивать этот рукав обратно к куртке.

— Почему же я очутился в этом доме? — спросил Незнайка.

— Мы вас перенесли к себе. Нельзя же было оставить вас во дворе на ночь! — ответила Синеглазка.

— Ведь вы были совсем-совсем почти мёртвый, — снова вставила Заинька. — Но Медуница сказала, что вы можете ещё ожить, потому что у вас крепкий этот... ор-га-низм.

— Да, у меня организм крепкий, а голова ещё крепче, — хвастливо сказал Незнайка. — У другого на моём месте обязательно было бы мозготрясение.

— Вы, наверно, хотели сказать — сотрясение мозга? — заметила Синеглазка.

— Вот-вот, сотрясение мозга, — поправился Незнайка.

— Но вы говорили, что летели на воздушном шаре не один? — спросила Синеглазка.

— Конечно, не один. Нас было шестнадцать. Правда, этот трусишка Знайка выпрыгнул с парашютом, так что осталось пятнадцать.

— Где же все остальные? — спросила Галочка.

— Не знаю, — пожал плечами Незнайка. — А в корзине, кроме меня, никого не было?

— Мы нашли в корзине только краски для рисования и походную аптечку.

— Это Тюбика краски, а аптечка Пилюлькина, — сказал Незнайка.

В это время открылась дверь и в комнату вбежала Снежинка.

— Слышали новость? — закричала она. — Новая новость! Ещё один воздушный шар прилетел и разбился. На нём прилетело четырнадцать малышей. Они упали вчера вечером за городом. Их только сегодня утром, на рассвете, нашли наши малышки и помогли им добраться до больницы.

— Значит, они разбились? — ахнула Белочка.

— Это ничего, — махнула рукой Снежинка. — Медунца сказала, что их вылечат.

— Это, наверно, они, мои товарищи, — сказал Незнайка. — Сейчас я пойду в больницу и всё разузнаю.

— Я провожу вас, — предложила Синеглазка.

— Я тоже пойду с вами, — сказала Снежинка.

Она только тут заметила круглый пластырь на лбу у Синеглазки и воскликнула:

— Ах, миленькая, какой у тебя очаровательный кружочек на лбу! Тебе очень идёт. Что это, новая мода — на лбу кружочки носить? Я, пожалуй, сделаю себе такой же.

— Нет, — ответила Синеглазка, — это у меня пластырь. Я нечаянно ударилась лбом о дверь.

— Ах, вот что... — разочарованно протянула Снежинка.

Подбежав к зеркалу, она принялась надевать шляпу.

Комната мигом опустела. Все разбежались рассказывать новость соседям.

Глава четырнадцатая

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОРОДУ

Снежинка и Синеглазка вышли с Незнайкой на улицу, по обеим сторонам которой тянулись заборчики, плетённые из тонких ивовых прутьев. За заборчиками виднелись красивые домики с красными и зелёными крышами. Над домами возвышались огромные яблони, груши и сливы. Деревья росли и во дворах и на улицах. Весь город утопал в зелени деревьев и поэтому назывался Зелёным городом.

Незнайка с любопытством поглядывал по сторонам. Чистота вокруг была необычайная. Во всех дворах работали малышки. Одни из них подстригали ножницами траву, чтобы она не росла выше положенного роста,

другие, вооружившись мётлами, разметали дорожки, третьи усиленно выколачивали пыль из длинных половиков. Этими половиками в Зелёном городе застилали не только полы в домах, но даже тротуары на улицах. Правда, некоторые хозяева очень беспокоились, как бы прохожие не запачкали их половички, поэтому они стояли рядом и предупреждали, чтобы по половичкам не ходили, а уж если кому-нибудь очень хочется, то чтобы тщательно вытирали ноги. Во многих дворах дорожки тоже были застланы половиками, а стены домов даже снаружи были завешаны пёстрыми, красивыми коврами.

В Зелёном городе имелся водопровод, сделанный из стеблей тростника. Как известно, стебли тростника внутри пустые, и по ним может течь вода, как по трубам. Эти трубы были проложены вдоль каждой улицы, но они не лежали, как кто-нибудь может подумать, прямо на земле, а были прикреплены к деревянным столбикам на некоторой высоте. Поэтому трубы не гнили и могли служить очень долго, хотя и требовали постоянного наблюдения и ремонта, во избежание утечки воды. От главной трубы, которая находилась на улице, шли ответвления к каждому дому. Поэтому в каждом доме имелась водопроводная вода, что, конечно, очень удобно. Кроме того, перед каждым домом имелся фонтан. Это было очень красиво и полезно, так как бившая из фонтанов вода использовалась для орошения огородов. В каждом дворе имелся свой огород, где росли репа, редиска, морковка и другие разные овощи.

В одном из дворов Незнайка увидел, как малышки убирали огород. Обкопав со всех сторон репку или

морковку, они привязывали к её верхушке верёвку, потом хватались за верёвку руками и дёргали изо всех сил. Репка или морковь выскакивала из земли вместе с корнем, и малышки с визгом и смехом тащили её на верёвке домой.

— Что это у вас тут одни малышки живут — ни одного малыша нет? — с удивлением спросил Незнайка.

— Да, в нашем городе остались только малышки, потому что все малыши поселились на пляже. Там у них свой город, называется Змеевка.

— Почему же они поселились на пляже? — спросил Незнайка.

— Потому что им там удобнее. Они любят по целым дням загорать и купаться, а зимой, когда река покрывается льдом, они катаются на коньках. Кроме того, им нравится жить на пляже, потому что весной река разливается и затопляет весь город.

— Что ж тут хорошего? — удивился Незнайка.

— По-моему, тоже ничего хорошего нет, — сказала Снежинка, — а вот нашим малышам нравится. Они ездят в половодье на лодках и спасают друг друга от наводнения. Они очень любят разные приключения.

— Я тоже люблю приключения, — сказал Незнайка. — Нельзя ли мне познакомиться с вашими малышами?

— Нельзя, — сказала Снежинка. — Во-первых, до Змеевки надо идти целый час, потому что пляж далеко вниз по реке, во-вторых, вы ничему хорошему у них не научитесь, а в-третьих, мы с ними поссорились.

— Из-за чего же вы поссорились? — спросил Незнайка.

— А вы знаете, что они сделали? — сказала Синеглазка. — Зимой они пригласили нас к себе на новогоднюю ёлку. Сказали, что у них будет музыка и танцы, а когда мы пришли, знаете, что они сделали? Они забросали всех нас снежками.

— Ну и что ж? — спросил Незнайка.

— Ну, мы и перестали с ними дружить. С тех пор никто к ним не приходит.

— А они к вам?

— Они к нам тоже не ходят. Первое время некоторые малыши продолжали приходить к нам, но никто не хотел с ними играть. Тогда они начинали баловаться от скуки: то стекло расшибут, то забор поломают, — сказала Снежинка.

— А потом они подослали к нам малыша, которого звали Гвоздик, — сказала Синеглазка. — Вот был случай!..

— Да, — подхватила Снежинка. — Этот Гвоздик пришёл к нам и наговорил, будто он хочет дружить с нами, а малышей он сам не любит за то, что они озорные. Мы разрешили ему в нашем городе жить, и что бы вы думали он под конец сделал? Ночью удрал из дому и начал творить разные безобразия. В одном доме подпёр дверь снаружи поленом, так что наутро её нельзя было открыть изнутри; в другом доме подвесил над дверью чурбан, чтобы он ударял по голове каждого, кто выходит; в третьем доме протянул перед дверью верёвку, чтобы все спотыкались и падали; в четвёртом доме разобрал на крыше трубу; в пятом разбил стёкла...

Незнайка захлёбывался от смеха, слушая эту историю.

— Вы смеётесь, — сказала Синеглазка, — а сколько малышей разбили себе носы! Одна малышка полезла чинить трубу, упала с крыши и чуть не сломала себе ногу.

— Я вовсе не над малышами смеюсь, а над этим Гвоздиком, — ответил Незнайка.

— Над ним не смеяться надо, а наказать хорошенько, чтоб больше так не делал.

В это время они проходили мимо яблони, которая росла посреди улицы. Все ветви яблони были усыпаны спелыми, красными яблоками. Снизу к яблоне была приставлена высокая деревянная лестница, которая доставала только до середины её огромного ствола. Дальше кверху вела верёвочная лестница, которая была привязана к нижней ветке дерева. На этой ветке сидели две малышки. Одна малышка старательно перепиливала пилой черенок яблока, другая малышка заботливо поддерживала рукой первую, чтобы она не свалилась вниз.

— Ходите здесь осторожнее, — предупредила Синеглазка Незнайку, — с дерева может упасть яблоко и убить вас.

— Меня не убьёт! — хвастливо сказал Незнайка. — У меня голова крепкая.

— Малыши воображают, что только они одни храбрые, но малышки ничуть не трусливее их. Видите, на какую высоту забрались, — сказала Снежинка.

— Зато малыши на воздушных шарах летают, на автомобилях ездят, — ответил Незнайка.

— Подумаешь! — сказала Снежинка. — У нас тоже многие малышки могут на автомобиле ездить.

— Разве у вас автомобиль есть?

— Есть. Только он испортился. Мы его чинили-чинили — никак не могли исправить. Может быть, вы поможете нам автомобиль починить?

— Помогу, помогу, — ответил Незнайка. — Я в этом деле кое-что понимаю. Когда Винтик и Шпунтик из больницы выпишутся, я объясню им, и они починят.

— Это будет чудесно! — захлопала в ладоши Снежинка.

Тут Незнайка увидел чудо природы, которого ни разу в жизни не видел. Посреди улицы лежали огромные зелёные шары величиной с двухэтажный дом, даже больше.

— А это что за воздушные шары? — удивился Незнайка.

Снежинка и Синеглазка засмеялись.

— Это арбузы, — сказали они. — Разве вы никогда не видели арбузов?

— Никогда, — признался Незнайка. — У нас арбузы не растут. А для чего они?

Снежинка фыркнула:

— Малыш, а не знает, для чего арбузы! Вы ещё спросите, для чего яблоки и груши.

— Неужели их едят? — удивился Незнайка. — Такую громадину и за год не съешь!

— Мы не едим их, — ответила Синеглазка. — Мы добываем из них сладкий сок, то есть сироп. Если просверлить внизу арбуза дырочку, то из неё начинает вытекать сладкий сок. Из одного арбуза можно получить много бочек сиропа.

— Кто же это придумал сажать арбузы? — спросил Незнайка.

— А это у нас есть одна малышка, очень умная. Её зовут Соломка, — ответила Синеглазка. — Она очень любит сажать разные растения и выводить новые сорта. Раньше у нас совсем не было арбузов, но кто-то сказал Соломке, что видел в лесу дикие арбузы. Однажды осенью Соломка снарядила экспедицию в лес, и ей удалось найти заросли диких арбузов на лесной полянке. Экспедиция вернулась с семенами диких арбузов, и весной Соломка посадила семена в землю. Арбузы выросли большие, но оказались кислые. Соломка работала не покладая рук и пробовала сок от всех арбузов. Ей удалось выбрать арбуз, в котором был не очень кислый сок. На другой год она посадила семена от этого арбуза. На этот раз уродились арбузы не такие кислые, между ними попадались даже чуть сладкие. Соломка выбрала самый сладкий арбуз и на следующий год посадила семена от него. Так она делала несколько лет подряд и добилась, что арбузы стали сладкие, как мёд.

— Теперь все хвалят Соломку, а раньше уж как ругали, уж как ругали! — сказала Снежинка.

— За что же ругали? — удивился Незнайка.

— Никто не верил, что из этой кислятины может выйти какой-нибудь толк. К тому же арбузы росли по всему городу, где попало, и мешали ходить. Часто арбуз начинал расти у стены какого-нибудь дома. Пока он был маленький, ещё можно было терпеть, но постепенно он разрастался, наваливался на стену и начинал разрушать её. В одном месте из-за арбуза даже целый

дом рухнул. Некоторые малышки хотели даже запретить Соломке сажать арбузы, но другие заступились за неё и стали помогать ей.

В это время наши путешественники вышли на берег реки.

— А это река Арбузовая, — сказала Снежинка. — Видите, как много тут растёт арбузов?

Через реку вёл узенький мостик, похожий на длинный половичок, протянутый с одного берега реки на другой. Он был сделан из какой-то толстой и прочной материи.

— Этот мост сделали наши малышки, — сказала Синеглазка. — Мы плели его целый месяц из стеблей льна, а потом малыши помогли нам протянуть его над водой.

— Ах, как интересно было! — подхватила Снежинка. — Один малыш упал в реку и чуть не утонул, но его вытащили.

Синеглазка взошла на мост и зашагала на другую сторону. Незнайка тоже смело взошёл на мост, но тут же остановился, так как почувствовал, что мост под ногами качается.

— Что же вы там застряли? — спросила Снежинка. — Испугались?

— И ничего я не испугался. Просто мост очень смешной.

Незнайка нагнулся и принялся хвататься за мост руками. При этом он хихикал, чтоб показать, будто ему совсем не страшно.

Снежинка схватила Незнайку за одну руку, Синеглазка за другую руку, и они вдвоём перевели его по мосту.

Малышки видели, что Незнайка боится, но не стали над ним смеяться, так как знали, что малыши терпеть не могут, когда над ними смеются. Перейдя на другой берег, наши путешественники прошли по улице и скоро очутились перед беленьким домиком с зелёной крышей.

— Вот это и есть наша больница, — сказала Синеглазка.

Глава пятнадцатая

В БОЛЬНИЦЕ

Остановившись у двери, Снежинка потянула за ручку колокольчика. Раздался звон: дзинь-дзинь! Дверь отворилась. На пороге появилась нянечка в белом халате и косыночке, из-под которой выбивались золотистые локоны.

— Ах, батюшки, — испуганно хлопнула она ладошками, — ещё одного больного привели! Больше класть некуда, честное слово! И откуда вы их берёте! Целый год больница стояла пустая — никто не хотел лечиться, а сегодня уже пятнадцатый больной!

— Этот малыш вовсе не болен, — ответила Снежинка. — Он пришёл навестить товарищей.

— А, ну тогда заходите.

Малышки и Незнайка вошли в кабинет врача. Медуница сидела за столом и что-то писала. Перед нею лежала целая куча больничных карточек, в которые записывают болезни больных. Увидев Снежинку и Синеглазку, она сказала:

— Вы, наверно, пришли на больных посмотреть? Нельзя, нельзя! Вы забываете, что больным нужен покой. А вы, Синеглазка, уже с пластырем на лбу? Поздравляю! Я вам это предсказывала. Уж мне-то известно, что как только в доме заведётся хоть один малыш, тут только и жди синяков да шишек.

— Мы вовсе не хотим на больных смотреть, — ответила Снежинка. — Больных хочет навестить вот этот малыш.

— Вот этому малышу я велела лежать в постели, а он встал без разрешения врача и, как вижу, уже начал драться. Я не могу его пропустить. Больница не место для драки.

— Я вовсе не буду драться, — ответил Незнайка.

— Нет, нет! — строго воскликнула Медунца и постучала своей деревянной трубочкой по столу. — Малыши всегда говорят: «Не буду!», а потом всё равно дерутся.

Считая разговор с Незнайкой оконченным, Медунца повернулась к Синеглазке:

— Ну-ка, покажите мне ваш лоб, милочка.

Она отклеила пластырь и стала осматривать синяк.

— Пластырь вам больше не нужен, — сказала Медунца, окончив осмотр. — Пойдёмте со мной, милочка, мы погреем вам лоб синим светом, и синяка не будет.

Она вышла вместе с Синеглазкой из комнаты. Незнайка увидел на вешалке белый халат и колпак. Недолго думая он надел этот халат, напялил колпак на голову, потом нацепил на нос очки, которые Медунца оставила на столе, и, захватив со стола деревянную трубочку, вышел из комнаты. Снежинка с восторгом

смотрела на Незнайку, удивляясь его смелости и находчивости.

Пройдя по коридору, он открыл дверь и очутился в больничной палате, где лежали его друзья коротышки. Подойдя к первой койке, он увидел, что на ней лежит Ворчун. Лицо у Ворчуна было угрюмое и недовольное.

— Как вы себя чувствуете, больной? — спросил Незнайка, стараясь говорить не своим голосом.

— Прекрасно, — ответил Ворчун и скроил при этом такую гримасу, словно собирался через пять минут помереть.

— Встаньте, больной, — приказал Незнайка.

Ворчун нехотя приподнялся и сел на постели, тупо глядя прямо перед собой. Незнайка приложил к его груди деревянную трубочку и сказал:

— Дышите.

— Ну что это такое! — проворчал Ворчун. — То встаньте, то лягте, то дышите, то не дышите!

Незнайка щёлкнул его по голове трубочкой и сказал:

— Ты, Ворчун, совсем не переменился. Ворчишь, как всегда.

Ворчун с удивлением взглянул на него:

— Незнайка!

— Тише! — зашипел на него Незнайка.

— Слушай, Незнайка, выручи меня отсюда, — зашептал Ворчун. — Я совсем здоров, честное слово! Я коленку ушиб, уже почти не болит, а меня держат в постели, одежду не отдают. Сил моих больше нет! Я гулять хочу. Понимаешь?

Он уцепился за рукав Незнайки и не хотел его отпускать.

— Ладно, — ответил Незнайка. — Потерпи немного, я придумаю что-нибудь. Только обещай, что теперь будешь слушаться меня, а если малышки будут спрашивать, кто выдумал воздушный шар, говори, что я.

— Хорошо, хорошо, — закивал головой Ворчун. — Только ты уж постарайся!

— Можешь не беспокоиться, — обнадёжил его Незнайка.

Он подошёл к следующей койке, на которой лежал доктор Пилюлькин.

— Миленький, выручай! — зашептал Пилюлькин. — Понимаешь, каково мне терпеть! Сам всю жизнь лечил других, а теперь меня лечат.

— А ты разве тоже не больной?

— Да какой там больной! На плече ссадина да под носом царапина. Из-за этого вовсе не надо в больнице лежать.

— Зачем же тебя здесь держат?

— Ну, понимаешь, у них больница пустая, лечить некого, а им хочется ухаживать хоть за какими-нибудь больными. Малышки ведь! А лечат-то как! Тьфу! Снаружи ставят медовые пластыри и внутрь дают мёду. Это ведь неправильно: снаружи надо йодом, а внутрь — касторку. Я не согласен с таким лечением!

— Я тоже не согласен, — заявил с соседней койки Авоська. — Ходить нельзя, бегать нельзя, в пятнашки играть нельзя, в расшибалочку тоже. Петь даже нельзя. Одежду у всех отобрали, всем выдали по носовому платочку. Лежи да сморкайся, вот и всё развлечение.

— Зачем же вы пошли в больницу?

— А мы вчера высыпались из корзины за городом

и легли спать. На рассвете нас разбудили малышки и говорят: «Откуда вы, малыши?» — «Мы, — говорим, — летели на воздушном шаре и разбились». — «Ах, вы разбились! Ах, вас лечить надо! Ах, пойдёмте в больницу!» Мы и пошли.

— Значит, никто не болен? — спросил Незнайка.

— Нет, один только Пулька болен.

Незнайка подошёл к Пульке:

— Что с тобой?

— Ногу вывихнул. Совсем не могу ходить. Но не это меня тревожит. У меня, понимаешь, Булька пропал. Будь другом, сделай доброе дело, поищи Бульку! Он, наверно, где-нибудь здесь. Я ведь не могу сдвинуться с места.

— Хорошо, — сказал Незнайка. — Я разыщу твоего Бульку, а ты говори всем, что я шар выдумал.

Незнайка обошёл всех малышей и предупредил, чтобы говорили, будто это он выдумал шар. Наконец он вернулся в кабинет врача. Снежинка с нетерпением ожидала его.

— Ну, как себя чувствуют больные? — спросила она.

— Какие они больные! — махнул Незнайка рукой. — Один только Пулька немножко болен.

— Значит, их скоро выпишут? — обрадовалась Снежинка. — Знаете, что я думаю? Мы устроим по случаю выздоровления больных бал. Вот будет весело!

— Не похоже, чтоб их собирались выписывать.

В это время возвратились Медуница и Синеглазка.

— Вы зачем надели халат? Что это за самоуправство? — накинулась Медуница на Незнайку.

— Никакого самоуправства нет, — ответил Незнайка. — Просто я ходил с обследованием.

— Что же показало ваше обследование? — насмешливо спросила Медуница.

— Обследование показало, что все больные, кроме одного, здоровы и их уже можно выписать.

— Нет, нет! — испуганно заговорила Медуница. — Вы представляете себе, что будет, если мы сразу выпишем четырнадцать малышей? Они перевернут весь город вверх дном! Ни одного целого стекла не останется, у всех появятся синяки и шишки. В целях предупреждения заболевания синяками мы должны оставить малышей в больнице.

— Может быть, можно выписывать понемножечку? — сказала Синеглазка. — Хотя бы по одному малышу в день.

— По одному это мало, хотя бы по два, — сказала Снежинка. — Мы хотим поскорее устроить бал по случаю выздоровления.

— Ну хорошо, — согласилась Медуница. — Мы составим список и с завтрашнего дня будем выписывать по одному больному.

Снежинка захлопала в ладоши и бросилась обнимать Медуницу:

— Нет, по два, миленькая, по два! Мне так хочется, чтобы они поскорее выписались! Вам ведь тоже хочется пойти на бал. Вы так замечательно танцуете!

— Ну хорошо, по два, — смягчилась Медуница. — Начнём выписку с самых смирных. Вы должны помочь нам, — обратилась она к Незнайке. — Кто из них самый смирный?

— Да они все смирные! — воскликнул Незнайка.

— Вот этому я уж никак не поверю. Малыши смирные

не бывают. Для них обязательно нужно придумать какое-нибудь дело, чтобы они занялись им и забыли о шалостях.

— Тогда давайте выпишем в первую очередь этих мастеров — Винтика и Шпунтика. Они сразу могли бы взяться за починку машины, — сказала Синеглазка.

— Хорошая мысль! — одобрила Медуница. — Вот мы и начнём с этих Винтика и Шпунтика.

Она записала Винтика и Шпунтика на бумажке.

— Вслед за этими я хотела бы выписать Ворчуна, — сказала Медуница. — Он такой несносный! Ворчит всё время и никому не даёт покою.

— Нет, не нужно, — возразил Незнайка. — Ворчуна вы лучше подержите в больнице, чтобы он отучился ворчать.

— Тогда можно выписать Пилюлькина. Он недоволен нашей больницей и всё время критикует наши методы лечения. Такой беспокойный больной! Я не прочь вовсе избавиться от него.

— Нет, Пилюлькина тоже не надо, — ответил Незнайка. — Он всю жизнь лечит других, теперь пусть сам полечится. Лучше выпишем Тюбика. Он хороший художник, и для него сразу найдётся работа. Он мой ученик. Это я его научил рисовать.

— Правда, миленькая! — взмолилась Снежинка. — Нельзя ли сегодня выписать Тюбика? Я попрошу его нарисовать мой портрет.

— И Гуслию, — добавил Незнайка. — Это тоже мой ученик. Я его выучил играть на флейте.

Снежинка снова бросилась обнимать Медуницу:

— Выпишем Тюбика и Гуслика! Ну, пожалуйста!

— Ну хорошо, для этих сделаем исключение, — смягчилась Медуница. — Но остальных будем выписывать в порядке очереди.

Наконец список был составлен. Медуница велела выдать из кладовой одежду Тюбику и Гусле. Через несколько минут они оба, сияя от радости, появились у неё в кабинете.

— Мы вас выписываем, — сказала им Медуница. — Постарайтесь вести себя хорошо, в противном случае придётся вас снова положить в больницу.

Глава шестнадцатая

КОНЦЕРТ

По всему городу разнеслась весть о знаменитом путешественнике Незнайке и его товарищах, которые попали в больницу.

Галочка и Кубышка без усталости бегали из дома в дом и рассказывали новость подругам. Эти подружки, в свою очередь, рассказывали другим подругам, другие — третьим, и скоро всё население города двинулось, как по команде, к больнице. Каждой малышке хотелось чем-нибудь помочь пострадавшим малышам. Они тащили с собой всякую всячину. У одних были вкусные пироги, у других — варенье, у третьих — сладкая пастила или компот.

Через полчаса малышки запрудили всю Больничную улицу. Конечно, в больницу не могли пустить такое количество желающих. Медуница вышла на крыльцо

и сказала, что больные ни в чём не нуждаются, поэтому все должны разойтись по домам и не шуметь здесь под окнами. Но малышки не хотели расходиться. Каким-то чудом им стало известно, что самый главный малыш, по имени Незнайка, должен выйти из больницы со своими товарищами, Тюбиком и Гуслей.

Медунице снова пришлось объявить, что Незнайка не выйдет до тех пор, пока все не разойдутся. Но малышки, вместо того чтобы разойтись по домам, пошли к своим подругам, которые жили на Больничной улице. Когда Незнайка, Тюбик и Гусля в сопровождении Снежинки и Синеглазки вышли на улицу, то увидели, что из всех окон выглядывает чуть ли не по десятку малышей. Незнайка был очень польщён таким вниманием. До его слуха долетали голоса:

— Скажите, скажите, который из них этот знаменитый Незнайка?

— Незнайка вон тот, в жёлтых брюках.

— Этот ушастенький? Ни за что не сказала бы, что это Незнайка. У него довольно глуповатый вид.

— Нет, точно, точно! Вид, правда, у него глуповатый, но глаза очень умные.

Одна малышка во втором этаже углового дома, увидев Незнайку, принялась махать руками и кричать тонким, пискливым голосом:

— Незнайка! Незнайка! Ура!

Она бесстрашно высовывалась из окна, так что в конце концов чуть не вывалилась наружу. Хорошо, что остальные малышки успели поймать её за ноги и втащить обратно.

— Фу, какой стыд! Этот Незнайка может вообразить

о себе невесть что! — сказала малышка со строгим худеньким личиком и остреньким подбородком.

— Вы правы, Ласточка, — ответила ей другая малышка со вздёрнутой верхней губой, из-под которой сверкали белые зубы. — Малышам не надо показывать, что на них смотрят. Когда они убедятся, что их шалостей никто не замечает, то сами перестанут шалить.

— Вот об этом я и говорю, Кисонька, — подхватила Ласточка. — Малышей надо презирать. Когда они увидят, что их презирают, то побоятся обижать нас.

Эти Ласточка и Кисонька шушукались-шушукались, жужжали-жужжали, пока не прожужжали всем уши, что к прилетевшим малышам надо относиться с презрением. Все малышки условились между собой не замечать малышей, а если встретятся с ними на улице, то, увидев издали, поворачивать обратно или переходить на другую сторону.

Из этого условия, однако, вышло мало толку. Каким-то чудом всем стало известно, что Тюбик — художник, а Гуся — замечательный музыкант, который умеет играть на флейте. Всем, конечно, хотелось поскорей послушать игру на флейте, так как в Зелёном городе умели играть только на арфах, а флейты никто ни разу не слышал.

Скоро малышки узнали, что Тюбик и Гуся поселились на Яблочной площади, в доме, где жила малышка Пуговка со своими подружками. Во втором этаже этого дома, под самой крышей, была просторная комната с большим, светлым окном во всю стену. Эта комната понравилась Тюбику за то, что была очень светлая, и они с Гусей решили поселиться в ней.

Окно верхней комнаты выходило прямо на Яблочную площадь. И вот вечером Яблочная площадь, на которой никогда раньше не наблюдалось большого движения, сразу наполнилась гуляющими малышами. Взявшись за руки, они прохаживались по площади парочками и украдкой поглядывали на освещённое окно во втором этаже. Конечно, они делали это не для того, чтобы увидеть Тюбика или Гуслю, а просто от нетерпения: всем хотелось поскорее услышать музыку.

Время от времени они замечали то мелькнувшую в открытом окне аккуратно причёсанную голову Гусли, то взъерошенную шевелюру Тюбика. Потом мельканье голов в окне прекратилось, и малышки увидели Тюбика, который облокотился о подоконник и мечтательно глядел вдаль. Вслед за Тюбиком у окна появился Гусля. Они оба принялись рассуждать о чём-то, посматривая по сторонам и размахивая руками.

После этого они оба высунулись из окна и, наклонившись, стали глядеть вниз. Потом оба по разу плюнули со второго этажа и снова исчезли в окне.

Казалось, что больше ничего интересного не произойдёт, но малышки и не думали расходиться. И как раз в это время из окна полились нежные, как плеск ручейка, звуки флейты. Они то мерно катились, как катятся волны — одна за другой, то как будто подпрыгивали и кувыркались в воздухе, гоняясь друг за дружкой и сталкиваясь между собой. От этого всем становилось весело. Звуки флейты словно дёргали всех за ручки и ножки, всем поневоле хотелось пуститься в пляс. Окна домов отворились бесшумно. Движение на площади прекратилось. Все застыли, стараясь не пропустить ни одного звука.

Наконец флейта смолкла, но сейчас же из окна противоположного дома слышались звуки арфы. Арфа пыталась повторить эту новую, до сих пор неизвестную мелодию. Чьи-то пальцы неуверенно перебирали струны. Мелодия, которая началась довольно бойко, постепенно слабела, наконец замерла совсем, но сейчас же флейта пришла на помощь, подхватив продолжение. Арфа ожила, зазвучала увереннее. К ней присоединилась другая, из соседнего дома, потом третья. Музыка сделалась громче и веселей.

Незнайка, который прибежал с красками и кисточкой, чтобы отдать их Тюбику, увидел на площади перед домом необычайное зрелище. Вся площадь была запружена малышками, которые слушали этот чудесный концерт. Незнайка тоже заслушался и даже запрыгал на одной ножке, но, увидев, что на его танец никто не обращает внимания, махнул рукой и скрылся в дверях дома.

Глава семнадцатая

ПОХОД ВИНТИКА И ШПУНТИКА В ГОРОД ЗМЕЕВКУ

Выходите по порядку,
Становитесь на зарядку.
Начинай с зарядки день,
Разгоняй движеньем лень.

Эту песенку о зарядке, которую сочинил поэт Цветик, распевали Винтик и Шпунтик.

Было раннее утро, и в Зелёном городе все ещё спали, а Винтик и Шпунтик уже шагали по улицам, распевая песню и делая на ходу зарядку. Зная ещё со вчерашнего дня, что наутро их должны выписать из больницы, для того чтобы починять машину, они проснулись ни свет ни заря и стали требовать, чтобы их немедленно выписали. Медуница, которая больше всего на свете боялась шума, распорядилась поскорее выдать им одежду.

Услышав ещё издали звуки песни, многие малышки проснулись и стали выглядывать в окна; некоторые даже вышли на улицу.

— Эй, малышки, где тут у вас гараж? — закричал Винтик.

— Пойдёмте, я вам покажу, — вызвалась малышка в красном капоре и синем пальто с пушистым воротником, сделанным из черно-бурой гусеницы.

— Ну, показывай, куда нам — направо или налево? — сказал Винтик.

— Направо, — ответила малышка, с любопытством разглядывая их кожаные куртки.

— Напра-во! Шагом марш! — скомандовал Винтик и, повернувшись, зашагал по улице. — Ать-два! Ать-два!

Шпунтик шагал в ногу, следом за ним. Малышка, едва поспевая, бежала вприпрыжку сзади.

С разгона Винтик и Шпунтик проскочили мимо нужных ворот.

— Стойте, стойте! — закричала малышка. — Вы прошли мимо.

— Кру-гом! — скомандовал Винтик.

Оба повернулись и возвратились к воротам. Малышка

открыла калитку. Все трое вошли во двор, где неподалёку от дома стоял крытый черепицей сарай.

— Ну и гараж! Это просто сарай, а не гараж, — проворчал Шпунтик, открывая широкие двустворчатые двери.

Винтик заглянул в сарай и увидел машину.

К гаражу подошли ещё несколько малышей.

— Тут темно, — сказал Винтик. — Ну-ка, давайте выкатим машину наружу.

— Так она ведь не может ездить, испорченная же, — говорили малышки.

— Ничего, мы её на руках выкатим. Ну-ка, толкайте сзади. Ну-ка, разом! Ещё ра-азик!

Машина заскрипела. С визгом и скрежетом она выкатилась из гаража.

Винтик и Шпунтик моментально залезли под автомобиль. Малышки стояли вокруг и растерянно заглядывали под колёса.

— У-у, — то и дело раздавалось из-под машины, — бак прохудился! У-у, гайки нет! У-у-у! Трубка для подачи сиропа лопнула!

Наконец они вылезли из-под колёс.

— Ну-ка, тащите сюда гаечный ключ, плоскогубцы, молоток и паяльник, — сказал Винтик малышам.

— А у нас ничего этого нет.

— Как — нет? Что же у вас есть?

— Пила есть. И топор.

— Эх, вы! Топором машину не чинят. У вас тут малыши где-нибудь поблизости есть?

— Малыши только в Змеевке есть.

— Далеко это?

— Час ходьбы.

— Это для вас час, а мы быстрее доберёмся. Рассказывайте, как идти.

— Вот, направо по улице, а там всё прямо и прямо. Потом будет дорога полем, по этой дороге прямо — и прямо в Змеевку попадёте.

— Понятно, — сказал Винтик. — Ну, шагом марш!.. Отставить! — вдруг скомандовал он. — Вы, малышки, достаньте каких-нибудь тряпочек и, пока мы будем ходить, протрите хорошенько машину. Машина, братцы, она уход любит.

— Хорошо, — согласились малышки.

— Ну, теперь шагом марш!

Оба зашагали на улицу. Повернув направо, Винтик скомандовал:

— Песню!

И наши друзья запели что было силы:

Шёл я лесом, шёл я лугом
Со своим хорошим другом.
Мы взбирались на кочки,
Любовались на цветочки.

Вдруг с лягушкой повстречались
И скорей домой помчались.
Прибежали мы домой
И сказали «ой!».

Когда эта песня кончилась, они затянули другую, потом ещё и ещё.

Скоро они вышли из города и зашагали по дороге. Не прошло и часа, как вдали уже завиднелся город

Змеевка. Как раз в это время Винтик и Шпунтик увидели стоявший посреди дороги автомобиль. Подойдя ближе, они заметили под машиной коротышку. Голова и грудь его скрывались под кузовом, наружу торчали только ноги в чёрных засаленных брюках.

— Эй, братец, загораешь? — окликнул его Шпунтик.

Коротышка высунул из-под машины свою черноволосую курчавую голову:

— Да вот, как видишь, приходится загорать под машиной.

— А что случилось?

— Да не везёт, окаянная! То ли подачи сиропа нет, то ли дозировка газировки нарушилась. Никак не могу найти причину.

Коротышка вылез наружу и в сердцах пнул колесо ногой.

На нём была чёрная куртка, засаленная, как и брюки, таким невероятным образом, что казалось, была сделана из кожи. Как видно, этому горе-водителю приходилось не столько ездить на своей машине, сколько лежать под ней, отыскивая разного рода неисправности, что, впрочем, часто случается со многими владельцами газированных автомашин.

Винтик обошёл вокруг автомобиля, осмотрел механизм и, не найдя причины, нырнул под машину. Поковырявшись под ней, он вынырнул обратно и остановился, почёсывая в задумчивости затылок. Вслед за Винтиком под машину нырнул Шпунтик, затем снова владелец автомобиля. Так они то ныряли по очереди, то стояли, с недоумением глядя на машину и почёсывая затылки.

Наконец Винтику удалось найти причину остановки

мотора. Машина заработала. Водитель был рад и с благодарностью пожимал руки Винтика и Шпунтика:

— Спасибо, братцы! Без вас я тут до вечера загорал бы. Вы куда идёте? Садитесь, подвезу.

Винтик и Шпунтик рассказали ему о цели своего путешествия.

— Гаечный ключ, плоскогубцы и молоток у меня есть, могу вам дать. Только паяльника у меня нет, — сказал водитель.

— А нельзя ли достать паяльник у кого-нибудь в вашем городе?

— Почему нельзя? Очень даже можно. У нашего механика Шурупчика есть паяльник. Поедем к нему.

Все трое сели в машину и через несколько минут уже были на главной улице Змеевки.

Глава восемнадцатая

В ЗМЕЕВКЕ

Город Змеевка был расположен на пляже, возле реки. Деревья здесь не росли, поэтому на улицах было не так красиво, как на улицах Зелёного города. Зато повсюду росло много цветов, как в Цветочном городе. Дома здесь были очень красивые. Над каждой крышей возвышался шпиль, украшенный сверху либо деревянным петухом, который поворачивался в разные стороны в зависимости от направления ветра, либо беспрестанно вертевшейся игрушечной ветряной мельницей. Многие из этих мельниц были снабжены

деревянными трещотками, которые беспрерывно трещали. Над городом там и сям реяли бумажные змеи. Запускать змеев было самым любимым развлечением жителей, отчего город и получил своё название. Этих змеев жители снабжали специальными гудками. Устройство такого гудка очень простое. Он делается из полоски обыкновенной бумаги, натянутой на ниточку. На ветру такая полоска бумаги колеблется, издавая довольно противный дребезжащий или гудящий звук.

Разноголосое гуденье змеев сливалось с треском мельничных трещоток, в результате чего над городом стоял непрерывный гул.

Окна каждого дома были снабжены специальными решётчатыми ставнями. Когда на улицах города начиналась футбольная игра, которой тоже очень увлекались жители, ставни в домах закрывались. Такие усовершенствованные решётчатые ставни пропускали в комнаты достаточно света и в то же время прекрасно защищали стёкла от футбольного мяча, который по необъяснимым причинам всегда почему-то летит не туда, куда надо, а непременно в окно.

Проехав по главной улице, машина свернула в переулок и остановилась у дощатых ворот с калиткой. Над воротами возвышался деревянный шпиль, украшенный сверху блестящим стеклянным шаром, в котором, как в зеркале, отражалась в перевёрнутом виде вся улица вместе с домами, заборами и подъехавшей к воротам машиной.

Водитель, которого, кстати сказать, звали Бубликом, вылез из машины и, подойдя к калитке, нажал скрытую в ограде кнопку. Калитка бесшумно отворилась.

— Заходите, — пригласил Винтика и Шпунтика Бублик. — Я вас познакомлю с Шурупчиком. Это интересная личность. Вот вы увидите.

Трое друзей вошли во двор и, повернув налево, направились к дому. Поднявшись по небольшой каменной лестнице, Бублик отыскал на стене кнопку и нажал её. Дверь так же бесшумно отворилась, и наши друзья очутились в комнате.

Эта комната была совершенно пустая, без всякой мебели, если не считать висевшего у стены гамака, в котором, сложив кренделем ноги и глубоко засунув в карманы руки, лежал коротышка в голубом комбинезоне.

— А ты до сих пор спишь, Шурупчик? — приветствовал его Бублик. — Ведь давно уже утро.

— Я вовсе не сплю, а думаю, — ответил Шурупчик, поворачивая голову в сторону своих гостей.

— Вот познакомься, это мастера Винтик и Шпунтик. Им нужен паяльник.

— Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста, — ответил Шурупчик.

Винтик и Шпунтик растерянно оглянулись по сторонам, не видя во всей комнате, на чём бы здесь можно было присесть, но Шурупчик протянул руку и нажал имевшуюся на стене подле гамака кнопку. Сейчас же у противоположной стены откинулись три откидных стула, сделанных на манер откидных стульев в театре. Винтик и Шпунтик сели.

— Вы заметили, что у меня всё на кнопках? — спросил Шурупчик. — Нажмёшь кнопку — откроется дверь, нажмёшь другую — откинется стул, а если стол нужен — пожалуйста...

Шурупчик нажал другую кнопку. От стены откинулась крышка стола и чуть не задела Винтика по голове.

— Не правда ли, очень удобно? — спросил Шурупчик.

— Изумительно! — подтвердил Винтик и оглянулся, боясь, как бы ещё что-нибудь не свалилось ему на голову.

— Техника на грани фантастики! — хвастливо сказал Шурупчик.

— Единственное неудобство, что сидеть можно только у стены, — сказал Бублик.

— Вот я как раз и думал о том, как сделать, чтобы стулья можно было передвигать, — ответил изобретатель.

— Может быть, проще сделать обыкновенные стулья? — сказал Шпунтик.

— А это хорошая мысль! Надо будет изобрести самый простой, обыкновенный стул! — обрадовался Шурупчик. — Ведь всё гениальное просто. Ты, братец, видно, тоже механик?

— Механик, — ответил Шпунтик. — Мы оба механики.

— Так вам, значит, нужен паяльник?

Шурупчик нажал ещё одну кнопку, и, к изумлению зрителей, гамак начал медленно опускаться. Он опускался до тех пор, пока лежавший в нём Шурупчик не растянулся на полу.

— Вылезая из обыкновенного гамака, вы можете зацепиться ногой за верёвку и, упав, разбить себе нос, — сказал Шурупчик, поднимаясь с пола. — В моём механизированном гамаке эта опасность полностью устранена.

Вы спокойно опускаетесь на пол, после чего встаёте. Точно так же, когда вам нужно лечь спать, вы ложитесь на пол, нажимаете кнопку, и гамак сам поднимает вас на необходимую высоту.

Шурупчик ходил по комнате и нажимал разные кнопки. В результате откидывались новые столы, стулья и полки, открывались дверцы различных шкафов и кладовушек. Наконец он нажал ещё одну кнопку и провалился в подполье.

— Идите сюда! — слышался через минуту со двора его голос.

Друзья вышли во двор.

— Здесь у меня гараж, — сказал Шурупчик, подводя Винтика и Шпунтика к каменному сараю с широкой железной дверью.

Он нажал кнопку, и дверь поползла кверху, как занавес в театре. За дверью обнаружилась какая-то чудная машина со множеством колёс.

— Это восьмиколёсный паровой автомобиль с фисташковым охлаждением, — объяснил Шурупчик. — Четыре колеса у него снизу и четыре сверху. Обычно машина ходит на нижних колёсах; верхние колёса сделаны на тот случай, если машина перевернётся. Все восемь колёс машины поставлены под углом, то есть наклонно, благодаря чему автомобиль может ездить, не только как все автомобили ездят, но и на боку и даже на спине, то есть совсем вверх ногами. Таким образом предотвращается возможность всяких аварий.

Шурупчик залез в машину и продемонстрировал езду на ней во всех четырёх положениях, после чего продолжал объяснения.

— Вместо обычного бака, — сказал он, — в машине имеется котёл для нагревания газированной воды. Выделяющийся при нагревании воды пар увеличивает давление на поршень, благодаря чему колёса вращаются шибче. Позади котла имеется банка для приготовления фисташкового мороженого, которое необходимо для охлаждения цилиндра. Растаявшее от нагревания мороженое поступает по трубке в котёл и служит для смазки мотора. Машина имеет четыре скорости: первую, вторую, третью и четвёртую, а также задний и боковой ход. В задней части машины имеется приспособление для стирки белья. Стирка может производиться во время движения на любой скорости. В спокойном состоянии, то есть на остановках, машина рубит дрова, месит глину и делает кирпичи, а также чистит картошку.

Подивившись на эту диковинную машину, друзья перешли в мастерскую Шурупчика, которая была завалена разной рухлядью. Здесь лежали старые, сломанные велосипеды и велосипедные части, самокаты и масса разных деревянных волчков и вертушек. Шурупчик долго слонялся по мастерской, разыскивая паяльник, но его нигде не было. Перерыв всю свою рухлядь, он вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и сказал:

— Ах я растяпа! Я ведь забыл паяльник у Смекайлы. Придётся вам проехаться к Смекайле за паяльником.

— Ну ничего, на машине живо докатим, — сказал Бублик.

— А кто этот Смекайло? — спросил Винтик, когда наши друзья, попрощавшись с Шурупчиком, вышли за ворота.

— Смекайло — писатель, — ответил Бублик.

— Да неужели? — воскликнул Шпунтик. — Очень интересно с ним познакомиться. Я ещё ни разу не разговаривал с живым писателем.

— Вот вы и познакомитесь с ним. Тоже в своём роде интересная личность, — ответил Бублик, садясь в машину.

Глава девятнадцатая

В ГОСТЯХ У СМЕКАЙЛЫ

Смекайло стоял у открытого окна своего кабинета и, скрестив на груди руки, задумчиво смотрел вдаль. Волосы его были гладко зачёсаны назад, густые чёрные брови, которые срослись на переносице, были насуплены, что придавало лицу глубокомысленное выражение. Он даже не пошевелился, когда в комнате появились трое наших друзей. Бублик громко поздоровался с ним, представил ему Винтика и Шпунтика и сказал, что они приехали за паяльником, но Смекайло продолжал смотреть в окно с таким сосредоточенным видом, словно старался поймать за хвост какую-то чрезвычайно хитрую, умную мысль, которая вертелась у него в голове и никак не давалась в руки. Бублик смущённо пожал плечами и с усмешкой взглянул на Винтика и Шпунтика, как бы желая сказать: «Вот видите, я говорил вам!»

Наконец Смекайло как будто очнулся от сна, повернулся к вошедшим и, важно растягивая слова, сказал мягким, приятным голосом:

— Приве-ет, приве-е-ет! Прошу прощения, мои друзья. Я, так сказать, незримо отсутствовал, перенесаясь воображением в другие сферы... Смекайло, — назвал он себя и протянул Винтику руку.

Винтик пожал его мягкую, точно котлета, руку.

— Смекайло, — повторил Смекайло бархатным голосом и плавным, широким жестом протянул руку Шпунтику.

— Шпунтик, — ответил Шпунтик и тоже пожал котлету.

— Смекайло, — произнёс в третий раз Смекайло и протянул руку Бублику.

— Да мы с вами уже знакомы! — ответил Бублик.

— Ах, да ведь это Бублик! — соорудив удивлённое лицо, воскликнул Смекайло. — Приве-ет! Приве-ет! Прошу садиться, друзья.

Все сели.

— Так вы уже познакомились с этим Шурупчиком? — спросил Смекайло, доказывая своим вопросом, что хотя он и незримо отсутствовал, перенесаясь в другие сферы, всё же расслышал, о чём говорил Бублик. — Он вам, должно быть, показывал свои откидные столы и стулья? Хе-хе-хе!

Винтик утвердительно кивнул головой. У Смекайлы на лице появилось насмешливое выражение. Словно испытывая удовольствие, он потёр руками коленки и сказал:

— Хе-хе! Эти изобретатели — все чудаки. Ну, скажите, пожалуйста, к чему все эти откидывающиеся столы, открывающиеся шкафы, опускающиеся гамаки? Мне, например, гораздо приятнее сидеть на обыкновенном

стуле, который не подскакивает под вами, как только вы встали, или спать на кровати, которая не ездит подомной вверх и вниз. К чему это, скажите, пожалуйста? Кто может заставить меня спать на такой кровати? А если я, так сказать, не хочу? Не желаю?

— Да никто ведь и не заставляет вас, — сказал Бублик. — Шурупчик — изобретатель и старается усовершенствовать всё, что под руку попадётся. Это не всегда бывает удачно, но у него много полезных изобретений. Он мастер хороший.

— Я и не говорю, что он плохой, — возразил Смекайло. — Он, если хотите знать, очень хороший мастер. Да, да, нужно сознаться, отличный мастер! Он сделал для меня замечательный бормотограф.

— Это что за штука — бормотограф? — спросил Винтик.

— Говорильная машина. Вот, взгляните.

Смекайло подвёл своих гостей к столу, на котором стоял небольшой прибор.

— Этот ящичек, или чемоданчик — как хотите, назовите, — имеет сбоку небольшое отверстие. Достаточно вам произнести перед этим отверстием несколько слов, а потом нажать кнопку, и бормотограф в точности повторит ваши слова. Вот попробуйте, — предложил Смекайло Винтику.

Винтик наклонился к отверстию прибора и сказал:

— Винтик, Винтик. Шпунтик, Шпунтик.

— И Бублик, — добавил Бублик, наклонившись к прибору.

Смекайло нажал кнопку, и бормотограф, к общему удивлению, зашепелявил гнусавым голосом:

«Винтик, Винтик. Шпунтик, Шпунтик. И Бублик».

— Для чего же вам эта говорильная машина? — спросил Шпунтик.

— А как же! — воскликнул Смекайло. — Писатель без такого прибора — как без рук. Я могу поставить бормотограф в любой квартире, и он запишет всё, о чём говорят. Мне останется только переписать — вот вам повесть или даже роман.

— До чего же это всё просто! — воскликнул Шпунтик. — А я где-то читал, что писателю нужен какой-то вымысел, замысел...

— Э, замысел! — нетерпеливо перебил его Смекайло. — Это только в книгах так пишется, что нужен замысел, а попробуй задумай что-нибудь, когда всё уже и без тебя задумано! Что ни возьми — всё уже было. А тут бери прямо, так сказать, с натуры — что-нибудь да и выйдет, чего ещё ни у кого из писателей не было.

— Но не каждый ведь согласится, чтобы вы у него в комнате поставили бормотограф, — сказал Винтик.

— А я это делаю хитро, — ответил Смекайло. — Я прихожу к кому-нибудь в гости с бормотографом, который, как вы убедились, имеет вид чемодана. Уходя, я забываю этот чемоданчик под столом или стулом, а потом имею удовольствие слушать, о чём говорят хозяева без меня.

— О чём же говорят? Это очень интересно, — сказал Шпунтик.

— До чрезвычайности интересно, — подтвердил Смекайло. — Я даже сам не ожидал. Оказывается, ни о чём не говорят, а просто хохочут без всякой причины, кричат петухом, лают по-собачьи, хрюкают, мяукают.

— Удивительно! — воскликнул Винтик.

— Вот и я говорю — удивительно! — согласился Смекайло. — Пока сидишь с ними, все разговаривают нормально и рассудительно, а как только уйдёшь, начинается какая-то чепуха. Вот послушайте вчерашнюю запись. Я был у одних знакомых и после ухода оставил бормотограф под столом.

Смекайло повертел какой-то диск, имевшийся под крышкой чемодана, и нажал кнопку. Послышалось шипение, раздался удар, словно захлопнулась дверь. Стало на минуту тихо, потом вдруг раздался дружный смех. Кто-то сказал: «Под столом». Послышалась возня. Снова раздался смех. Кто-то закукарекал, кто-то замяукал, залаял. Потом кто-то заблеял овцой. Кто-то сказал: «Пустите меня, я покричу ослом. — И начал кричать: — «И-о! И-о!..» А теперь жеребёнком: «И-го-го-го!» Снова раздался смех.

— Вот видите... то есть слышите? — развёл Смекайло руками.

— Да, из этого не много возьмёшь для романа, — рассудительно сказал Винтик.

— Я вам открою секрет, — сказал Бублик Смекайле. — В городе уже все знают про этот бормотограф и, как только вы уйдёте, нарочно начинают кричать в эту машинку разную чепуху.

— Зачем же кричать чепуху?

— Ну, вы хотели перехитрить их, а они перехитрили вас. Вы хотели подслушать, что говорят без вас, а они сообразили и нарочно пищат да хрюкают, чтобы посмеяться над вами.

Смекайло насупился:

— Ах, так? Ну ничего, я перехитрю их. Буду подсовывать бормотограф под окна. Эта машинка ещё себя оправдает. А вот полюбуйте: что это, по-вашему?

Смекайло показал посетителям какое-то неуклюжее сооружение, напоминавшее не то сложенную палатку, не то зонтик больших размеров.

— Должно быть, зонтик? — высказал предположение Шпунтик.

— Нет, не зонтик, а складной, портативный писательский стол со стулом, — ответил Смекайло. — Вам, к примеру сказать, нужно описание леса. Вы идёте в лес, раскладываете стол, садитесь с удобством и описываете всё, что видите вокруг. Вот попробуйте, сядьте, — предложил он Шпунтику.

Смекайло нажал кнопку на ручке предполагаемого зонтика, и сейчас же зонтик раскинулся, превратившись в небольшой столик со стульчиком. Шпунтик уселся за стол, для чего ему пришлось самым неестественным образом скрючить ноги.

— Вы испытываете удобство, — говорил между тем Смекайло, — и сразу чувствуете вдохновение. Сознаться, что это гораздо приятнее, чем писать сидя на траве или на голой земле.

Шпунтик не испытывал ни удобства, ни вдохновения — наоборот, он чувствовал, что у него начинают зверски болеть ноги. Поэтому он решил поскорее перевести разговор на другое и, вылезая из-за стола, спросил:

— Скажите, пожалуйста, а какую книгу вы написали?

— Я не написал ещё ни одной книги, — признался Смекайло. — Писателем быть очень трудно. Прежде чем

стать писателем, мне, как видите, пришлось кое-чем обзавестись, а это не так просто. Сначала мне пришлось ждать, когда будет готов портативный стол. Это растянулось на долгие годы. Потом я ждал, когда сделают бормотограф. Вы знаете, как мастера любят тянуть и задерживать. В особенности этим отличается Шурупчик. Представьте себе: он два с половиной года только обдумывал, как сделать этот прибор. Ему-то ведь всё равно, могу я ждать или не могу. Он не понимает, что у меня творческая работа! Конечно, бормотограф — сложный прибор, но зачем усложнять и без того сложную вещь?

— А он разве усложнял? — сочувственно спросил Винтик.

— Конечно, усложнял! Стал делать не просто бормотограф, а какой-то комбинированный бормотограф с пылесосом. Скажите, пожалуйста, зачем мне пылесос? На это ушло лишних полтора года. Ну ничего! — махнул Смекайло рукой. — Теперь это у меня есть, недостаёт пустяков.

— Хорошо бы придумать такую машинку, которая могла бы за писателя думать, — сказал Шпунтик.

— Вы правы, — согласился Смекайло.

Увидев в окно, что солнце начинает склоняться к закату, наши друзья стали прощаться. Получив папальник, они вышли на улицу.

Винтик сказал:

— Пора нам отправляться назад. Боюсь, как бы нас не застала ночь в пути.

— Ничего, братцы, я вас мигом докачу на машине. Но не мешало бы сначала подзакусить, — сказал Бублик и повёз Винтика и Шпунтика к себе обедать.

ТЮБИК РАБОТАЕТ

Пока Винтик и Шпунтик путешествовали по Змеевке, разыскивая паяльник, в Зелёном городе произошли значительные события. День начался с того, что Тюбик нарисовал портрет Снежинки. Он потратил на это дело почти два часа, но зато портрет получился как живой. Сходство было поразительное. Хотя многие говорили, что на портрете Снежинка получилась даже лучше, чем в жизни, но это неправда. Снежинка вовсе не нуждалась в том, чтобы художник приукрашивал её. Если Тюбик сумел оттенить на портрете красоту её черт и показать их ярче и выразительнее, то это как раз и требуется от настоящего искусства, каким является живопись.

Портрет был повешен на стене в нижней комнате, чтобы все желающие могли видеть. И нужно сказать, что в желающих недостатка не было. Все видевшие портрет захотели, чтобы Тюбик нарисовал также и их, но Снежинка никого не допускала в верхнюю комнату, так как Тюбик в это время рисовал портрет Синеглазки и посторонняя публика могла ему помешать.

Незнайка, который околачивался наверху и давал Тюбику разные ненужные советы, чтоб показать, будто он много понимает в живописи, услышал доносившийся снизу шум.

— Это что здесь за шум? Что за шум? — закричал он, спускаясь с лестницы. — А ну, разойдись по домам!

Бедные малышки, услышав такую грубость, даже не

посчитали нужным обидеться, настолько велико было их желание попасть к художнику. Наоборот, они окружили Незнайку со всех сторон, стали называть его милым Незнаечкой и просить не прогонять их.

— А ну, становись в очередь! — закричал Незнайка, расталкивая малышей и тесня их к стене. — В очередь, говорят вам, не то всех прогоню!

— Фу, какой вы грубый, Незнайка! — воскликнула Снежинка. — Разве так можно? Мне стыдно за вас.

— Ничего, — ответил Незнайка.

В это время в комнату впорхнула ещё одна малышка и, воспользовавшись общей суматохой, проскользнула прямо к лестнице, которая вела наверх. Увидев это, Незнайка ринулся за ней и уже хотел грубо схватить её за руку, но она остановилась и, надменно взглянув на него, решительно помахала перед его носом пальцем:

— Ну-ну, потише! Мне можно без очереди — я поэтесса!

Встретив такой неожиданный отпор, Незнайка разинул от удивления рот, а поэтесса, воспользовавшись его замешательством, повернулась к нему спиной и не спеша зашагала к лестнице.

— Как она сказала? Кто она такая? — спросил Незнайка, растерянно показывая пальцем в сторону лестницы.

— Поэтесса. Стихи пишет, — объяснили малышки.

— А... — протянул Незнайка. — Невелика важность. У нас тоже есть поэт, мой бывший ученик. Когда-то я учил его писать стихи, а теперь он и сам умеет.

— Ах, как интересно! Значит, вы тоже были поэтом?

— Был.

— Ах, какой вы способный! Вы и художником были и поэтом...

— И музыкантом, — важно добавил Незнайка.

— Прочитайте какое-нибудь ваше стихотворение.

— Потом, потом, — ответил Незнайка, делая вид, что ему страшно некогда.

— А как зовут вашего поэта?

— Его зовут Цветик.

— Ой, как интересно! — захлопали в ладошки малышки. — Вашего поэта зовут Цветик, а нашу поэтессу зовут Самоцветик. Правда, похоже?

— Немножко похоже, — согласился Незнайка.

— Вам нравится это имя?

— Ничего себе.

— А какие она стихи пишет! — говорили малышки. — Ах, какие замечательные стихи! Вот пойдите наверх, она, наверно, будет читать свои стихи. Интересно, как вам понравится!

— Что ж, пожалуй, можно пойти, — согласился Незнайка.

Когда он поднялся наверх, Тюбик уже заканчивал портрет Синеглазки, а Самоцветик сидела на диване рядом с Гуслей и беседовала с ним о музыке. Заложив руки за спину, Незнайка принялся прохаживаться по комнате, бросая по временам косые взгляды в сторону поэтессы.

— Что вы всё ходите тут, как маятник? — сказала Самоцветик Незнайке. — Сядьте, пожалуйста, а то от вас даже в глазах рябит.

— А вы тут не распоряжайтесь! — грубо ответил

Незнайка. — Прикажу вот Тюбику, чтоб не рисовал ваш портрет!

— Вот как! Он на самом деле может вам приказать? — обернулась Самоцветик к Тюбику.

— Может. Он у нас всё может, — ответил Тюбик, который старательно работал кисточкой и даже не слышал того, что сказал Незнайка.

— Конечно, могу, — подтвердил Незнайка. — Все должны меня слушаться, потому что я главный.

Услышав, что Незнайка пользуется такой властью среди малышей, Самоцветик решила задобрить его:

— Скажите, пожалуйста, это вы, кажется, воздушный шар выдумали?

— А то кто же?

— Я когда-нибудь напишу про вас стихи.

— Очень нужно! — фыркнул Незнайка.

— Не скажите! — пропела Самоцветик. — Вы ведь не знаете, какие стихи я пишу. Хотите, прочитаю вам какое-нибудь стихотворение?

— Ладно, читайте, — милостиво согласился Незнайка.

— Я прочитаю вам своё недавнее стихотворение про комара. Слушайте:

Я поймала комара,
Та-ра, та-ра, та-ра-ра!
Комаришку я люблю,
Тру-лю-люшки, тру-лю-лю!

Но комарик загрустил —
Жалко комаришку.
Нет, поймаю я себе
Лучше муравьишку.

Муравьишка тоже грустен,
Тоже любит погулять...
Хватит с ними мне возиться —
Надо книжку почитать.

— Браво, браво! — воскликнул Тюбик и даже в ладоши захлопал.

— Очень хорошие стихи, — одобрил Гуся. — В них говорится не только о комаре, но и о том, что надо книжку читать. Это полезные стихи.

— А вот ещё послушайте, — сказала поэтесса и прочитала стихи, в которых говорилось уже не о комаре, а о стрекозе и которые кончались уже не словами о том, что надо книжку почитать, а о том, что «надо платье зашивать».

Потом последовали стихи о мушке, которые кончались словами о том, что «надо руки умыть». Наконец были прочитаны стихи о том, что «надо полик подметать».

В это время Тюбик окончил портрет Синеглазки. Все столпились вокруг и стали выражать свои восторги:

— Чудесно! Прелестно! Очаровательно!

— Миленький, вы не можете нарисовать меня также в синем платье? — обратилась Самоцветик к Тюбику.

— Как же в синем, когда вы в зелёном? — спросил, недоумевая, Тюбик.

— Ну, миленький, вам ведь всё равно. Платье зелёное, а вы рисуйте синее. Я бы надела синее платье, если бы знала, что Синеглазка так хорошо получится в синем.

— Ладно, — согласился Тюбик.

— И глаза мне, пожалуйста, сделайте голубые.

— У вас ведь карие глаза, — возразил Тюбик.

— Ну, миленький, что вам стоит! Если вы можете вместо зелёного платья сделать синее, то почему вместо карих глаз нельзя сделать голубые?

— Тут есть разница, — ответил Тюбик. — Если вы захотите, то можете надеть синее платье, но глаза вы при всём желании не вставите себе голубые.

— Ах, так! Ну, тогда, пожалуйста, делайте карие глаза, но нарисуйте их побольше.

— У вас и так очень большие глаза.

— Ну, чуточку! Мне хочется, чтобы были ещё больше. И ресницы сделайте подлиннее.

— Ладно.

— И волосы сделайте золотистые. У меня ведь почти золотистые волосы! — молящим голосом просила Самоцветик.

— Это можно, — согласился Тюбик.

Он принялся рисовать поэтессу, а она беспрестанно вскакивала, подбегала к портрету и кричала:

— Глаза чуточку побольше! Ещё, ещё, ещё! Ресницы прибавьте! Рот чуточку меньше... Ещё, ещё!

Кончилось тем, что глаза на портрете получились огромные, каких и не бывает, ротик с булавоочную головку, волосы — словно из чистого золота, и весь портрет имел очень отдалённое сходство. Но поэтессе он очень понравился, и она говорила, что лучшего портрета ей и не надо.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВИНТИКА И ШПУНТИКА

Бережно держа в руках свой портрет, Самоцветик сошла вниз, и её моментально окружили малышки. Все говорили, что её портрет по красоте гораздо лучше портретов Снежинки и Синеглазки, но по сходству он значительно хуже их.

— Глупенькие, — сказала им Самоцветик. — Для вас что важнее — красота или сходство?

— Конечно, красота! — ответили все.

В это время в комнату, запыхавшись, прибежали Ласточка и Кисонька.

— Ах, какое несчастье! — закричали они. — Ах, мы падаем в обморок!

— Что случилось? — испугались все.

— Мы сегодня пошли в больницу... — начала рассказывать Ласточка.

— ...чтоб отвести на квартиру малышей, которых должны были выписать... — подхватила Кисанька.

— ...но Медуница сказала, что малыши уже выписались, — перебила Ласточка.

— ...тогда мы стали просить, чтобы нам дали других малышей, — снова подхватила Кисонька и заговорила быстро, чтобы Ласточка не перебила: — Тогда Медуница дала нам Авоську и Торопыжку. Мы повели их по улице, а они убежали от нас и залезли на дерево.

— Они боятся, что мы будем воспитывать их, понимаете? — поспешно вставила Ласточка и засмеялась.

— Очень нам нужно таких воспитывать! — скорчила презрительную гримаску Кисонька.

— Где же они теперь? — спросила Синеглазка.

— Остались на дереве, — сказала Ласточка. — Они ещё яблоки начнут рвать!..

— Ну-ка, пойдём посмотрим, — предложила Снежинка.

Авоська и Торопыжка сидели на ветке яблони и на самом деле пытались сорвать яблоко. Они крутили его, стараясь обломить черенок. Вдруг они увидели на улице группу малышей, которые остановились в отдалении и с любопытством поглядывали на них. Заметив со стороны малышей такое внимание, Торопыжка с удвоенной силой стал откручивать яблоко, а Авоська даже принялся грызть черенок зубами.

— У, ни одного яблока ещё не сорвали! — слышался голос снизу.

Авоська и Торопыжка глянули вниз и увидели синеглазую малышку, которая, посмеиваясь, глядела на них.

— А ты молчи, синеглазая! — проворчал Авоська. — Думаешь, их легко рвать?

— А если вам дать пилу, легче будет?

— Сказала! Ты нам дай только пилу!.. — ответил Торопыжка.

Синеглазка сбегала в соседний дом и принесла Торопыжке пилу. Через минуту черенок был перепилен, и яблоко полетело вниз.

— Ну-ка, малышки, давайте убирать яблоки! — закричала Синеглазка. — Малыши решили помочь нам.

Несколько малышей подбежали к лежавшему на

земле яблоку и, толкая его перед собой, покатали к ближайшему двору.

В Зелёном городе под каждым домом имелся подвал для хранения фруктов и овощей. Подкатив яблоко к дому, малышки открыли дверь, которая была сделана вровень с землёй, и вкатили в эту дверь яблоко. За дверью были мостки из досок, по которым яблоко само собой покатилося в подвал. Сделав это, малышки побежали назад, а навстречу им другие малышки катили новое яблоко.

Работа закипела. Прибежала Стрекоза. Она раздобыла где-то пилу, надела вместо платья шаровары, которые надевала для игры в волейбол, и тоже полезла на дерево. Увидев в руках у неё пилу, Авоська сказал:

— Эй, ты! Ну-ка дай сюда пилку. Ты не умеешь.

— Один ты умеешь! — задорно ответила Стрекоза.

Она уселась на ветке и, закусив губу, принялась перепиливать черенок яблока. Авоська с завистью поглядывал на неё, потом сказал:

— Давай вместе работать: сначала ты попили, а я отдохну, потом я попилю — ты отдыхать будешь.

— Ладно, — согласилась Стрекоза.

В это время прибежали малышки из того дома, где был гараж, и сейчас же разнеслась весть об исчезновении Винтика и Шпунтика. Малышки рассказывали о том, что Винтик и Шпунтик ушли рано утром в Змеевку и до сих пор не вернулись.

— Вот видите, — затараторила Ласточка, — я ведь говорила! Скоро все малыши убегут в Змеевку. Они не захотят в нашем городе жить.

— Ну и пусть бегут, — сказала Синеглазка. — Мы никого насильно держать не станем.

Разговоров о коварстве Винтика и Шпунтика хватило до самого вечера. Ласточка и Кисонька, казалось, даже были довольны, что они исчезли, и злорадно посмеивались.

Когда надежда на возвращение Винтика и Шпунтика совсем пропала, в конце улицы показалась машина. Она с шипением и треском прокатилась по улице. Малышки бросили работу и помчались за ней. Кисонька и Ласточка бежали впереди всех и кричали:

— Винтик и Шпунтик вернулись! Винтик и Шпунтик вернулись! — Потом они остановились и сказали: — Тише! Не надо бежать за машиной. Мы можем показать малышам плохой пример.

Когда малышки подошли к гаражу, то увидели, что, кроме Винтика и Шпунтика, приехал Бублик.

— А это кто? — сказала возмущённо Кисонька. — Это, кажется, змеевский Бублик? Вы зачем, Бублик, приехали? Мы вас не приглашали.

— Подумаешь! — ответил Бублик. — Очень мне нужно ваше приглашение!

— Вот вам и «подумаешь»! — сказала Ласточка. — Мы к вам не ходим, и вы не ходите к нам.

— А вы ходите. Чего там! Мы ведь не гоним вас.

— Как так не гоните? Сами пригласили на ёлку, а потом давай снежками бросаться!

— Что тут такого? Мы просто хотели поиграть с вами в снежки. Вам тоже надо было бросать в нас снежками.

— Вы должны были понимать, что малышки не любят руками снег брать.

— Ну, ошиблись маленечко, — пожал Бублик плечами. — Недоучли, что вы распустите юни и обидитесь на всю жизнь.

— Нет, это вы обиделись на всю жизнь! Зачем к нам Гвоздика подослали? Знаете небось, чего он здесь натворил?

— За Гвоздика мы не отвечаем, — ответил Бублик. — Он и у нас невесть что вытворяет. Мы с ним бьёмся — никак перевоспитать не можем. Мы его к вам не подсылали. Он у вас тут по собственной инициативе работал.

— «Работал»! — фыркнула Кисонька. — Он это называет работой! Нет, теперь мы не водимся с вами. Мы в вас не нуждаемся. У нас теперь свои малыши есть.

— Ну и я не вожусь с вами. Мне на вас — тьфу! Я просто привёз Винтика и Шпунтика, а теперь сяду на машину и уеду обратно.

Бублик рассердился и отошёл в сторонку. Но он не уехал. Увидев, что Винтик и Шпунтик начали починять машину, он принялся им помогать. Такой уж компанейский характер у каждого шофёра. Если шофёр увидит, что кто-нибудь починяет машину, он обязательно подойдёт и тоже начнёт что-нибудь ковырять, подвинчивать болт или гайку или просто станет давать советы.

Втроём они провозились до поздней ночи, но всё-таки не успели починить машину, так как ремонт требовался очень большой.

ЧУДЕСА МЕХАНИЗАЦИИ

На следующее утро Синеглазка пришла в больницу и рассказала Медунице, что выписанные малыши не дерутся на улицах, а, наоборот, ведут себя примерно и даже помогают малышам убирать яблоки. Медуница сказала:

— Это хорошо, что вы нашли малышам подходящее занятие. Я попрошу вас включить в работу Небоську и Растеряйку, которые выписываются сегодня.

— Нельзя ли выписать ещё кого-нибудь? — попросила Синеглазка. — Жалко держать малышей взаперти, когда для них есть такая интересная работа.

— Я ведь вчера выписала вне очереди Авоську и Торопыжку, — ответила Медуница. — Разве вам мало?

— Мало.

— Ну что ж, можно выписать Молчуна. Он очень смирный и не надоедал мне никакими просьбами.

— А ещё кого?

Медуница надела очки и стала смотреть по списку:

— Можно выписать Пончика и Сиропчика. Хотя, признаться по правде, Пончика не следовало бы выписывать — за то, что он ест много сладкого. Мне ещё не удалось отучить его от этой дурной привычки. И главное, если бы он только ел! Но он набивает себе все карманы сладостями и даже под подушку прячет. Ну, ничего, может быть, на свежем воздухе его аппетит поуменьшится. А Сиропчика тоже следовало бы поддержать здесь в наказание за то, что пьёт слишком много газированной воды с сиропом. Однако придётся

их выписать — за то, что они были со мной вежливы.

Медуница снова стала просматривать список.

— Пульку ещё рано выписывать, — сказала она, — у него ещё не зажила нога. Пулька у нас настоящий больной.

— А Ворчуна? — спросила Синеглазка.

— Нет, нет! — воскликнула Медуница. — Этот Ворчун такой неприятный субъект! Он вечно ворчит, вечно чем-нибудь недоволен. Он, знаете ли, всем на нервы действует. Пусть сидит здесь — за то, что такой несообразный, хотя, признаться по совести, я бы с удовольствием избавилась от него и от этого несносного Пилюлькина, который неизвестно с какой стати считает себя врачом и постоянно пытается доказать мне, что у меня неправильные методы лечения.

— Так выпишите их обоих, чтоб не надоедали вам, — предложила Синеглазка.

— Ах, что вы! Ни за что на свете! Вы знаете, дорогая, что сказал мне недавно этот гадкий Пилюлькин? Он сказал, что я больных не вылечиваю, а, наоборот, здоровых могу сделать больными. Какое невежество! Нет, я его продержу здесь точно до положенного срока. Раньше он отсюда не выйдет.

Таким образом, Синеглазка добилась, чтобы, кроме Небоськи и Растеряйки, из больницы выписали Молчуна, Пончика и Сиропчика. В больнице остались Пулька, Ворчун и Пилюлькин. Пулька молча терпел такую несправедливость, так как нога у него всё ещё болела, но Ворчун и Пилюлькин готовы были рвать на себе волосы от досады и сказали, что если к вечеру их не выпишут, то они устроят побег.

Винтик, Шпунтик и Бублик проснулись ни свет ни заря и снова принялись за починку автомобиля. Солнце было уже высоко, когда машина наконец зафыркала и мотор начал работать. Трое друзей решили устроить пробную поездку. Поколесив вокруг дома и подняв тучу пыли, они выехали за ворота и помчались по улице. Скоро они увидели малышей, которые занимались уборкой фруктов. На яблоне сидели Торопыжка, Растеряйка и Авоська с Небоськой. Рядом на груше трудились Гусля, Молчун и Стрекоза. Малышки катали во всех направлениях яблоки. Незнайка бегал среди работающих и с упоением командовал:

— Пять душ туда, пять душ сюда! Хватайте это яблоко, катите его! Осади назад, чтоб вы лопнули, — здесь сейчас упадёт груша! А вы там, сверху, предупреждайте! Ррразойдись, а то я за себя не отвечаю!

Всё это можно было делать тихо, но Незнайке казалось, что если он перестанет шуметь, то вся работа остановится.

Сиропчик и Пончик тоже трудились. Они катили грушу, но груша не катилась туда, куда нужно, а катилась, куда вовсе не нужно. Каждый знает, что форма у груши совсем не такая, как у яблока, и если её толкать, то она будет кататься на одном месте, по кругу. К тому же груша была очень мягкая. При падении с дерева она примялась, а Сиропчик и Пончик, катая, совсем истолкли ей бока. В результате они с ног до головы измазались сладким соком и всё время облизывали руки.

— А вы что там с грушей вертитесь на одном месте? Всю грушу измяли! — кричал на них Незнайка. — Или

вы, может быть, решили из неё сироп добывать? Я вам покажу сироп!

Остановив автомобиль, Винтик и Шпунтик смотрели на эту картину. Потом Винтик закричал:

— Эй, Незнайка! А почему у вас механизации нет?

— Да ну вас! — отмахнулся Незнайка. — Тут от яблок некуда деваться, а им ещё механизацию подавай!.. Где я вам возьму механизацию?

— А вот одна машина уже есть, — ответил Бублик.

— Разве машина — механизация?

— Конечно, механизация. Будем яблоки и груши на машине возить.

— Придумал! — воскликнул Незнайка. — Ну-ка, подъезжайте под дерево — мы сбросим яблоко прямо в машину.

— Постой, так нельзя, — сказал Винтик. — Если яблоки сбрасывать в машину прямо с дерева, то и яблоки перебьёшь, и машину сломаешь.

— Что же, по-твоему, на руках яблоки с дерева таскать?

— Зачем на руках? На верёвке будем спускать.

— Есть!.. — закричал Незнайка. — Ну-ка, малышки, тащите сюда верёвку!

Малышки быстро принесли верёвку. Незнайка взял её и принялся вертеть в руках. Он не знал, как обращаться с верёвкой, и с недоумением смотрел на неё. Потом он сделал вид, будто до чего-то додумался, протянул верёвку Винтику и сказал:

— Ну-ка, действуй.

Винтик перекинул верёвку через ветку яблони и велел Торопыжке привязать верхний конец верёвки к черенку

яблока. Другой конец велел держать нескольким малышам.

— Теперь пили! — крикнул он Торопыжке.

Через минуту черенок был перепилен, и яблоко повисло на верёвке. Винтик велел Бублику подогнать машину под висящее яблоко. Малышки начали постепенно отпускать верёвку. Яблоко опустилось прямо в кузов машины. Верёвку отвязали, и машина повезла яблоко к дому.

— Сейчас мы пригоним вторую машину, — сказал Бублик.

Они сели на машину и умчались к гаражу, где остался автомобиль Бублика.

Через несколько минут они вернулись с двумя машинами. Одна машина стала возить яблоки, другая — груши.

— Видали чудеса механизации? — хвастливо говорил Незнайка. — Вам, малышам, небось такое и во сне не снилось!

Глава двадцать третья

ПОБЕГ

Механизация значительно облегчила труд, и работа пошла быстрее. Обе машины шмыгали туда и сюда, развозя по подвалам фрукты. Яблоки и груши возили по одной штучке, а сливы — сразу по пять. Благодаря механизации многие малышки освободились от работы, но, вместо того чтобы сидеть сложа руки, они устроили

на улице две палатки. В одну палатку принесли газированной воды с сиропом, в другую наносили пирогов, всяких коржиков, кренделей и конфет. Теперь каждый из работавших мог закусить или попить водички в свободную минутку.

Пончик сейчас же принялся осаждать палатку с пирогами и конфетами, а Сиропчик напал на газированную воду с сиропом. Обоих невозможно было отогнать от палаток.

Вдруг произошло неожиданное происшествие. Вдали послышались чьи-то пронзительные крики, и все работавшие увидели бегущего в конце улицы доктора Пилюлькина. За ним гнался весь обслуживающий персонал больницы во главе с Медуницей. Пилюлькин был совсем почти голый, то есть на нём были только пенсне и короткие трусики. Подбежав к дереву, он быстро вскарабкался по стволу вверх.

— Вы зачем убежали, больной? — кричала Медуница, подбегая к дереву.

— Я уже не больной, — ответил Пилюлькин, стараясь забраться как можно выше.

— Как — не больной? Мы вас ещё не выписали! — говорила Медуница, задыхаясь от быстрого бега.

— А я сам выписался, — усмехнулся Пилюлькин и показал Медунице язык.

— Ах вы дерзкий! Всё равно мы не отдадим вашу одежду.

— Не надо, — ответил Пилюлькин, посмеиваясь.

— Вы простудитесь и заболаете.

— Хоть заболую, а к вам не вернусь.

— Стыдно! — воскликнула Медуница. — Вы сами доктор, а не уважаете медицину.

Она повернулась и, гордо подняв голову, удалилась. За ней поплёлся весь обслуживающий персонал.

Пилюлькин увидел, что опасность больше не угрожает, и слез с дерева.

Малышки окружили его и с сочувствием спрашивали:

— Вам холодно? Вы простудитесь! Хотите, мы принесём вам одежду?

— Тащите, — согласился Пилюлькин.

Пушинка сбегала домой и принесла зелёный сарафанчик в полосочку.

— Что это? — удивился Пилюлькин. — Я не хочу надевать сарафанчик! Все будут принимать меня за малышку.

— Ну и что ж тут такого? Разве плохо быть малышкой?

— Плохо.

— Значит, по-вашему, мы плохие?

— Нет, вы хорошие... — замялся Пилюлькин, — но малыши лучше.

— Чем же они лучше, скажите, пожалуйста?

— Конечно, лучше. У нас есть Гуся. Знаете, какой он музыкант? Вы не слышали, как он играет на флейте!

— Слышали. А у нас многие малышки играют на арфах.

— А у нас есть Тюбик. Вы бы посмотрели, какие он рисует портреты!

— Мы видели. Но у вас один Тюбик, а у нас каждая малышка может рисовать и даже вышивать разноцветными нитками. Вот вы бы смогли вышить такую красную белочку, как у меня на переднике? — спросила Белочка.

— Не смог бы, — признался Пилюлькин.

— Вот видите, а у нас все смогут — хотите белочку, хотите зайчика.

— Ну ладно! — махнул Пилюлькин рукой и принялся напяливать на себя сарафанчик.

Надев его, он стал поднимать руки и задирать ноги, оглядывая себя с разных сторон. Увидев Пилюлькина в таком необычном наряде, Незнайка фыркнул. За ним засмеялись остальные малыши.

— Как вам не стыдно! — возмутилась Кисонька. — Ничего смешного тут нет.

Но смех не умолкал. Оглядевшись по сторонам и увидев вокруг только смеющиеся физиономии, Пилюлькин принялся стаскивать с себя сарафан.

— Ну, зачем вы?.. — уговаривали его малышки.

— Не надо! — решительно заявил Пилюлькин. — Мне скоро принесут мою одежду.

— Медуница не отдаст. Она у нас строгая.

В ответ на это Пилюлькин только таинственно улыбнулся.

Когда Медуница и весь обслуживающий персонал вернулись в больницу, то сразу же обнаружили исчезновение Ворчуна. Они бросились в кладовую, и тут же была обнаружена пропажа двух комплектов одежды. В кладовой осталась только одежда Пульки.

Таким образом выяснился план побега, который

был задуман Ворчуном и доктором Пилюлькиным. По этому плану доктор Пилюлькин должен был бежать в голом виде через окно. Злоумышленники рассчитывали, что весь персонал больницы бросится за ним в погоню, — тогда Ворчун свободно проникнет в кладовую и похитит одежду как свою, так и Пилюлькина. План оправдался во всех деталях.

Медуница ещё долго разыскивала Ворчуна с похищенной им одеждой, и, пока шли поиски, Ворчун сидел, притаившись, в зарослях лопуха.

Хотя сидение в лопухах не такое уж весёлое дело, но Ворчун был вне себя от радости, что вырвался на свободу. Он с наслаждением глядел на прозрачное синее небо, на свежую зелёную травку. На лице его даже появилась улыбка. Он дал сам себе клятву никогда в жизни не ворчать больше и быть довольным всем на свете, если только не попадёт снова в больницу.

Наконец Ворчун увидел, что Медуница скрылась в больнице. Тогда он потихоньку вылез из своей засады, разыскал Пилюлькина и отдал ему одежду.

— Получай свою одежду, товарищ по несчастью, — сказал Ворчун, протягивая Пилюлькину узелок, который был у него в руках.

Пилюлькин бросился обнимать своего приятеля. Они оба очень сдружились, пока находились в больнице.

Пилюлькин быстро оделся.

Растеряйка, Авоська, Винтик и другие малыши окружили Ворчуна и стали поздравлять его с благополучным возвращением из больницы. Все были удивлены его весёлым видом.

— Первый раз вижу, чтобы Ворчун улыбался! — сказал Пончик.

Малышки тоже стояли вокруг и с любопытством разглядывали Ворчуна.

— Как ваше имя? — спросила его Пушинка.

— Ворчун.

— Вы шутите!

— Да провались я! Почему вы так думаете?

— У вас такое доброе, приветливое лицо. Вам не подходит такое имя.

У Ворчуна рот разъехался чуть ли не до ушей.

— Это я не подхожу к своему имени, — сострил он.

— Хотите на дерево залезть? — предложила ему Кисонька.

— А можно?

— Отчего же нельзя? Мы принесём вам пилу, будете работать вместе со всеми.

— И мне тоже пилу, — попросил доктор Пилюлькин.

— Вы этого не заслужили, потому что презираете малышей, но мы вас прощаем, — сказала Кисонька.

Малышки принесли ещё две пилы, и Ворчун с Пилюлькиным тоже включились в работу. Ворчун говорил, что лазить по деревьям гораздо приятнее, чем сидеть взаперти у Медуницы.

— И притом гораздо полезнее, — добавлял доктор Пилюлькин.

Он считал, что вверху воздух гораздо чище и богаче кислородом, чем внизу. Поэтому Ворчун и Пилюлькин работали на самой верхушке дерева.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЮБИКА

На другой день работа по уборке яблок и груш продолжалась. На улицах города появилась третья машина — восьмиколёсный паровой автомобиль Шурупчика.

Дело в том, что в городе Змеевке было замечено исчезновение Бублика. Жители знали, что он повёз на своей машине Винтика и Шпунтика в Зелёный город. Но так как Бублик не вернулся из этой поездки, то все стали просить Шурупчика съездить и разузнать, не произошло ли какого-нибудь несчастного случая. Шурупчик приехал в Зелёный город, и, когда увидел, что Бублик работает со своей машиной на уборке фруктов, он не выдержал и тоже включился в работу.

Жители Змеевки прождали его до вечера, но он не вернулся даже на следующий день. По городу стали распространяться самые невероятные слухи. Одни говорили, что на дороге к Зелёному городу поселилась баба Яга — костяная нога, которая поедает всех, кого увидит. Другие говорили, что это не баба Яга, а Кашей Бессмертный. Третьи спорили и доказывали, что кашеев бессмертных не бывает, а это трёхголовый дракон, и поселился он не на дороге, а в самом Зелёном городе. Каждый день этот дракон съедает по одной малышке, а когда в городе появляется малыш, то съедает малыша, потому что малыши лучше малышей.

После того как появилась басня про этого трёхголового дракона, никто из змеевских жителей не отваживался отправиться в город к малышам и разузнать,

что там делается. Каждый считал, что гораздо разумнее сидеть дома. Однако в скором времени нашёлся смельчак, который сказал, что пойдёт и всё выяснит. Это был небезызвестный Гвоздик, о котором уже говорилось в этой правдивой истории. Жители знали, что Гвоздик — бесшабашная голова и на самом деле может отправиться прямо в пасть к ненасытному дракону. Все стали уговаривать его, чтобы он не ходил, но Гвоздик и слушать ничего не хотел. Он сказал, что очень виноват перед малышами и теперь его мучит совесть. Поэтому он хочет загладить свою вину — пойдёт к ним в город и плюнет этому дракону прямо на хвост, после чего дракон якобы подохнет и прекратит свои безобразия. Откуда взял Гвоздик, что драконы от этого подымают, — неизвестно.

Гвоздик ушёл. Многие жители жалели его и заранее оплакивали. Другие говорили, что жалеть о нём особенно нечего, так как без него одним хулиганом станет меньше и в городе будет потише.

— Но мы ведь сами виноваты, что не перевоспитали его, — говорили первые.

— Перевоспитаешь такого! — отвечали вторые. — Его перевоспитает одна лишь могила.

Из этого разговора видно, что первые были те, которым Гвоздик ещё не успел насолить как следует; вторые же были из тех, которым он насолил изрядно.

Гвоздик, как и следовало ожидать, не вернулся, и тогда все в городе поверили слухам о драконе, о котором стали рассказывать самые сверхъестественные небылицы. Каждый из рассказывающих прибавлял этому дракону по одной голове, так что он

постепенно из трёхголового превратился в стоголового.

Конечно, всё это были выдумки. Некоторые, самые умные, читатели уже, наверно, догадались сами, почему не вернулся Гвоздик, а тем, которые ещё не догадались, можно сообщить, что Гвоздик вовсе не был проглочен драконом, так как дракон никого не глотал, да и дракона-то никакого не было. Гвоздик просто увлёкся работой. У него тоже появилось желание забраться на дерево и поработать пилой. Ведь это так интересно и к тому же опасно. Какой же малыш отступит перед опасностью?

В эти дни один только Тюбик сидел дома и писал портреты. Каждой малышке хотелось иметь портрет, и они совершенно замучили его своими требованиями. Всем обязательно хотелось быть самыми красивыми. И напрасно Тюбик доказывал, что каждый красив по-своему и что даже маленькие глаза могут быть тоже красивыми. Нет! Все малышки требовали, чтобы глаза обязательно были большие, ресницы длинные, брови дугой, рот маленький. В конце концов Тюбик перестал спорить и рисовал так, как от него требовали. Это было значительно удобнее, так как не вызывало никаких лишних пререканий, и к тому же Тюбик заметил, что может провести рационализацию в портретном деле. Поскольку всем требовалось одно и то же, Тюбик решил сделать так называемый трафарет. Взяв кусок плотной бумаги, он прорезал в ней пару больших глаз, длинные, изогнутые дугой брови, прямой, очень изящный носик, маленькие губки, подбородочек с ямочкой, по бокам парочку небольших, аккуратных ушей. Сверху

вырезал пышную причёску, снизу — тонкую шейку и две ручки с длинными пальчиками. Изготовив такой трафарет, он приступил к заготовке шаблонов.

Что такое шаблон, сейчас каждому станет ясно. Приложив трафарет к куску бумаги, Тюбик мазал красной краской то место, где в трафарете были прорезаны губы. На бумаге сразу получался рисунок губ. После этого он прокрашивал телесной краской нос, уши, руки, потом тёмные или светлые волосы, карие или голубые глаза. Таким образом получались шаблоны.

Этих шаблонов Тюбик наделал несколько штук. Если у малышки были голубые глаза и светлые волосы, он брал шаблон с голубыми глазами и светлыми волосами, добавлял немножечко сходства, и портрет был готов. Если же у малышки были волосы и глаза тёмные, то у Тюбика и на этот случай имелся шаблон.

Таких шаблонных портретов Тюбик нарисовал множество. Это усовершенствование очень ускоряло работу. К тому же Тюбик сообразил, что по трафарету, изготовленному рукой опытного мастера, каждый коротышка может заготавливать шаблоны, и привлёк к этому делу Авоську. Авоська с успехом закрашивал по трафарету шаблоны нужными красками, и шаблоны получались ничем не хуже тех, которые были изготовлены рукой самого Тюбика. Такое разделение труда между Тюбиком и Авоськой ещё больше ускоряло работу, что имело огромный смысл, так как количество желающих заказать портрет не уменьшалось, а с каждым днём увеличивалось.

Авоська очень гордился своей новой должностью. Про Тюбика и про себя он говорил с гордостью: «Мы —

художники». Но сам Тюбик не был доволен своей работой и называл её почему-то халтурой. Он говорил, что из всех портретов, которые он нарисовал в Зелёном городе, настоящими произведениями искусства могут считаться только портреты Снежинки и Синеглазки, остальные годятся лишь на то, чтобы покрывать ими горшки и кастрюли.

Этого мнения не разделяли, впрочем, обладательницы портретов. Всем нравилось, что они получились красивыми, а сходство, говорили они, — это дело десятое. На всё можно смотреть по-разному.

Глава двадцать пятая

ЛЕЧЕНИЕ ПУЛЬКИ

После бегства Ворчуна и Пилюлькина весь персонал больницы был занят лечением единственного больного — Пульки, который, видя со стороны всех такое внимание к своей особе, совсем избаловался. То он требовал, чтобы ему на обед варили суп из конфет и кашу из мармелада; то заказывал котлеты из земляники с грибным соусом, хотя каждому известно, что таких котлет не бывает; то приказывал принести яблочное пюре, а когда приносили яблочное пюре, он говорил, что просил грушевого квасу; когда же приносили квас, он говорил, что квас воняет луком, или ещё что-нибудь выдумывал.

Все нянечки сбились с ног, исполняя его капризы. Они говорили, что у них спокон веку такого больного

не было, что это сущее наказание, а не больной, и чтобы он выздоравливал уж поскорей, что ли.

Каждое утро он посылал одну из нянечек искать по городу свою собаку Бульку. Когда нянечка, устав шататься по городу, возвращалась в больницу в надежде, что он уже забыл о своей собаке, Пулька обязательно спрашивал:

— Ну, нашла?

— Да её нет нигде.

— Так ты, должно быть, и не искала!

— Да вот честное слово, все улицы исходила!

— А почему я не слышал, как ты звала? Иди-ка снова ищи!

Бедная нянечка выходила за ворота и, не зная, куда податься, время от времени кричала:

— Булька! Булька! Чтоб ты пропал!

Она знала, что её крики делу не помогут, но выполняла требования Пульки, так как это, по её мнению, успокаивало больного. Другую нянечку Пулька посылал наблюдать, что делают остальные малыши, и докладывать ему по три раза в день: утром, в обед и вечером. Третью нянечку он заставлял рассказывать ему с утра до вечера сказки, и, если сказки были неинтересные, он прогонял её и требовал, чтобы прислали другую нянечку, которая знает сказки получше. Он страшно сердился, если никто из товарищей не приходил навестить его. Когда же кто-нибудь приходил, он прогонял его и говорил, что ему мешают слушать сказки.

Медуница видела, что характер больного день ото дня портится, и говорила, что он сделался в двадцать раз хуже Ворчуна и Пилюлькина, вместе взятых. Помочь

больному могла только выписка из больницы, но нога у него всё ещё болела. К тому же Пулька сам себе повредил.

Однажды, проснувшись утром, он почувствовал, что нога не болит. Вскочив с постели, он побежал по палате, но не пробежал и десяти шагов, как нога у него подвернулась, и он упал. Беднягу перенесли на руках в постель. Сразу появилась опухоль, а к вечеру подскочила температура. Медуница просидела целую ночь у его постели, не смыкая глаз. Благодаря её стараниям опухоль опала, но лечение ноги из-за этого случая затянулось.

Наконец больному разрешили на короткое время вставать с постели. Опираясь на костыль и держась рукой за стены, Пулька потихоньку передвигался по палате и постепенно учился ходить. Потом ему разрешили на часок выходить во двор и гулять в сопровождении нянечки вокруг больницы. От этих прогулок характер больного улучшился, он стал менее раздражительным, но всё же, когда приходил срок возвращаться в палату, Пулька выходил из себя, кричал: «Не пойду!» — и махал на нянечку костылём. Приходилось больного хватать в охапку и насильно укладывать в постель.

В результате таких решительных мер лечение пошло успешно, и скоро Пульке было объявлено, что через день его выпишут. Малыши и малышки с радостью слышали такую добрую весть.

В назначенный день всё население собралось возле больницы. Все приветствовали выздоровевшего больного, дарили ему цветы, а он говорил:

— Вот мы и все в сборе! Не хватает только Знайки да моего Бульки.

— Ну ничего, — утешали его малышки, — может быть, и Знайка ваш найдётся, и Булька отыщется.

— Как же они сами найдутся? — отвечал Пулька. — Надо их искать.

— Да, — сказал Незнайка, — придётся искать этого глупенького Знайку, а то пропадёт без нас где-нибудь.

— Почему же он глупенький? — возразил Пилюлькин.

— Конечно, глупенький, и ещё трусишка вдобавок, — ответил Незнайка.

— И вовсе он не трусишка... — начал было Ворчун. Но Незнайка его перебил:

— А ты молчи! Кто у нас главный: ты или я? Или, может быть, ты снова хочешь в больницу?

Услыхав про больницу, Ворчун замолчал.

Снежинка сказала:

— Мы назначим на воскресенье бал по случаю выздоровления всех больных, а потом вы можете отправляться на поиски своего глупенького Знайки. А когда вы его найдёте, мы устроим ещё один бал. Это даже замечательно будет.

— Чудно! Чудно! — обрадовались все.

Неизвестно, чему больше обрадовались: то ли возможности найти Знайку, то ли возможности устроить по этому поводу ещё один бал. Этот вопрос остался невыясненным.

Работа по уборке фруктов была окончена. Все подвалы были наполнены доверху, а на деревьях осталось ещё много яблок, груш и слив. Решено было подарить их змеевским малышам.

Все принялись за работу по подготовке к балу. Часть населения расчищала заросшую травой круглую танцевальную площадку, другая часть устраивала вокруг площадки скамейки. Торопыжка, Молчун и Гвоздик, вооружившись топорами, принялись сооружать рядом с площадкой двухэтажную беседку для оркестра. Другие малыши строили палатки для газированной воды, мороженого и прочих сладостей. Вся эта работа велась под музыку, так как Гуся отобрал десять самых лучших арфисток и организовал оркестр. Они тут же принялись делать репетиции.

Удивительнее всего было то, что Гвоздик работал с увлечением. Он выполнял всё, что ему поручали, и не вытворял никаких фокусов. Он как будто переродился.

— Как это хорошо с вашей стороны, что вы помогаете нам! — говорила ему Кисонька.

— А почему не помочь? — отвечал Гвоздик. — Уже же надо, так я хоть башку расшибу, а сделаю.

— Вы всё так старательно делаете, просто приятно смотреть, — говорила Ласточка. — Вы, как видно, любите работать.

— Очень люблю, — признался Гвоздик. — Я всегда люблю что-нибудь делать. Когда нечего делать — я не знаю, что делать, и начинаю делать то, чего вовсе не нужно делать. От этого получается чепуха, и за это мне даже бывает влётка.

Гвоздик громко шмыгнул носом и провёл по нему кулаком.

— Это какая влётка? — спросила Кисонька.

— Ну, трепанация.

— Что значит трепанация?

— Ну, просто колотят.

— Ах, бедный! — воскликнула Кисонька. — А вы лучше не делайте, чего не следует. Лучше к нам приходите. У нас всегда найдётся для вас какая-нибудь работа: забор починить, стекло разбитое вставить...

— Хорошо, — согласился Гвоздик.

— А на бал к нам придёте?

— А можно?

— Почему же нельзя? Только умойтесь как следует, хорошенечко причешитесь и приходите. Мы приглашаем вас.

— Хорошо, я приду. Спасибо.

Кисоньке очень понравилось, что Гвоздик так вежливо разговаривал и даже сказал спасибо. Она зарделась от удовольствия и, отойдя с Ласточкой в сторону, зашептала:

— Его совсем нетрудно будет воспитывать.

— Его надо почаще хвалить, — ответила Ласточка. — Это ему полезно. Всегда, если нашалит, надо поругать, а если сделает хорошо, надо похвалить, тогда он в другой раз будет стараться сделать хорошо, чтобы ещё раз похвалили. Кроме того, следует приучить его к хорошим манерам, а то он так неизящно шмыгает своим носом.

— И к тому же у него очень засорена речь, — подхватила Кисонька. — Что это за слова: башка, чепуха, влётка! Надо будет поработать над его речью и постепенно отучить от некрасивых слов.

А Гвоздик, довольный тем, что его похвалили, ещё старательнее стал работать. Каждому ведь нравится, когда его хвалят.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГВОЗДИКА

После того как Гвоздик не вернулся домой, никто из жителей Змеевки не осмеливался отправиться в Зелёный город. Разнёсся слух, что стоголовый дракон скоро прикончит всех малышей, а потом явится в Змеевку и начнёт глотать малышей. Время шло, но дракон не появлялся, а вместо него в одно прекрасное утро в Змеевке появился совсем незнакомый малыш. Он рассказал, что летел на воздушном шаре вместе со своими товарищами и спрыгнул с парашютом, когда шар стал падать. Он приземлился в дремучем лесу и с тех пор скитался по полям, по лесам, разыскивая своих товарищей, которые улетели дальше на воздушном шаре.

Некоторые, самые догадливые, читатели уже, наверно, догадались, что этот незнакомый малыш был не кто иной, как Знайка. Вместо того чтобы преспокойно вернуться домой, Знайка решил разыскать своих друзей.

Жители Змеевки рассказали Знайке, что в Зелёном городе несколько дней назад появились малыши, которые тоже летели на воздушном шаре и разбились. Двое из них приходили в Змеевку за паяльником, а потом уехали обратно в Зелёный город вместе с шофёром Бубликом. Знайка стал расспрашивать об этих двух малышах. Когда ему описали их и сказали, что оба были в кожаных куртках, он сразу догадался, что это были Винтик и Шпунтик. Писатель Смекайло, который тоже был тут со своим бормотографом и слышал этот разговор, подтвердил, что малышей на самом деле звали Винтиком и Шпунтиком.

Знайка очень обрадовался. Он сказал, что сейчас же отправится в Зелёный город, и просил показать ему дорогу туда. Услышав это, жители опечалились и сказали, что в Зелёный город ходить нельзя, так как там поселился стоголовый дракон, который пожирает малышей, не говоря уже о малышах.

— Что-то я ни разу в жизни не встречал стоголовых драконов! — недоверчиво усмехнулся Знайка.

— Что вы! Что вы! — замахали все на него руками. — А Бублика нашего кто съел? Уж сколько дней прошло с тех пор, как он повёз в Зелёный город Винтика и Шпунтика, да так и не вернулся обратно.

— А Шурупчика кто сожрал? — спросили другие. — Он поехал в Зелёный город за Бубликом и тоже не вернулся. А какой прекрасный механик был! Всё умел делать.

— А Гвоздика кто слопал? — спросили третьи. — Ну, этого хоть и не жаль, потому что, если сказать по правде, дрянь коротышка был, но всё-таки должен же был его кто-то съесть!

Знайка задумался. Потом сказал:

— В науке ничего не известно о существовании стоголовых драконов. Значит, их нет.

Смекайло сказал:

— Но в науке ничего не известно также о том, что драконы не существуют. Значит, они могут существовать. Раз об этом говорят, следовательно, что-то есть.

— Про бабу Ягу тоже говорят, — ответил Знайка.

— Что же, по-вашему, бабы Яги нет?

— Конечно, нет.

— Бросьте сказки рассказывать!

— Это не сказки. Это баба Яга — сказки.

Знайка твёрдо решил отправиться в Зелёный город, и сколько жители ни отговаривали его, он стоял на своём. Нечего делать — малыши покормили его, потом вывели на окраину города и показали дорогу в Зелёный город. Все считали, что он идёт на верную гибель, и со слезами на глазах прощались с ним.

В это время вдаль на дороге показалось облако пыли. Оно быстро приближалось и становилось больше. Коротышки бросились врассыпную, спрятались по домам и стали выглядывать в окна. Все решили, что это стоголовый дракон уже бежит. Только Знайка не испугался и остался посреди улицы.

Скоро все увидели, что к городу приближаются один за другим три автомобиля. Это они подняли пыль на дороге. На первой машине лежало большое красное яблоко, на второй — спелая груша, на третьей машине помещалось с полдюжину слив. Поравнявшись со Знайкой, машины остановились, и из них вылезли Бублик, Шурупчик и Гвоздик. Увидев это, коротышки выбежали из домов, стали обнимать Бублика и Шурупчика и даже Гвоздика. Все расспрашивали про дракона, а когда слышали, что никакого дракона нет и никогда не было, то страшно удивились.

— Почему же вы пропадали так долго? — спрашивали все.

— Мы работали на уборке фруктов, — ответил Гвоздик.

Этот ответ вызвал у всех улыбку.

— Остальные, может быть, и работали, а ты-то уж, наверно, всё время лазил по заборам да бил стёкла! — с насмешкой сказал Смекайло.

— А вот и нет! — с обидой ответил Гвоздик. — Я тоже работал. Я это... как бы это сказать... перевоспитался, вот!

Шурупчик и Бублик подтвердили, что Гвоздик на самом деле перевоспитался, что малышки остались очень довольны его работой и подарили за это жителям Змеевки кучу яблок, груш и слив.

Все малыши обрадовались, так как очень любили фрукты.

Бублик, узнав о том, что Знайка отправляется в Зелёный город, вызвался отвезти его на своей машине, и скоро они уехали.

Жители Змеевки с весёлыми лицами ходили по улицам. Все были рады тому, что дракона нет, что Бублик и Шурупчик нашлись, и в особенности тому, что Гвоздик перевоспитался. Некоторые, правда, не верили в это перевоспитание и подозрительно следили за ним, боясь, как бы он опять не начал бить стёкла. Через некоторое время Гвоздика увидели на реке. Он сидел на берегу в одних трусиках и стирал свою одежду.

— Для чего это тебе понадобилось вдруг одежду стирать? — спросили его.

— Завтра пойду на бал, — сказал Гвоздик. — Для этого мне надо одеться почище и причесаться.

— Разве у малышей будет бал?

— Будет. Бублик и Шурупчик тоже пойдут. Их тоже пригласили.

— Ты хочешь сказать, что и тебя пригласили? — недоверчиво спросили малыши.

— А то как же! Конечно, пригласили.

— Ну-ну! — покрутили головами малыши. — Уж если малышки пригласили его на бал, значит, он на самом деле перевоспитался. Кто бы подумать мог!

Глава двадцать седьмая

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Работа по подготовке к балу была в полном разгаре. Беседка для оркестра и палатки вокруг танцевальной площадки уже были построены. Тюбик расписывал беседку самыми затейливыми узорами, а остальные малыши окрашивали палатки во все цвета радуги. Малышки украшали площадку цветами, разноцветными фонариками и флажками. Незнайка носился туда и сюда и распоряжался изо всех сил. Ему казалось, что работа идёт очень медленно. Он кричал, суетился и только другим мешал. К счастью, каждый и без него знал, что нужно делать.

Кто-то придумал устроить вокруг площадки скамеечки, но не было досок. Незнайка готов был рвать на себе волосы от досады.

— Эх, — кричал он, — не могли лишних досок привезти, а теперь все машины уехали в Змеевку! Ну-ка, давайте ломать какую-нибудь палатку. Мы из неё скамеек наделаем.

— Правильно! — закричал Авоська и уже бросился с топором к ближайшей палатке.

— Что ты? — сказал Тюбик. — Строили-строили, красили-красили, а теперь ломать?

— Не твоё дело! — кричал Авоська. — Скамейки тоже нужны.

— Но нельзя же одно делать, другое ломать!

— А ты чего тут распоряжаешься? — вмешался Незнайка. — Кто у нас главный — ты или я? Сказано ломать — значит, ломать!

Неизвестно, до чего бы дошёл этот спор, но тут вдали показалась машина.

— Бублик вернулся! — закричали все радостно. — Теперь можно будет досок привезти и не нужно палатку ломать.

Машина подъехала. Из кабины вылез Бублик. За ним появился ещё один коротышка. Все с изумлением смотрели на него.

— Батюшки, да ведь это наш Знайка! — закричал доктор Пилюлькин.

— Знайка приехал! — завопил Растеряйка.

Малыши моментально окружили Знайку, стали обнимать его, целовать.

— Наконец-то мы тебя нашли! — говорили они.

— Как это — вы меня нашли? — удивился Знайка. — По-моему, это я вас нашёл!

— Да, да, правильно, ты нас нашёл, но мы думали, что ты нас совсем покинул!

— Я вас покинул? — снова удивился Знайка. — По-моему, это вы меня покинули!

— Ты ведь спрыгнул на парашюте, а мы остались, — ответил Пончик.

— А зачем вы остались? Я ведь дал команду всем

прыгать. Надо было прыгать за мной, потому что шар всё равно уже не мог долго летать, а вы, наверно, трусили, побоялись.

— Да, да, трусили... — закивали все головами.

— Конечно, трусили! — сказал Незнайка. — Побоялись прыгать. Интересно было бы выяснить, кто первый трусил?

— Кто? — спросил Небоська. — Ты же первый небось и трусил.

— Я? — удивился Незнайка.

— Конечно, ты! — закричали тут все. — Кто сказал, что не надо прыгать? Разве не ты?

— Ну, я, — сознался Незнайка. — А зачем вы меня слушали?

— Правильно! — усмехнулся Знайка. — Нашли кого слушать! Будто вы не знаете, что Незнайка — осёл?

— Ну вот, — развёл Незнайка руками, — теперь выходит, что я осёл!

— И трусишка, — добавил Сиропчик.

— Да к тому же ещё врунишка, — подхватил Пончик.

— Это когда я врал? — удивился Незнайка.

— А кто говорил, что ты шар выдумал? — спросил Пончик.

— Что ты, что ты! — замахал Незнайка руками. — Никакого шара я не выдумывал. Это Знайка выдумал шар.

— А кто говорил, будто ты у нас главный? — напирал на Незнайку Сиропчик.

— Да какой я главный! Я так просто... Ну, просто совсем ничего, — оправдывался Незнайка.

— А мы теперь на тебя просто — тьфу! Теперь у нас Знайка главный! — продолжал кричать Сиропчик.

Малышки, которые слышали весь этот разговор, стали громко смеяться. Они увидели, что Незнайка — обыкновенный хвостун. Галочка и Кубышка побежали сейчас же рассказывать всем, что Незнайка оказался лгунишкой и что шар выдумал вовсе не он, а Знайка.

Синеглазка подошла к Незнайке и с презрением сказала:

— Вы зачем нас обманывали? Мы вам верили — думали, что вы на самом деле умный, честный и смелый, а вы оказались жалким обманщиком и презренным трусишкой!

Она с гордостью отвернулась от Незнайки и подошла к Знайке, вокруг которого уже собралась толпа. Всем было интересно поглядеть на него и послушать, что он рассказывал.

— Скажите, а это правда, что когда летишь на воздушном шаре, то земля внизу кажется величиной с пирог? — спросила Знайку Белочка.

— Нет, это неправда, — ответил Знайка. — Земля очень большая, и, сколько ни поднимайся на воздушном шаре, она кажется ещё больше, так как сверху открывается более широкий вид.

— А скажите, пожалуйста, это правда, что облака очень твёрдые и вам во время полёта приходилось рубить их топором? — спросила Синеглазка.

— Тоже неправда, — ответил Знайка. — Облака мягкие, как воздух, потому что они сделаны из тумана, и их вовсе не к чему рубить топором.

Малышки стали спрашивать Знайку, правда ли, что воздушные шары надувают паром, правда ли, что воздушный шар может летать вверх ногами, правда ли,

что, когда они летели, был мороз в тысячу градусов и одна десятая. Знайка ответил, что всё это неправда, и спросил:

— Кто это вам наговорил таких глупостей?

— Это Незнайка, — ответила Заинька и засмеялась.

Все повернулись к Незнайке и громко захохотали. Незнайка покраснел от стыда и готов был провалиться сквозь землю. Он бросился бежать и спрятался в зарослях одуванчиков.

«Буду сидеть в одуванчиках, а потом они забудут про эту историю — и я вылезу», — решил Незнайка.

Знайке очень хотелось осмотреть Зелёный город. Синеглазка, Снежинка и другие малышки пошли с ним, чтоб показать ему все достопримечательности. Знайка внимательно осмотрел мост через реку, потом стал осматривать тростниковый водопровод. Его очень заинтересовало устройство водопровода и фонтанов. Малышки подробно рассказали ему, как устроен водопровод и как нужно делать фонтаны, чтобы вода била вверх, а не вниз. Знайке понравилось, что у малышей всюду был образцовый порядок и абсолютная чистота. Он похвалил их за то, что они даже тротуары на улице застилали половиками. Малышки обрадовались и стали приглашать Знайку в дома, чтобы он посмотрел внутреннее устройство. Внутри было так же хорошо и чисто, как и снаружи. В одном из домов Знайка увидел шкаф с книгами и сказал, что когда вернётся домой, то и себе сделает книжный шкаф.

— Разве у вас нет книжного шкафа? — спросили малышки.

— Нет, — признался Знайка.

— Где же у вас книги хранятся?

Знайка только рукой махнул. Ему стыдно было признаться, что у него книги лежали просто на столе, а то и под столом и даже под кроватью.

Знайку, конечно, заинтересовали и арбузы. Малышки рассказали ему про Соломку, и Знайке захотелось познакомиться с ней. Малышки разыскали Соломку и познакомили со Знайкой. Знайка стал расспрашивать её обо всём, что его интересовало. Соломка рассказала ему о своей работе по выращиванию разных фруктов и овощей. Знайка слушал очень внимательно и даже записывал кое-что в свою записную книжечку.

— Вот это умный малыш, — говорили малышки. — Сразу видно, что любит чему-нибудь поучиться.

А у Незнайки, конечно, не хватало терпения сидеть в зарослях одуванчиков. Время от времени он вылезал, и вот тут-то ему приходилось тужить. Малышки вовсе не обращали на него никакого внимания, будто его и не существовало, но зато малыши просто не давали проходу.

— Незнайка — вун! — кричали они. — Незнайка — хвостун! Незнайка — трусишка!

«Нет, видно, ещё не забыли!» — с досадой думал Незнайка и бросался обратно в одуванчики.

Через некоторое время он опять вылезал, и всё повторялось снова. Наконец он сказал:

— Не буду больше вылезать! Надо быть твёрдым. Буду твёрдо сидеть здесь хоть до завтрашнего дня. Вылезу, только когда бал начнётся.

ПРИМИРЕНИЕ

На другой день состоялся бал, которого все с таким нетерпением ждали. Вокруг танцевальной площадки красовались нарядные палатки. Они сверкали яркими красками, словно пряничные избушки. Над площадкой были протянуты верёвочки, на которых висели разноцветные фонарики и флажки. Такие же флажки и фонарики висели на всех деревьях вокруг. Каждое дерево было похоже на новогоднюю ёлку.

На втором этаже беседки, которая была украшена цветами, помещался оркестр из десяти малышей. Каждая малышка играла на арфе. Здесь были совсем маленькие арфы, которые нужно было держать в руках; были арфы побольше, которые держали на коленях; были также большие арфы, которые стояли на полу, а одна арфа была огромная: чтобы играть на ней, нужно было взбираться на лесенку.

Вечер ещё не наступил, но все уже собрались вокруг площадки и ждали гостей из Змеевки. Первым приехал Гвоздик. Он был в чистенькой рубашке, умытый, причёсанный. Правда, один вихор на самой макушке торчал у него кверху вроде петушиного гребешка, но всё-таки было видно, что Гвоздик основательно поработал над своей причёской.

— Вот теперь вы хороший малыш, — сказала ему Кисонька. — Вам, наверно, самому приятно быть таким нарядным и чистеньким.

— Конечно, — согласился Гвоздик, одёргивая на себе рубашку.

Вслед за Гвоздиком приехали Шурупчик и Бублик, а за ними стали появляться и другие жители Змеевки. Хотя их никто и не приглашал, но каждый из них говорил, что он приехал поблагодарить малышек за фрукты, и тут же получал приглашение остаться на бал.

А Незнайка на самом деле просидел в одуванчиках до начала бала. По правде сказать, он не столько сидел, сколько лежал, то есть, попросту говоря, спал, но как только увидел, что малыши начинают собираться, он вылез и направился прямо к площадке. Малыши увидели его и стали кричать:

— А, врунишка, и ты пришёл! Ну-ка, иди расскажи, как ты вверх ногами летал!

— Ну-ка, расскажи, как ты облако вместо киселя съел! — закричал, подсакивая к нему, Пончик.

Незнайка страшно обиделся. Он повернулся и пошёл куда глаза глядят. Малыши кричали ему что-то вдогонку и смеялись, но он даже не слышал.

Не разбирая дороги, он забрёл на край города, наткнулся там на забор и набил на лбу шишку. Остановившись, он поднял глаза и увидел на заборе надпись: «Незнайка дурак».

— Ну вот! — сказал Незнайка. — Уже про меня начинают писать надписи на заборах.

Ему стало так жалко себя, так жалко, что и сказать нельзя! Он прижался к забору лбом, и слёзы закапали из его глаз.

— Ах, какой я несчастный! — говорил он. — Все теперь смеются надо мной! Все меня презирают! И никто, никто на свете не любит меня!

Он долго стоял, прижимаясь к забору лбом, а слёзы

всё лились и никак не могли остановиться. Вдруг он почувствовал, что его кто-то трогает за плечо, и чей-то ласковый голос сказал:

— Не плачьте, Незнайка!

Он обернулся и увидел Синеглазку.

— Не надо плакать, — повторила она.

Незнайка отвернулся от неё, вцепился руками в забор и завыл ещё громче. Синеглазка молча погладила его по плечу рукой. Незнайка задёргал плечом, стараясь сбросить её руку, и даже ногой задрогал.

— Ну, не надо, не надо быть таким злым! — ласково заговорила она. — Ведь вы добрый, хороший малыш. Вам хотелось казаться лучше, поэтому вы стали хвастаться и обманывать нас. Но теперь ведь вы больше не будете делать так? Не будете?

Незнайка молчал.

— Скажите, что не будете. Ведь вы хороший!

— Нет, я плохой!

— Но ведь бывают и хуже.

— Нет, я самый плохой...

— Неправда! Гвоздик был хуже вас. Вы никогда не делали таких пакостей, какие позволял себе Гвоздик, а ведь и он в конце концов исправился. Значит, если вы захотите, то тоже сможете сделаться лучше. Скажите, что больше не будете делать так, и начинайте новую жизнь. О старом больше не будем вспоминать.

— Ну, не буду! — угрюмо буркнул Незнайка.

— Вот видите, как хорошо! — обрадовалась Синеглазка. — Теперь вы постараетесь быть честным, смелым и умным, будете совершать хорошие поступки,

и вам не придётся больше выдумывать, чтобы казаться лучше. Правда?

— Правда, — ответил Незнайка. Он грустно взглянул на Синеглазку и улыбнулся сквозь слёзы.

Синеглазка взяла его за руку:

— Пойдёмте туда, где все.

Скоро они были у танцевальной площадки. Пончик увидел, что Незнайка возвращается с Синеглазкой, и заорал во всё горло:

— Незнайка — обманщик! Незнайка — осёл!

— Расскажи, как ты облако проглотил! — закричал Сиропчик.

— Стыдно, малыши! — воскликнула Синеглазка. — Зачем вы его дразните?

— А зачем он обманывал? — сказал Пончик.

— Разве он вас обманывал? — удивилась Синеглазка. — Он обманывал нас, а вы молчали — значит, были с ним заодно!

— Вы ничем не лучше его! — воскликнула Снежинка. — Вы ведь знали, что он врёт да хвастает, и никто не остановил его. Никто не сказал, что это нехорошо. Чем же вы лучше?

— Мы и не говорим, что мы лучше, — пожал Пончик плечами.

— Ну и не дразните его, раз сами не лучше! — вмешалась в разговор Кисонька. — Другие на вашем месте давно помогли бы ему исправиться.

Пончику и Сиропчику стало стыдно, и они перестали дразнить Незнайку.

Ласточка подошла к нему и сказала:

— Бедненький! Вы плакали? Вас задразнили! Малыши

такие взбалмошные, но мы не дадим вас в обиду. Мы не позволим больше никому вас дразнить. — Она отошла в сторону и зашептала малышам: — С ним надо обращаться поласковее. Он провинился и за это наказан, но теперь он раскаялся и будет вести себя хорошо.

— Конечно! — подхватила Кисонька. — А дразнить — это плохо. Он обозлится и начнёт вести себя ещё хуже. Если же его пожалеть, то он сильнее почувствует свою вину и скорее исправится.

Малышки окружили Незнайку и стали его жалеть. Незнайка сказал:

— Я раньше не хотел водиться с малышами и считал, что малыши лучше, а теперь я вижу, что малыши вовсе не лучше. Малыши только дразнились, а малышки заступились за меня. Теперь всегда буду с малышами дружить.

Глава двадцать девятая

НА БАЛУ

Тут заиграла музыка, и все бросились танцевать. Торопыжка закружился с черноволосой Галочкой, Знайка танцевал со Снежинкой, Ворчун — с Ласточкой. И — кто бы мог подумать! — доктор Пилюлькин танцевал с Медуницей. Да, да! Медуница тоже пришла на бал. Вместо белого халата, в котором все привыкли видеть её, она надела красивое платье с цветочками и совсем не была похожа на ту строгую Медуницу, которая так

властно распоряжалась у себя в больнице. Она кружилась в танце, положив свою руку на плечо Пилюлькину, и, улыбаясь, говорила:

— Сознайтесь всё-таки, что наш метод лечения гораздо лучше вашего. Разные ссадины, раны, царапины, синяки, чирьи и даже нарывы следует мазать мёдом. Мёд — очень хорошее дезинфицирующее вещество и предохраняет от нагноения.

— Не могу с вами согласиться, — спорил доктор Пилюлькин. — Все раны, царапины, ссадины следует мазать йодом. Йод тоже очень хорошее дезинфицирующее средство и предохраняет от нагноения.

— Но согласитесь всё-таки, что ваш йод обжигает кожу, в то время как лечение мёдом проходит совершенно безболезненно.

— Могу согласиться, что лечение мёдом может оказаться подходящим только для малышей, но для малышей ваш мёд совсем не годится.

— Почему же? — удивилась Медуница.

— Вы ведь сами сказали, что лечение мёдом проходит безболезненно.

— А вам обязательно надо, чтобы было болезненно?

— Обязательно, — ответил доктор Пилюлькин. — Если малыш полезет через забор и оцарапает ногу, то царапину надо прижечь йодом, чтобы малыш запомнил, что лазить через забор опасно, и в другой раз не лез через забор.

— А в другой раз он полезет не через забор, а заберётся на крышу, упадёт и разобьёт себе голову, — сказала Медуница.

— Тогда мы намажем ему голову йодом, и он запомнит, что лазить на крышу тоже опасно. Йод имеет очень большое воспитательное значение.

— Доктор должен думать не о воспитательном значении, а об облегчении страданий больного, — ответила Медуница. — Своим же йодом вы только увеличиваете страдания.

— Доктор обо всём должен думать, — сказал Пилюлькин. — Конечно, если вы лечите малышей, то можете вообще ни о чём не думать, но когда вы лечите малышей...

— Поговорим лучше о чём-нибудь другом, — перебила его Медуница. — С вами просто невозможно танцевать.

— Нет, это с вами невозможно танцевать!

— Вы не очень-то вежливы!

— Да, я невежлив, когда при мне высказывают такие невежественные взгляды.

— Это вы высказываете невежественные взгляды! Вы не доктор, а несчастненький лекаришка.

— А вы... вы!..

От обиды доктор Пилюлькин не мог ничего сказать.

Он остановился посреди танцевальной площадки и судорожно открывал рот, словно вытащенная из воды рыба. На него стали налетать танцующие пары. Медуницу совсем затолкали. Она дёрнула его за рукав:

— Ну, танцуйте! Чего же вы стали? Мы всем мешаем!

Пилюлькин махнул рукой, и они снова принялись танцевать. Сначала танцевали молча, потом опять принялись спорить о методах лечения.

Пончик танцевал с Кубышкой. Между ними происходил совсем другой разговор.

— Любите ли вы конфеты? — спрашивал Пончик.

— Очень, — отвечала Кубышка. — А вы?

— Я тоже. Но больше всего я люблю пирожные.

— А я больше всего на свете люблю мороженое.

Винтик танцевал с Белочкой.

— Я мечтаю выучиться ездить на автомобиле, — говорила Белочка. — У нас многие малышки научились — значит, и я смогу.

— Это очень просто, — подтвердил Винтик. — Сначала нужно выжать сцепление, потом дать газ...

Незнайка танцевал с Синеглазкой. Впрочем, это только так говорится, что Незнайка танцевал. На самом деле танцевала одна Синеглазка, а Незнайка прыгал как козёл, наступал Синеглазке на ноги и всё время толкал других. Наконец Синеглазка сказала:

— Давайте посидим лучше.

Они сели на лавочке.

— А знаете, — сказал Незнайка, — я ведь вовсе не умею танцевать.

— Вот и хорошо, что вы сами признались, — ответила Синеглазка. — Другой на вашем месте наврал бы с три короба, сказал бы, что у него ноги болят и руки, а вот вы честно сказали, что не умеете. Я вижу, что с вами можно дружить.

— Конечно, можно, — согласился Незнайка.

— Мне нравится дружить с малышами, — сказала Синеглазка. — Я не люблю малышей за то, что они слишком много воображают о своей красоте и вертятся перед зеркалом.

— Малыши тоже есть такие, которые любят смотреться в зеркало, — ответил Незнайка.

— Но ведь вы не такой, Незнайка? Правда, вы не такой?

— Нет, я не такой, — ответил Незнайка.

И соврал. На самом деле частенько, когда никто не видел, он вертелся перед зеркалом и думал о своей красоте. Как и каждый другой малыш, впрочем.

— Я очень рада, что вы не такой, — ответила Синеглазка. — Мы будем с вами дружить. У меня есть интересное предложение. Давайте писать друг другу письма. Сначала вы напишете мне письмо, а потом я вам.

«Вот те раз!» — подумал Незнайка, который умел писать только печатными буквами и очень стеснялся показать свою необразованность.

— Зачем же письмо? — растерянно пробормотал он. — Мы ведь недалеко живём. Можно и так поговорить.

— Ах, какой вы скучный, Незнайка! Вы ничего не хотите для меня сделать. Ведь это так интересно — письмо получить!

— Ну хорошо, — согласился Незнайка. — Я напишу письмо.

Скоро стемнело. Вокруг загорелись сотни разноцветных фонариков. Они сверкали и на деревьях и на палатках. Кое-где они были спрятаны в траве под деревьями, и от этого казалось, что сама трава светится каким-то волшебным светом. Нижняя часть беседки, над которой помещался оркестр, была задёрнута красивым голубым занавесом. Неожиданно занавес открылся, и все увидели за ним сцену.

На сцену вышла поэтесса Самоцветик и закричала:
— Тишина! Тишина! Сейчас будет концерт. Внимание!

Все уселись на лавочки и приготовились слушать.

— Внимание! — продолжала кричать Самоцветик. — Первая выступаю я. Я прочитаю вам свои новые стихи о дружбе.

Малыши и малышки громко захлопали в ладоши. Как только аплодисменты стихли, Гусля взмахнул своей дирижёрской палочкой, оркестр заиграл, и Самоцветик начала читать под музыку свои новые стихи о дружбе. Эти стихи были так же хороши, как все стихи, которые сочиняла Самоцветик, и кончались они словами: «Надо всем нам подружиться, надо дружбу укреплять!»

После чтения стихов, которые всем очень понравились, начал выступать танцевальный ансамбль. Двенадцать малышей, нарядившись в красивые, разноцветные платья с лентами, танцевали разные танцы, среди которых самым лучшим оказался танец «Репка». Зрители долго хлопали в ладоши и кричали «браво» до тех пор, пока «Репку» не повторили ещё два раза. После танцевального ансамбля выступил хор малышей из города Змеевки. Хор исполнил несколько песен.

Как только хор удалился со сцены, Гусля оставил свой оркестр, спустился со второго этажа по столбу вниз, залез на сцену и закричал:

— Ко мне, братцы! Ко мне!

Знайка, Торопыжка, доктор Пилюлькин и остальные товарищи Знайки залезли на сцену.

— Внимание! — закричал Гусля. — Сейчас выступит хор малышей из Цветочного города.

Он заиграл на своей флейте, и все малыши хором запели лесенку про кузнечика, которую сочинил поэт Цветик:

В траве сидел кузнечик,
Совсем как огуречик.
Зелёnenький он был,
Зелёnenький он был.

Он ел одну лишь травку,
Не трогал и козьявку
И с мухами дружил,
И с мухами дружил.

Но вот пришла лягушка,
Прожорливое брюшко,
И съела кузнеца,
И съела кузнеца.

Не думал, не гадал он,
Никак не ожидал он
Такого вот конца,
Такого вот конца!

И такая печальная была эта песенка, что под конец даже сами певцы не выдержали и горько заплакали. Всем было жалко бедного кузнечика, которого съела прожорливая лягушка. Слёзы текли из их глаз в три ручья.

— Такой хороший кузнечик был! — всхлипывал Тюбик.

— Совсем никого не трогал и с мухами дружил, — сказал Торопыжка.

— И за это его лягушка съела! — добавил Винтик.

Только Знайка не плакал и утешал товарищей:

— Не плачьте, братцы! Не съела лягушка кузнечика. Это неправда. Она муху съела. Честное слово, муху!

— Всё равно, — всхлипывал Винтик. — И муху жалко.

— А зачем мух жалеть? Они только надоедают всем да заразу разносят. Вот ещё выдумали — из-за мухи плакать!

— Я вовсе не из-за мухи плачу, — сказал Ворчун. — Просто я вспомнил, как мы пели эту песенку, когда были дома.

Тут Незнайка так громко завыл, что все от удивления перестали плакать и стали его утешать. Все спрашивали, отчего он так громко плачет, но Незнайка хныкал и ничего не отвечал. Наконец он сказал, не переставая всхлипывать:

— Я по Гу... я по Гу... я по Гуньке соскучился!

— С чего бы это? — удивились все. — Не скучал, не скучал — и вдруг соскучился!

— Да! — капризно ответил Незнайка. — Я здесь, а Гунька дома остался!

— Ну и не пропадёт без тебя твой Гунька, — сказал Торопыжка.

— Нет, пропадёт! Я знаю, что он тоже скучает по мне. Гунька — мой самый лучший друг, а я даже не попрощался с ним, когда мы улетали на воздушном шаре.

— Почему же ты не попрощался?

— Я поссорился с ним и не захотел прощаться. Когда мы улетали, он всё время глядел на меня и махал мне рукой, а я даже нарочно отвернулся и не хотел

смотреть на него. Я был тогда гордый оттого, что лечу на воздушном шаре, а теперь меня мучит эта... как её?..

— Совесть? — подсказал Пилюлькин.

— Вот, вот, братцы, совесть! Если бы я попрощался, мне было бы легче. Вернёмся, братцы, домой — я помирюсь с Гунькой и прощаюсь.

— Если мы вернёмся, то надо будет здороваться, а не прощаться, — сказал Знайка.

— Ну, всё равно, я сначала прощаюсь, а потом поздороваюсь, и всё хорошо будет.

— Придётся, друзья, отправляться в обратный путь, — сказал Гуся. — Незнайка домой захотел.

— Да, братцы, мне тоже пора домой, — сказал Пилюлькин. — Ведь без меня в Цветочном городе может кто-нибудь заболеть, а лечить некому.

— Что ж, погуляли — и хватит, — ответил Знайка. — Надо когда-нибудь и домой возвращаться. Завтра в поход.

Бал окончился. Синеглазка подошла к Незнайке.

— Вот мы и расстаёмся с вами, — печально сказала она.

— Да... — тихо ответил Незнайка. — Нам уже пора домой.

— Вы совсем недолго побыли у нас.

— Мне очень хочется побыть ещё, но и домой хочется, — опустив голову, сказал Незнайка.

Синеглазка задумалась о чём-то, потом сказала:

— Конечно, вам уже пора домой. У вас дома остались друзья, которые, наверно, беспокоятся о вас. Вы хорошо делаете, что не забываете своих друзей.

Некоторое время они оба стояли молча. Незнайка хотел что-то сказать, но в горле у него стало почему-то тесно и слова не шли изнутри. Он смотрел вниз, ковырял каблуком землю и не решался взглянуть на Синеглазку. Он боялся, что она заметит у него на глазах слёзы. Наконец они подняли головы. Глаза их встретились.

— Хотите, я сошью вам на дорогу сумку? — спросила она.

— Хочу.

На другой день Знайка и его товарищи выступили в поход. Решено было путешествовать пешком. Воздушный шар лопнул, и его трудно было починить, да к тому же и не было попутного ветра. Впереди всех шёл Знайка с компасом в руках, за ним доктор Пилюлькин, потом Винтик и Шпунтик, а за ними остальные малыши-коротыши. Незнайка шёл позади всех.

У каждого за спиной была сумка. Эти сумки им сшили малышки. В сумках лежали пироги на дорогу, а также семена разных фруктов, овощей и цветов, которых не было в Цветочном городе. У Сиропчика в каждом кармане лежало по арбузной косточке. Все малышки вышли провожать малышей. Многие плакали.

— Не плачьте, — говорил им Знайка. — Когда-нибудь мы снова сделаем воздушный шар и прилетим к вам.

— Прилетайте весной, когда зацветут яблони! — кричали малышки. — У нас очень красиво весной.

Малышки остановились на окраине города, а малыши направились по дорожке среди зарослей травы и полевых цветов.

— До свиданья! До свиданья! — кричали малышки и махали руками.

— До свиданья! — отвечали им малыши.

Синеглазка молча махала рукой.

Скоро малыши были уже далеко, и голоса малышей едва доносились до них.

— Незнайка! Незнайка! — закричала вдруг Синеглазка.

Незнайка обернулся.

— Письмо, Незнайка! Письмо!

Незнайка закивал головой и принялся махать шляпой.

— Он услышал! — обрадовалась Синеглазка.

Скоро путешественники превратились в едва заметные точки, а потом и совсем скрылись за поворотом дороги. Малышки разошлись по домам. Всем было невесело.

Глава тридцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Много дней Знайка и его товарищи пробирались по полям и лесам и наконец вернулись в родные края. Они остановились на высоком холме, а впереди уже был виден Цветочный город во всей своей красе. Лето подходило к концу, и на улицах зацвели самые красивые цветы: белые хризантемы, красные георгины, разноцветные астры. Во всех дворах пестрели красивые, как мотыльки, анютины глазки. Огненные настурции

вились по оградкам, по стенам домов и цвели даже на крышах. Ветерок доносил нежный запах резеды и ромашки.

От радости Знайка и его товарищи обнимали друг друга.

Скоро они уже шагали по улицам родного города. Из всех домов выбегали жители и смотрели на наших путешественников. Знайка и его друзья так загорели от долгих странствий, что сначала их никто не узнавал.

Вдруг кто-то крикнул:

— Братцы, да ведь это Знайка! Смотрите, вот он идёт впереди всех!

Тут со всех сторон слышались крики:

— А вон и доктор Пилюлькин! И охотник Пулька, и Растеряйка, и Пончик!

Жители радовались и кричали:

— Ура!

А что делалось, когда Знайка и его товарищи повернули на улицу Колокольчиков! Здесь у них все были соседи и хорошие знакомые. Коротышки запрудили всю улицу. Малыши обнимали и целовали отважных путешественников, а малышки засыпали всю дорогу лепестками от маргариток. Вдруг откуда-то прибежала маленькая собачонка. Она принялась лаять, прыгать вокруг охотника Пульки и лизать ему руки.

— Братцы, да ведь это мой Булька! — закричал охотник Пулька.

Соседи стали рассказывать, что через несколько дней после того, как малыши улетели на воздушном шаре, Булька вернулся домой. Поэтому все думали, что Пулька и его товарищи погибли, и никто не надеялся

увидеть их снова живыми. Пулька схватил Бульку на руки и принялся его целовать.

— Ах ты мой верный, хороший пёсик! — говорил он. — Значит, ты не погиб? А я так горевал по тебе!

Тут в конце улицы показалась новая толпа коротышек. Впереди всех бежал поэт Цветик.

— Стихи! — закричали все. — Сейчас будут стихи!

Малышки громко захлопали в ладоши, а несколько малышей прикатили откуда-то пустую бочку и поставили её посреди улицы кверху дном.

Кто-то крикнул:

— Становись, Цветик, на бочку и читай стихи!

Цветика подхватили под руки и помогли ему взобраться на бочку. Цветик на минутку задумался, покашлял немножко, потом протянул к Знайке и его товарищам руку и с чувством прочитал стихи, которые сочинил тут же, стоя на бочке:

Отважных путников встречаем с жаром!

Отправились они с большим воздушным шаром,

А возвратилися — ура! —

Они без всякого шара.

— Ура-а-а! — закричали со всех сторон коротышки.

Цветика моментально стащили с бочки. Малыши подхватили его на руки и потащили домой, а малышки бежали сзади и бросали ему лепестки от маргариток.

Благодаря этим стихам Цветик прославился так, будто это он сам совершил такое замечательное путешествие.

Наши отважные путешественники открыли калитку и направились к своему домику, который пустовал уже

много дней. На улице остался один Незнайка. Он печально смотрел вслед удалявшейся толпе, потом огляделся по сторонам, будто кого-то искал. На улице было совсем пусто. Всех словно унесло ветром. Глаза у Незнайки стали ещё печальнее, но в это время он увидел на противоположной стороне улицы, в тени забора, маленькую фигурку, которая стояла, разинув рот, и глядела на него широко открытыми глазами.

— Гунька! — воскликнул Незнайка, узнав своего друга, и протянул вперёд руки.

Гунька взвизгнул от радости и бросился к Незнайке, а Незнайка побежал навстречу ему. Приятели чуть не столкнулись лбами и остановились посреди улицы. Гунька с гордостью и любовью смотрел на своего друга, ставшего знаменитым путешественником, а Незнайка смотрел на него с виноватой улыбкой. Так они долго стояли, разглядывая друг друга, и от волнения не могли сказать ни одного слова. Потом они крепко обнялись, и слёзы закапали из их глаз.

Вот так встреча была!

На этом знаменитое путешествие Знайки и его товарищей окончилось. Жизнь в Цветочном городе потекла по-старому... хотя нет, нельзя сказать, чтобы совсем по-старому.

С тех пор как наши отважные путешественники вернулись домой, в городе только и говорили о них. Все жители, и малыши и малышки, приходили по вечерам к домику Знайки и слушали рассказы путешественников об их жизни в Зелёном городе.

Пончик любил вспоминать о том, какими вкусными пирогами угощали его малышки, а Сиропчик хвастал,

сколько он выпил газированной воды с сиропом. Знайка рассказывал о тростниковом водопроводе, и о фонтанах, и о том, какой чудесный мост сделали через реку малышки, а также о том, какие огромные арбузы они выращивали. Сиропчик при этом всегда доставал из кармана арбузную косточку и говорил:

— Кто бы мог подумать, что из этой косточки может получиться несколько бочек сиропу!

Авоська и Торопыжка больше всего любили рассказывать, как они с малышками убирали урожай. Винтик и Шпунтик рассказывали про механизацию, про своего друга — шофёра Бублика и про механика-изобретателя Шурупчика, у которого всё на кнопках. Пулька больше всего любил вспоминать о том, как его лечили в больнице и какой замечательный врач Медуница, которая вылечила ему вывихнутую ногу так хорошо, что теперь он может не только ходить, но и бегать и даже прыгать. В доказательство Пулька скакал на одной ноге — именно на той ноге, которая была вывихнута.

Все рассказывали о своей дружбе с малышками. Даже Молчун, от которого редко можно было услышать хотя бы слово, сказал:

— Честное слово, братцы, я раньше даже не думал, что с малышками можно так же хорошо дружить, как с малышами.

— Уж ты бы лучше молчал! — ответил Незнайка. — Я и не заметил, чтобы ты там с кем-нибудь подружил.

— А ты разве подружил? — спросили его малышки.

— Я подружил с Синеглазкой! — гордо ответил Незнайка.

— Так тебе и поверили! — сказала Кнопочка. — Ты

ведь даже со своим другом Гунькой поссорился из-за того, что он дружит с малышками.

— Ничего подобного! С Гунькой я уже помирился и теперь сам всегда буду дружить с малышками.

— Почему же не дружил раньше? — спросила Ромашка.

— Раньше я был очень глупый. Я боялся, что меня станут дразнить за то, что я вожу компанию с малышами.

— Ты и теперь будешь бояться, — сказала Кнопочка.

— Нет. Теперь я уже учёный. Хочешь, буду с тобой дружить? А тот, кто станет смеяться, получит от меня по лбу.

— Очень нужно, чтобы ты из-за меня дрался! — ответила Кнопочка.

— Ну я не стану драться. Просто не буду обращать на насмешки внимания.

Незнайка подружил с Кнопочкой, и с тех пор, если замечал, что кто-нибудь обижает малышей, он подходил и говорил:

— Ты зачем обижаешь малышей? Смотри, чтобы я этого больше не видел! Обижать малышей у нас не принято.

За это малышки стали его уважать и говорили, что Незнайка совсем неплохой коротыш. Остальным малышам было завидно, что хвалят Незнайку, и они тоже стали защищать малышей. Обижать малышей в Цветочном городе просто стало не принято. Если происходил такой случай, что какой-нибудь малыш распустит свои кулаки или даже скажет обидное слово малышке, то над ним все смеялись и говорили, что он невоспитанный не-

вежа и неотёсанный чурбан, который незнаком с самыми простыми правилами приличного поведения.

Теперь никто не прогонял малышей, когда они хотели поиграть с малышами, — наоборот, их всегда принимали в игру.

Вскоре Знайка придумал сделать в Цветочном городе тростниковый водопровод и устроить несколько фонтанов, для начала хотя бы по одному на каждой улице. Кроме того, он предложил сделать через Огурцовую реку мост, чтобы можно было ходить в лес пешком. Малышки включились в работу наравне с малышами. С утра до обеда все работали по постройке моста, по прокладке водопровода, а также по устройству фонтанов. После обеда все отправлялись играть — кто в пятнашки, кто в прятки, кто в футбол или волейбол.

Только Незнайка редко участвовал в играх. Он говорил:

— Мне играть теперь некогда. Я и читать-то умею с горем пополам, а пишу только печатными буквами. А мне обязательно надо научиться красиво писать. Уж я сам знаю для чего.

Вместо того чтобы идти играть в городки или футбол, Незнайка садился за стол и принимался за чтение. Читал он каждый день по страничке, но и от этого была, конечно, большая польза. Иногда он читал даже по две странички: за сегодняшний день и за завтрашний. Покончив с чтением, он брал тетрадочку и начинал писать. Писал он уже не печатными буквами, а письменными, но сначала они получались у него не очень красиво. Первое время у него в тетради вместо букв

выходили какие-то несообразные кривульки и кренделя, но Незнайка очень старался и постепенно выучился писать красивые буквы, и большие, то есть заглавные, и маленькие. Гораздо хуже у него обстояло дело с кляксами.

Незнайка часто сажал кляксы в тетради. И к тому же как только посадит кляксу, так сейчас же слизнёт её языком. От этого кляксы у него получались с длинными хвостами. Такие хвостатые кляксы Незнайка называл кометами. Эти «кометы» были у него чуть ли не на каждой страничке. Но Незнайка не унывал, так как знал, что терпение и труд помогут ему избавиться и от «комет».

Про Незнайку и других коротышек

Стихи и песенки

ПРО НЕЗНАЙКУ

Посадил Незнайка репку.
Растолстела репка крепко.
Землю всю разворотила,
Даже дом наш повалила.
Стали мы на репке жить
И постройки возводить.
Но на репке в воскресенье
Началось землетрясение.
Провалилась репка вниз:
Кто-то корень ей подгрыз.
Тут Незнайку мы поймали
И лопату отобрали,
Чтоб он землю не копал,
Больше репок не сажал.

ПРО ГУНЬКУ

Гунька раз играл с огнём:
Загорелся Гунькин дом.
Бежит Кнопочка с блином,
Накрывает Гунькин дом.
Пых! Пух! Блин распух,
И пожар тотчас потух.
В доме мебель вся сгорела,
И кровать не уцелела.
На крылечке Гунька спит,
Сверху листиком накрыт.

ПРО РАСТЕРЯЙКУ

Растеряйка утром встал,
Целый час штаны искал.
Заглянул он под кровать —
Там штанишек не видать.
Посмотрел под стул, под стол,
Но штанов там не нашёл.
Он взобрался на буфет —
Там штанишек тоже нет.
Он искал во всех углах,
А штаны-то на ногах!
Оказалось, лёг он спать,
Позабыв штанишки снять.

ПРО ОХОТНИКА ПУЛЬКУ

Снарядившись на охоту,
Вышел Пулька за ворота.
Вдруг навстречу ему волк:
На него зубами щёлк!
Пулька от него бежать,
Мигом прыгнул под кровать,
А потом взглянул в окошко:
Оказалось, это кошка.

ПРО ТОРОПЫЖКУ

Торопыжка искупался.
Голышом с реки примчался.
Пообедать так спешил,
Что одеться позабыл.
Посмотреть на Торопыжку,
Собрались все коротышки.
Многие смотрели с крыш,
Говорили: «Вон голыш!»

ПРО ПОНЧИКА

Вышел Пончик на прогулку,
Зашагал по переулку.
Вдруг навстречу во весь дух
На него летит петух.
Пончик только рот раскрыл,
Петуха вмиг проглотил,
А потом часов до двух
Кукарекал, как петух.

ПРО ПОЭТА ЦВЕТИКА

Есть у нас один поэт.
Называют его Цветик.
Сочиняет он стихи.
А стихи-то! — хи-хи-хи!
Раз всю ночь писал, писал:
Три тетради измарал,
Строчил и вдоль и поперёк —
Наутро сам прочесть не смог,
Вот какая вышла штука!
Наперёд вам всем наука:
Чтобы ночью не писать,
А скорей ложиться спать.

ПРО АСТРОНОМА СТЕКЛЯШКИНА

Астроном Стекляшкин
Скушал манной каши
И взобрался на забор,
На Луну смотреть в упор.
Он в трубу глядел, глядел,
Ничего не разглядел.
А потом и говорит:
— У Луны пустынный вид.
Теперь раскрыта тайна:
Луна необитаема. —
Плохо он в трубу смотрел!
Видно, мало каши съел.
Он забрался бы повыше,
Посидел с трубой на крыше,
На Луну бы посмотрел —
Коротышек разглядел.

ПРО ЗНАЙКУ

Взяли теста мы кадушку,
Изготовили ватрушку,
Кто ватрушку эту ел,
Сразу очень поумнел,
Лишь не ел ватрушки Знайка.
Стал он глупый, как Незнайка.
Но за книжки он засел —
Скоро снова поумнел.
Пусть узнают все детишки,
Что читать полезно книжки.

ЧАСТУШКИ

В небе солнышко сияло,
Спряталось за тучку.
Пончик съел во сне мочало —
Принял за тянучку.

* * *

В помещении пустом
Поселилась мышь с хвостом.
А Незнайка разнёс весть:
"Зоопарк открылся здесь".

* * *

В невесомости ракета
Облетает вокруг света.
А в ракете Знайка спит:
В невесомости висит.

НЕЗНАЙКА

Признаюсь по секрету
Вам, милые друзья,
Что странствовал по свету
Совсем немало я.
Раз по Луне шатался я,
Там пёкся, как в аду,
Потом гулял по Марсу я
И замерзал во льду.
К Большой Медведице летал,
Играл там с медвежатами,
Но курс корабль мой потерял,
Подхваченный пассатами.

С тех пор признаюсь, братцы,
Какой-то я чудаки!
Всё, что бы я ни делал,
Я делаю не так.
И что тут получается,
Никто не разберёт.
Всё вокруг случается
Совсем наоборот.

Упал я с неба в океан
И в океане том
Подрался с голубым китом,
Потом с морским котом.
Затем я в Африку приплыл,
В плен угодил к мартышкам.
Три дня им поваром служил
И пёк для них коврижки.
Но страж за мной не углядел,
От них бежал я лесом,
Весь год одни бананы ел
С огромным интересом.

С тех пор признаюсь, братцы,
Какой-то я чудака!
Всё, что бы я ни делал,
Я делаю не так.
И что тут получается,
Никто не разберёт.
Всё вокруг случается
Совсем наоборот.

Когда переплывал я Нил,
Произошло несчастье:
Меня настиг там крокодил
С пятиметровой пастью.
Схватил за голову шутя,
И не прошло минутки —
Осталась голова моя
У гадины в желудке.
Пустился я бежать в Алжир,
Истратив сил остатки,
Где опытный профессор жил
Голов по пересадке.

С тех пор признаюсь, братцы,
Какой-то я чудак!
Всё, что бы я ни делал,
Я делаю не так.
И что тут получается,
Никто не разберёт.
Всё вокруг случается
Совсем наоборот.

Со мной он долго не мудрил,
И без больших помех он
Мне голову вмиг заменил
Кокосовым орехом.
С тех пор признаюсь, братцы,
Какой-то я чудаки!
Всё, что бы я ни делал,
Я делаю не так.
И что тут получается,
Никто не разберёт.
Всё вокруг случается
Совсем наоборот.

ПЕСЕНКА ДОКТОРА ПИЛЮЛЬКИНА

Я известный врач Пилюлькин,
Пропишу вам всем пилюльки.
Излечу без исключения
Всех, кто требует лечения.
Кто простудит грудь иль спину,
Тот получит аспирину.
У кого болит животик —
Исцелит антибиотик.
У кого болят уши,
Надо радио послушать
Или же магнитофон —
Уши вмиг прочистит он.
У кого болят зубы,
Буду йодом мазать губы:
Йод на зубы перейдёт,
Боль утихнет и пройдёт.
У кого мозготрясение,
Есть одно ему спасение:
Надо не трясти головкой
И котлеты есть с морковкой.

У кого больные ноги —
Надо бегать по дороге,
Пять часов подряд скакать,
А потом ложиться спать.
Кто не выучит урока,
Излечу того в два срока:
Дам печёную картошку,
А потом касторки ложку.
Кто не сделает задачу,
Тот потерпит неудачу:
Выпьет уксуса бутылку
И получит по затылку.
Есть лекарство и от лени,
Помогает всем в мгновение:
Надо лишь за стол нам сесть,
Сразу скушать всё, что есть,
А потом гуляй весь день,
Вот и выветрится лень.
И от скуки средство есть,
Благ его не перечесть —
Надо только всем собраться
И как следует подраться.
Помогает средство просто,

И зовётся средство боксом.
При невежестве, в излишке,
Очень помогают книжки.
Книжки надобно не есть,
А внимательно прочесть.
А от глупости, признаюсь,
Я лекарства сам не знаю.
Глупый должен постараться
От других ума набраться.
Если он того не хочет,
Пусть весь век себе хохочет.
Если глупость столь обильна,
Медицина здесь бессильна.

ПЕСЕНКА ДОКТОРА МЕДУНИЦЫ

Я доктор Медуница.
Кто хочет полечиться,
Пускай приходит к нам,
Пускай приходит к нам.
У нас своя больница,
К нам все идут лечиться
К хорошим докторам,
К хорошим докторам.
Пилюлькин вас не лечит.
Он только всех калечит,
На горе всем врачам,
На горе всем врачам.
Он йодом всех измажет,
Такое всем покажет,
Что удивится сам,
Что удивится сам!
Он вместо физкультуры
Пропишет вам микстуру,
И горькую притом,

И горькую притом.
Потом назначит порку,
Пропишет и касторку,
Но это уж потом,
Но это уж потом.
А если к нам придёте
По собственной охоте,
Мы всем вам угодим,
Мы всем вам угодим.
Дадим вам шоколаду,
Конфет и мармеладу
И морсом напоим,
И морсом напоим.
Всех окружим заботой,
Сиропом и компотом,
И сладким киселём,
И сладким киселём.
Ну а перед уходом
Мы всех намажем мёдом,
Но это уж потом,
Но это уж потом.

ПЕСЕНКА ДОКТОРА КАСТОРКИНОЙ

Скажу я вам — весёленькое дело! —
Явился раз в больницу к нам больной.
Весь лоб в крови и в синяках всё тело:
Запнулся за верёвку он ногой.
В тени деревьев он гулял,
Спасаясь от загара.
Верёвку кто-то привязал
Там поперёк бульвара.
Скажу я вам — весёленькое дело! —
Явился к нам ещё больной:
Нос на боку, а сам измазан мелом:
Запнулся за верёвку он ногой.
Случилось это во дворе,
У самого порога,
Верёвкой там была
Перегорожена дорога.
А то ещё весёленький был случай:
Явился к нам больной, за ним другой,
Потом пошли больные целой кучей:

Запнулись за верёвку все ногой.
Народ по улице ходил,
Где было очень тесно,
А кто верёвку прикрепил,
Осталось неизвестно.
А то ещё — весёленькое дело! —
Вернулась из больницы я домой:
Весь нос в крови и в ссадинах всё тело —
Скатилась с лестницы вниз головой.
Мне кто-то мило удружил,
Придумав очень ловко,
И на ступеньку положил
Варёную морковку.
Признаюсь вам — весёленькое дело! —
Хорошеньких поступков не видать:
То нос в крови, то кирпичом задело,
А раньше были тишь да благодать!
Могли бы город мы вполне
Избавить от напасти,
Но это было б уж не
По медицинской части.

ПЕСЕНКА БЫВШЕГО ОСЛА БРЫКУНА

Какой-то вышел камуфлет!
Случилось нечто странное:
Я почему-то весь одет
Во что-то иностранное.
В ногах устойчивости нет:
На двух ногах хожу я.
Зачем-то мне дают котлет,
И сена не жую я.
Весь словно задом-наперёд!
Не знаю, чтоб то значило,
Что я, как будто бы урод,
Хожу, как раскоряченный.
Была ведь раньше морда — во!
А тут одно обличие.
Терпеть мне, братцы, каково
Такое неприличие?
Мне в этом, прямо вам скажу,
Немноговато радости.
Поэтому везде хожу
И делаю всем гадости.

ПЕСЕНКА БЫВШЕГО ОСЛА КАЛИГУЛЫ

Легко мне раньше было жить:
Ходил горизонтально.
Теперь я вынужден ходить
Зачем-то вертикально.
Кому-то вздумалось, друзья,
Так подшутить коварно,
Мне, может быть, совсем нельзя
Ходить перпен-перпен-перпен-пендикулярно!
Шагать нормально не могу
И целый час мозгую,
Когда поднять одну ногу
И опустить другую.
И мысль шевелится в мозгу
Какая-то туманная:
Зачем, понять я не могу,
Мне эта роскошь странная?
Я в раздражении большом
И весь дрожу от злости,
И хочется, чтоб все кругом
Себе сломали кости.

ПЕСЕНКА БЫВШЕГО ОСЛА ПЕГАСИКА

Раньше был ослом я, братцы,
Был бы рад им и остаться.

Йок! Йок! Йок!

Но теперь по чьей-то воле
Стал я вроде цапли, что ли.

Йок! Йок! Йок!

От мерзавцев нет спасенья,
Уж взялись за превращенья!

Йок! Йок! Йок!

Мне не нравится ни капли
Вид иметь двуногой цапли!

Йок! Йок! Йок!

Раньше мог гулять без скуки:
Было ног четыре штуки.

Йок! Йок! Йок!

А теперь — что за причина? —
Ног осталась половина.

Йок! Йок! Йок!

Раньше мог хвостом махать я,
Ловко мух им отгонять я.

Йок! Йок! Йок!

А теперь — какие муки! —
Просто одолели мухи!

Йок! Йок! Йок!

Если б не свершилось чудо,
Лучше стал бы я верблюдом.

Йок! Йок! Йок!

Все верблюды очень рады:
Им штанов носить не надо.

Йок! Йок! Йок!

Я же вопреки природе
Должен быть одет по моде.

Йок! Йок! Йок!

От одежды я потею,
Пот струится мне за шею.

Йок! Йок! Йок!

В пиджаке мне очень тесно,
Даже жить неинтересно!

Йок! Йок! Йок!

И простите за признание:

В людях что-то обезьянье.

Йок! Йок! Йок!

Взять пример с ослов могли бы,

Не носили пиджаки бы.

Йок! Йок! Йок!

ПЕСЕНКА ПРО КУЗНЕЧИКА

В траве сидел кузнечик,
Совсем как огуречик.
Зелёnenький он был,
Зелёnenький он был.
Он ел одну лишь травку,
Не трогал и козявку
И с мухами дружил,
И с мухами дружил.
Но вот пришла лягушка,
Прожорливое брюшко,
И съела кузнеца,
И съела кузнеца.
Не думал, не гадал он,
Никак не ожидал он
Такого вот конца,
Такого вот конца!

СТИХИ О ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Огромный шар, надутый паром,
Поднялся в воздух он не даром.
Наш коротышка хоть не птица,
Летать он всё-таки годится.
И всё доступно уж — эхма! —
Теперь для нашего ума!

ПЕСЕНКИ ВИНТИКА И ШПУНТИКА

Выходите по порядку,
Становитесь на зарядку.
Начинай с зарядки день,
Разгоняй движеньем лень.

Шёл я лесом, шёл я лугом
Со своим хорошим другом.
Мы взбирались на кочки,
Любовались на цветочки.
Вдруг с лягушкой повстречались
И скорей домой помчались.
Прибежали мы домой
И сказали «ой!».

ПРО КОМАРА

Я поймала комара,
Та-ра, та-ра, та-ра-ра!
Комаришку я люблю,
Тру-лю-люшки, тру-лю-лю!
Но комарик загрустил —
Жалко комаришку.
Нет, поймаю я себе
Лучше муравьишку.
Муравьишка тоже грустен,
Тоже любит погулять...
Хватит с ними мне возиться —
Надо книжку почитать.

ПЕСЕНКА ВОЛШЕБНИКА

Расскажу вам правду, дети:

Есть волшебники на свете.

Волшебники все разные,

Совсем разнообразные.

Они без дела не сидят

И сделать всё для вас спешат.

Надарят вам игрушек,

Пирожных и ватрушек,

Конфет, орехов, кренделей,

Щеглов, чижей и снегирей.

А между прочим, и синиц,

И, впрочем, прочих разных птиц.

Научат вас писать, читать,

Научат математике,

Чтоб вы потом могли летать

По всей метagalактике.

ПЕСЕНКА МИЛИЦИОНЕРА СВИСТУЛЬКИНА

Обязанность милиции — смотреть кругом,
Чтоб был везде порядочек, всегда, во всём,
На улицах скопления чтоб было не видать —
Скопление движению ведь может помешать.

И правила движения чтоб каждый соблюдал,
И грубых выражений никто не допускал,
Не мял траву, не рвал цветы, деревьев не рубил,
Зелёным насаждениям вреда не наносил.

Чтоб каждый за порядчком по мере сил следил,
Чтоб был всегда порядочным и вежливым был,
И чтоб без рассуждения милиции приказ
Исполнил каждый раз любой из вас.

НЕЗНАЙКА О СЕБЕ

Признаюсь, братцы, смело,
Какой-то я чудак!
Всё, что бы я ни делал,
Я делаю не так.

И что тут получается,
Никто не разберёт.
Всё всегда случается
Совсем наоборот.

Теперь скажу вам смело,
Чтоб получилось так,
Я должен буду делать
Всё как-нибудь не так.

Коль я не постараюсь,
Случится ерунда,
А если постараюсь,
Получится беда!

И чтобы не наделать
Какой-нибудь беды,
Мне надо будет делать
Побольше ерунды.

* * *

Если будете трудиться

И как следует учиться,

Будете все дружными,

Палочки волшебные

Будут вам ненужными.

Будете если работать без скуки,

Станут у всех вас волшебные руки...

И волшебные головы.

Будет очень здорово!

Рассказы

ВИНТИК, ШПУНТИК И ПЫЛЕСОС

Кто читал книгу «Приключения Незнайки», тот знает, что у Незнайки было много друзей, таких же, как он, маленьких человечков.

Среди них было два механика — Винтик и Шпунтик, которые очень любили мастерить разные вещи. Однажды они задумали соорудить пылесос для уборки помещения.

Сделали круглую металлическую коробку из двух половинок. В одной половинке поместили электромотор с вентилятором, к другой присоединили резиновую трубку, а между обеими половинками проложили кусок плотной материи, чтобы пыль в пылесосе задерживалась.

Трудились они целый день и целую ночь, и только наутро пылесос был готов.

Все ещё спали, но Винтику и Шпунтику очень хотелось проверить, как работает пылесос.

— Сначала почистим ковёр в спальне, — предложил Шпунтик.

Он включил пылесос, и пыль с ковра так и полетела в трубу. Поток воздуха был так силен, что в трубу засосало чулки Растеряйки, которые случайно валялись у него под кроватью.

Потом сдуло со стола ручные часы доктора Пилюлькина и тоже засосало в трубу. Винтик и Шпунтик ничего не заметили, так как им обоим очень хотелось спать.

Под столом стоял ящик с красками художника Тюбика. После того как Винтик почистил пыль под столом, количество красок в ящике значительно поубавилось.

— А теперь попробуем чистить одежду, — сказал Винтик и начал чистить пиджак Торопыжки. Пыль из пиджака так и полетела в трубу, а вместе с пылью и пуговицы.

Потом они стали чистить штанишки Пончика. А у Пончика в карманах всегда лежали конфеты. Пылесос был такой мощный, что даже конфеты повысасывал из карманов.

После этого они стали чистить курточку Знайки, и тут только Шпунтик заметил, что из кармана вытащило Знайкину вечную ручку. Он хотел прекратить работу, но Винтик сказал:

— Ничего, потом откроем пылесос и достанем.

— А теперь почистим диван, — предложил Шпунтик.

Они стали чистить диван. Гвозди из обшивки так и выскакивали и исчезали в трубе.

Обшивка постепенно разлезлась, пружины повыскакивали, спинка отвалилась, диван рассыпался на кусочки, и вся диванная начинка вместе с пружинами полетела в трубу.

Дело кончилось тем, что в трубе застряла диванная ножка и пылесос ничего больше не мог всасывать.

— Ну и ладно, — сказал Винтик. — Ляжем спать, а когда встанем, починим диван и вытащим из пылесоса все гвозди.

Друзья легли спать и моментально заснули.

В это утро первым проснулся Растеряйка и принялся искать чулки. Все стали над ним смеяться, потому что он вечно терял свои вещи.

Потом встал Ворчун и с удивлением обнаружил, что у него пропали брюки.

У Авоськи не осталось на одежде ни одной пуговицы. Он так и ходил, придерживая брюки руками, потому что без пуговиц они не могли держаться.

В общем, у каждого что-нибудь потерялось. Только у Незнайки ничего не пропало.

Торопыжка сказал:

— Это, наверно, Незнайка всё устроил. Почему у него ничего не пропало?

— Братцы, я не виноват! — кричал Незнайка. — У меня ничего не пропало, потому что я спал в одежде. Я вчера очень устал, и мне лень было раздеться.

Наконец Знайка обнаружил в углу комнаты какую-то загадочную машину с трубой, из которой торчала диванная ножка.

Знайка сейчас же понял, что это, без сомнения, дело рук Винтика и Шпунтика, и принялся будить их.

Винтик и Шпунтик встали. Они открыли пылесос и обнаружили в нём все пропавшие вещи.

— Мы слишком сильный мотор поставили, — сказал Шпунтик. — Надо уменьшить его мощность, и пылесос перестанет всасывать крупные вещи.

Сейчас же к пылесосу выстроилась длинная очередь. Каждый получал, что у него потерялось: Растеряйка — чулки, Авоська и Торопыжка — пуговицы, Ворчун — свои брюки.

А Незнайка сказал Винтику:

— Посмотри-ка, пожалуйста, нет ли в пылесосе моего свистка, который потерялся прошлым летом.

Все стали над Незнайкой смеяться. Но тут Винтик вдруг обнаружил среди прочих предметов и Незнайкин свисток.

Все удивились и никак не могли понять, как очутился в пылесосе свисток, который пропал в прошлом году. Ведь в прошлом году и пылесоса-то не было!

НАХОДЧИВОСТЬ

Мы с Вовкой сидели дома, за то что разбили сахарницу. Мама ушла, а к нам пришёл Котька и говорит:

— Давайте играть во что-нибудь.

— Давайте в прятки, — говорю я.

— У, да здесь и прятаться негде! — говорит Котька.

— Почему — негде? Я так спрячусь, что ты вовек не найдёшь. Надо только находчивость проявить.

— А ну-ка, спрячься. Найду в два счёта.

Котька пошёл в коридор и стал считать до двадцати пяти. Вовка побежал в комнату, а я в чулан. В чулане лежала рогожка. Я залез под неё и свернулся на полу комочком.

Вот Котька сосчитал до двадцати пяти и пошёл искать.

Вовку он сразу нашёл под кроватью и стал меня искать. Обыскал всю комнату и кухню. Зашёл в чулан, остановился возле меня и говорит:

— Тут кастрюли какие-то, стул сломанный, рогожка старая. Никого нет!

Потом вернулся в комнату и спрашивает:

— Где он? Ты не видал, Вовка?

— Может, в шкафу сидит? — говорит Вовка. — Ну-ка, открой шкаф... Нету!

— Может быть, в буфет забрался?.. Нету! Куда же он делся?

— Знаю! — закричал Вовка. — Он в сундуке!

— Правильно! Больше ему негде быть. Как мы раньше не догадались!

Они подбежали к сундуку и принялись открывать крышку, но она не открывалась.

— Закрыта, — говорит Котья.

— А может, он изнутри держит?

Они стали стучать по крышке и кричать:

— Вылезай!

— Давай перевернём сундук, — говорит Вовка. — Ну-ка, подхватывай с той стороны! Ра-а-а-зом!

Бух! Сундук перевернулся, даже пол задрожал.

— Нет, наверное, его там нету, — говорит Котья. — Не может же он вверх ногами сидеть!

— Должно быть, он в кухне под печкой, — ответил Вовка.

Они побежали на кухню и стали тыкать кочергой под печку:

— Вылезай! Теперь всё равно попался!

Я насилу удержался от смеха.

— Постой, — говорит Вовка. — Я, кажется, кого-то поймал.

— Ну-ка, тащи его!

— Сейчас, зацеплю кочергой только... Есть! Ну-ка, посмотрим, кто это... Тьфу! Старые валенки!.. Где же его искать?

— Не знаю. Я не играю больше. Выходи! — закричал Котька. — Игра окончена! Не хочешь, ну и сиди себе!

Они вернулись в комнату.

— Может быть, он в комоде? — спрашивает Вовка.

Послышался скрип.

— Ну что ты ищешь в комоде! Разве в ящике спрячешься? — рассердился Котька и пошёл в коридор.

— Почему не спрячешься? Надо проверить, — ответил Вовка.

Он долго скрипел ящиками и вдруг закричал:

— Котька, иди сюда!

— Нашёл? — отозвался Котька.

— Нет, я не могу вылезти.

— Откуда?

— Из комода. Я в комоде сижу.

— Зачем же ты залез в комод?

— Я хотел проверить, можно спрятаться в ящике или нет, а ящик перекосялся, и я не могу вылезть.

Тут я не выдержал и громко расхохотался. Котька услышал и бросился искать меня.

— Вытащи меня сначала! — взмолился Вовка.

— Да не кричи ты! Я не разберу, где это он смеётся.

— Вытащи меня! Мне здесь в ящике страшно!

Котька выдвинул ящик и помог Вовке выбраться. Они вместе побежали в чулан. Котька споткнулся об меня и упал.

— Ещё эту рогожку какой-то дурак здесь бросил! — закричал он и со злости как хватит меня ногой.

Я как заору! Вылез из-под рогожки:

— Ты чего дерёшься?

Он увидел меня и обрадовался:

— Ага! Попался! — и побежал в коридор. — Палочка-выручалочка! Тра-та-та!

Я говорю:

— Можешь не трататакать, я не играю больше. Это не игра, чтоб драться.

Прихожу в комнату... Батюшки! Всё разворочено. Шкафы открыты, из комода ящики вытащены, бельё на полу кучей, сундук вверх дном!

Пришлось нам целый час после этого убирать комнату.

ЗАМАЗКА

Однажды стекольщик замазывал на зиму рамы, а Костя и Шурик стояли рядом и смотрели. Когда стекольщик ушёл, они отковыряли от окон замазку и стали лепить из неё зверей. Только звери у них не получились. Тогда Костя слепил змею и говорит Шурику:

— Посмотри, что у меня получилось.

Шурик посмотрел и говорит:

— Ливерная колбаса.

Костя обиделся и спрятал замазку в карман. Потом они пошли в кино. Шурик всё беспокоился и спрашивал:

— Где замазка?

А Костя отвечал:

— Вот она, в кармане. Не съем я её!

В кино они взяли билеты и купили два мятных пряника. Вдруг зазвонил звонок. Костя бросился занимать место, а Шурик где-то застрял. Вот Костя занял два места. На одно сел сам, а на другое положил замазку. Вдруг пришёл незнакомый гражданин и сел на замазку.

Костя говорит:

— Это место занято, здесь Шурик сидит.

— Какой такой Шурик? Здесь я сижу, — сказал гражданин.

Тут прибежал Шурик и сел рядом с другой стороны.

— Где замазка? — спрашивает.

— Тише! — прошептал Костя и покосился на гражданина.

— Кто это? — спрашивает Шурик.

— Не знаю.

— Чего ж ты его боишься?

— Он на замазке сидит.

— Зачем же ты отдал ему?

— Я не давал, а он сел.

— Так забери!

Тут погас свет и началось кино.

— Дяденька, — сказал Костя, — отдайте замазку.

— Какую замазку?

— Которую мы из окна выковыряли.

— Из окна выковыряли?

— Ну да. Отдайте, дядя!

— Да я ведь не брал у вас!

— Мы знаем, что не брали. Вы сидите на ней.

— Сижу?!

— Ну да.

Гражданин подскочил на стуле.

— Чего ж ты раньше молчал, негодный?

— Так я ведь говорил вам, что место занято.

— Когда же ты говорил? Когда я сел уже!

— Откуда же я знал, что вы сядете?

Гражданин встал и принялся шарить на стуле.

— Ну, где же ваша замазка, злодеи? — проворчал он.

— Постойте, вот она! — сказал Костя.

— Где?

— Вот, на стуле размазалась. Мы сейчас счистим.

— Счищайте скорее, негодные! — кипятился гражданин.

— Садитесь! — кричали на них сзади.

— Не могу, — оправдывался гражданин. — У меня тут замазка.

Наконец ребята соскоблили замазку.

— Ну, теперь хорошо, — сказали они. — Садитесь.

Гражданин сел.

Стало тихо.

Костя уже хотел посмотреть кино, но тут слышался шёпот Шурика:

— Ты уже съел свой пряник?

— Нет ещё. А ты?

— Я тоже нет. Давай есть.

— Давай.

Послышалось чавканье. Костя вдруг плюнул и прохрипел:

— Послушай, у тебя пряник вкусный?

— Угу.

— А у меня невкусный. Мягкий какой-то. Наверное, растаял в кармане.

— А замазка где?

— Замазка вот, в кармане... Только постой! Это не замазка, а пряник. Тьфу! В темноте перепутал, понимаешь, замазку и пряник. Тьфу! То-то я гляжу, что она невкусная!

Костя со злости швырнул замазку на пол.

— Зачем же ты её бросил? — спросил Шурик.

— А на что мне она?

— Тебе не нужна, а мне нужна, — проворчал Шурик и полез под стул искать замазку. — Где же она? — сердился он. — Вот ищи теперь.

— Сейчас я найду, — сказал Костя и тоже исчез под стулом.

— Ай! — слышалось вдруг откуда-то снизу. — Дядя, пустите!

— Кто это там?

— Это я.

— Кто — я?

— Я, Костя. Пустите меня!

— Да я ведь не держу тебя.

— Вы мне на руку наступили!

— Чего ж ты полез под стул?

— Я замазку ищу.

Костя пролез под стулом и встретился с Шуриком нос к носу.

— Кто это? — испугался он.

— Это я, Шурик.

— А это я, Костя.

— Нашёл?

— Ничего не нашёл.

— И я не нашёл.

— Давай лучше кино смотреть, а то все пугаются, в лицо ногами тыкают, думают — собака.

Костя и Шурик пролезли под стульями и уселись на свои места.

Перед ними на экране мелькнула надпись: «Конец».

Публика бросилась к выходу. Ребята вышли на улицу.

— Что это за кино мы смотрели? — говорит Костя. — Я что-то ничего не разобрал.

— А я, думаешь, разобрал? — ответил Шурик. — Какая-то чепуха на постном масле. Показывают же такие картины!

ФАНТАЗЁРЫ

Мишутка и Стасик сидели в саду на скамеечке и разговаривали. Только они разговаривали не просто, как другие ребята, а рассказывали друг другу разные небылицы, будто пошли на спор, кто кого переверёт.

— Сколько тебе лет? — спрашивает Мишутка.

— Девяносто пять. А тебе?

— А мне сто сорок. Знаешь, — говорит Мишутка, — раньше я был большой-большой, как дядя Боря, а потом сделался маленький.

— А я, — говорит Стасик, — сначала был маленький, а потом вырос большой, а потом снова стал маленький, а теперь опять скоро буду большой.

— А я, когда был большой, всю реку мог переплыть, — говорит Мишутка.

— У! А я море мог переплыть!

— Подумаешь — море! Я океан переплывал!

— А я раньше летать умел!

— А ну, полети!

— Сейчас не могу: разучился.

— А я один раз купался в море, — говорит Мишутка, — и на меня напала акула. Я её бац кулаком, а она меня цап за голову — и откусила.

— Врёшь!

— Нет, правда!

— Почему же ты не умер?

— А зачем мне умирать? Я выплыл на берег и пошёл домой.

— Без головы?

— Конечно, без головы. Зачем мне голова?

— Как же ты шёл без головы?

— Так и шёл. Будто без головы ходить нельзя!

— Почему же ты теперь с головой?

— Другая выросла.

«Ловко придумал!» — позавидовал Стасик. Ему хотелось соврать получше Мишутки.

— Ну, это что! — сказал он. — Вот я раз был в Африке, и меня там крокодил съел!

— Вот так соврал! — рассмеялся Мишутка.

— Вовсе нет.

— Почему же ты теперь живой?

— Так он же меня потом выплюнул.

Мишутка задумался. Ему хотелось перевернуть Стасика. Он думал, думал, наконец говорит:

— Один раз я шёл по улице. Кругом трамваи, автомобили, грузовики...

— Знаю, знаю! — закричал Стасик. — Сейчас расскажешь, как тебя трамвай переехал. Ты уже врал про это.

— Ничего подобного. Я не про это.

— Ну ладно. Ври дальше.

— Вот я иду, никого не трогаю. Вдруг навстречу автобус. Я его не заметил, наступил ногой — рраз! — и раздавил в лепёшку.

— Ха-ха-ха! Вот это враки!

— А вот и не враки!

— Как же ты мог раздавить автобус?

— Так он же совсем маленький был, игрушечный. Его мальчишка на верёвочке тащил.

— Ну, это не удивительно, — сказал Стасик. — А я раз на Луну летал.

— Эва куда махнул! — засмеялся Мишутка.

— Не веришь? Честное слово!

— На чём же ты летал?

— На ракете. На чём ещё на Луну летают? Будто не знаешь сам!

— Что же ты там на Луне видел?

— Ну, что... — замялся Стасик. — Что я там видел? Ничего и не видел.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Мишутка. — А говорит, на Луну летал!

— Конечно, летал.

— Почему же ничего не видел?

— А темно было. Я ведь ночью летал. Во сне. Сел на ракету и как полечу в космическое пространство. У-у-у! А потом как полечу обратно... Летел, летел, а потом бряк о землю... ну и проснулся...

— А-а? — протянул Мишутка. — Так бы сразу и говорил. Я ведь не знал, что ты — во сне.

Тут пришёл соседский Игорь и сел рядом на скамеечке. Он слушал, слушал Мишутку и Стасика, потом говорит:

— Вот врут-то! И вам не стыдно?

— А чего стыдно? Мы же никого не обманываем, — сказал Стасик. — Просто выдумываем, будто сказки рассказываем.

— Сказки! — презрительно фыркнул Игорь. — Нашли занятие!

— А ты думаешь, легко выдумывать?

— Чего проще!

— Ну выдумай что-нибудь.

— Сейчас... — сказал Игорь. — Пожалуйста.

Мишутка и Стасик обрадовались и приготовились слушать.

— Сейчас, — повторил Игорь. — Э-э-э... гм... кхм... э-э-э...

— Ну, что ты всё «э» да «э»!

— Сейчас! Дайте подумать.

— Ну, думай, думай!

— Э-э-э, — снова сказал Игорь и посмотрел на небо. — Сейчас, сейчас... э-э-э...

— Ну, чего же ты не выдумываешь? Говорил — чего проще!

— Сейчас... Вот! Один раз я дразнил собаку, а она меня цап за ногу и укусила. Вот даже шрам остался.

— Ну и что же ты тут выдумал? — спросил Стасик.

— Ничего. Как было, так и рассказал.

— А говорил — выдумывать мастер!

— Я мастер, да не такой, как вы. Вот вы всё врётё, да без толку, а я вчера соврал, мне от этого польза.

— Какая польза?

— А вот. Вчера вечером мама и папа ушли, а мы с Ирой остались дома. Ира легла спать, а я залез в буфет и съел полбанки варенья. Потом думаю: как бы мне не попало. Взял Ирке губы вареньем намазал. Мама пришла: «Кто варенье съел?» Я говорю: «Ира». Мама посмотрела, а у неё все губы в варенье. Сегодня утром ей от мамы досталось, а мне мама ещё варенья дала. Вот и польза.

— Значит, из-за тебя другому досталось, а ты и рад! — сказал Мишутка.

— А тебе что?

— Мне ничего. А вот ты этот... как это называется... Брехун! Вот!

— Сами вы брехуны!

— Уходи! Не желаем с тобой на лавочке сидеть.

— Я и сам не стану с вами сидеть.

Игорь встал и ушёл. Мишутка и Стасик тоже пошли домой. По дороге им попалась палатка с мороженым. Они остановились, стали рыться в карманах и считать, сколько у них денег. У обоих набралось только на одну порцию мороженого.

Продавщица дала им мороженое на палочке.

— Пойдём домой, — говорит Мишутка, — разрежем ножом, чтоб было точно.

— Пойдём.

На лестнице они встретили Иру. Глаза у неё были заплаканные.

— Ты чего ревела? — спрашивает Мишутка.

— Меня мама гулять не пускала.

— За что?

— За варенье. А я его и не ела. Это Игорь на меня наговорил. Наверное, сам съел, а на меня свалил.

— Конечно, Игорь съел. Он сам нам хвастался. Ты не плачь. Пойдём, я тебе свою полпорцию мороженого дам, — сказал Мишутка.

— И я тебе свою полпорцию отдам, вот только попробую разочек и отдам, — пообещал Стасик.

— А вы разве не хотите сами?

— Не хотим. Мы уже по десять порций съели сегодня, — сказал Стасик.

— Давайте лучше это мороженое на троих разделим, — предложила Ира.

— Правильно! — сказал Стасик. — А то у тебя заболит горло, если ты одна всю порцию съешь.

Пошли они домой, разделили мороженое на три части.

— Вкусная штука! — сказал Мишутка. — Я очень люблю мороженое. Один раз я съел целое ведро мороженого.

— Ну, ты выдумываешь всё! — засмеялась Ира. — Кто тебе поверит, что ты ведро мороженого съел!

— Так оно ведь совсем маленькое было, вёдрышко! Такое бумажное, не больше стакана...

ЖИВАЯ ШЛЯПА

Шляпа лежала на комодѐ, котѐнок Васька сидѐл на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидѐли за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось — упало на пол. Они обернулись и увидѐли на полу возле комода шляпу.

Вовка подошѐл к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу — и вдруг как закричит:

— Ай-ай-ай! — и бегом в сторону.

— Чѐго ты? — спрашивает Вадик.

— Она жи-жи-живая!

— Кто живая?

— Шля-шля-шля-па.

— Что ты! Разве шляпы бывают живые?

— По-посмотри сам!

Вадик подошѐл поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

— Ай! — и прыг на диван.

Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на неѐ и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

— Ай! Ой! — закричали ребята.

Соскочили с дивана — и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

— Я у-у-хо-хо-жу! — говорит Вовка.

— Куда?

— Пойду к себе домой.

— Почему?

— Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

— А может быть, её кто-нибудь за верёвочку дёргает?

— Ну, пойди посмотри.

— Пойдём вместе. Я возьму кочергу. Если она к нам полезет, я её кочергой тресну.

— Постой, я тоже кочергу возьму.

— Да у нас другой кочерги нет.

— Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

— Где же она? — спрашивает Вадик.

— Вон там, возле стола.

— Сейчас я её как тресну кочергой! — говорит Вадик. — Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

— Ага, испугалась! — обрадовались ребята. — Боится лезть к нам.

— Сейчас я её спугну, — сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

— Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

— Давай наберём картошки и будем в неё картошкой стрелять, — предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять её в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

— Мяу! — закричало что-то.

Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котёнок выскочил.

— Васька! — обрадовались ребята.

— Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, — догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:

— Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил. Он только фыркал и жмурился от света.

НА ГОРКЕ

Целый день ребята трудились — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили её водой и побежали домой обедать.

— Вот пообедаем, — говорили они, — а горка пока замёрзнет. А после обеда мы придём с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шёл горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает, как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

— О, — говорит, — хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку — бух носом!

— Ого! — говорит. — Скользкая!

Поднялся на ноги и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

«Что делать?» — думает.

Думал, думал — и придумал:

«Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на неё».

Схватил он фанерку и покатил к дворницкой. Там — ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет всё выше и выше. Взобрался на самый верх.

— Вот теперь, — говорит, — скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках.

Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они. — Кто горку песком сыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет, — говорит Котька, — я не видал. Это я сам сыпал, потому что она была скользкая и я не мог на неё взобраться.

— Ах ты умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он — песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдёт, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдёт, а нам сегодня надо кататься.

— Ну, я не знаю, — говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

— Засыпай песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

— Вот теперь, — говорят, — замёрзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он ещё сбоку лопатой ступеньки проделал.

— Это, — говорит, — чтоб всем было легко взбираться, а то ещё кто-нибудь снова песком засыплет!

САША

Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами.

— Зачем тебе такой пистолет? — говорила мама. — Это опасная игрушка.

— Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами. Из него всё равно никого не убьёшь.

— Мало ли что может случиться. Пистон отскочит и попадёт тебе в глаз.

— Не попадёт! Я буду зажимуриваться, когда буду стрелять.

— Нет, нет, от этих пистолетов бывают разные неприятные случаи. Ещё выстрелишь да напугаешь кого-нибудь, — сказала мама.

Так и не купила ему пистолета.

А у Саши были две старшие сестры, Маринка и Ирочка. Вот он и стал просить сестёр:

— Миленькие, купите мне пистолетик! Мне очень хочется. За это я всегда буду вас слушаться.

— Ты, Сашка, хитренький! — сказала Марина. — Когда тебе надо, так ты подлизываешься и миленькими называешь, а как только мама уйдёт, с тобой и не сладишь.

— Нет, сладишь, сладишь! Вот увидите, как я буду вести себя хорошо.

— Ладно, — сказала Ира. — Мы с Мариной подумаем. Если обещаешь вести себя хорошо, то, может быть, купим.

— Обещаю, обещаю! Всё обещаю, только купите!

На другой день сёстры подарили ему пистолет и коробку с пистонами. Пистолет был новенький и блестящий, а пистонов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляй хоть весь день — не перестреляешь. От радости Саша прыгал по комнате, прижимал пистолет к груди, целовал его и говорил:

— Миленький мой, хорошенький пистолетик! Как я тебя люблю!

Потом он нацарапал на ручке пистолета своё имя

и начал стрелять. Сразу запахло пистонами, а через полчаса в комнате стало синё от дыма.

— Довольно тебе стрелять, — сказала наконец Ира. — Я каждый раз вздрагиваю от этих выстрелов.

— Трусиха! — ответил Сашка. — Все девчонки — трусихи!

— Вот отнимем у тебя пистолет, тогда узнаешь, какие мы трусихи, — сказала Марина.

— Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолетом, — заявил Сашка.

Он вышел во двор, но ребят во дворе не было. Тогда он побежал за ворота, и вот тут-то случилась эта история. Как раз в это время по улице шла старушка. Сашка подпустил её поближе — и как бабахнет из пистолета! Старушка вздрогнула и остановилась. Потом говорит:

— Уф, как я испугалась! Это ты тут из пистолета палишь?

— Нет, — сказал Сашка и спрятал пистолет за спину.

— Что же, я не вижу, что у тебя пистолет в руках? Ещё врать вздумал, бессовестный! Вот я пойду заявлю в милицию...

Она погрозила пальцем, перешла на другую сторону улицы и скрылась в переулке.

— Вот так штука! — испугался Саша. — Кажется, на самом деле пошла в милицию жаловаться.

Он, запыхавшись, прибежал домой.

— Чего ты запыхался, будто за тобой волк гонится? — спросила Ира.

— Это я так просто.

— Нет, ты уж лучше скажи. Сразу видно, что чего-нибудь натворил.

— Да ничего я не натворил — просто так... Напугал бабушку какую-то.

— Какую бабушку?

— Ну «какую, какую»! Обыкновенную. Просто шла по улице бабушка, а я взял да и выстрелил.

— Зачем же ты выстрелил?

— Сам не знаю. Идёт бабушка. «Дай, думаю, выстрелю». Ну и выстрелил.

— А она что?

— Ничего. Пошла в милицию жаловаться.

— Вот видишь, обещал вести себя хорошо, а сам что наделал!

— Я же не виноват, что бабушка попалась такая пугливая.

— Вот придёт милиционер, он тебе покажет бабушку! — пригрозила Ира. — Будешь знать, как людей пугать!

— А как он меня найдёт? Он ведь не знает, где я живу. Даже имени моего не знает.

— Найдёт, будь спокоен! Милиционеры всё знают.

Целый час Саша просидел дома и всё выглядывал в окно — не идёт ли милиционер. Но милиционера не было видно. Тогда он понемногу успокоился, развеселился и сказал:

— Наверно, бабушка меня просто попугать хотела, чтоб я не баловался.

Он решил снова пострелять из своего любимого пистолета и сунул руку в карман. В кармане лежала коробка с патронами, но пистолета не было. Он полез

в другой карман, но и там было пусто. Тогда он принялся искать по всей комнате. Смотрел и под столами, и под диваном. Пистолет исчез, будто провалился сквозь землю. Саше стало обидно до слёз.

— Не успел даже поиграть! — хныкал он. — Такой пистолетик был!

— Может быть, ты его во дворе потерял? — спросила Ира.

— Наверно, я его там, за воротами, выронил, — сообразил Саша.

Он открыл дверь и бросился через двор на улицу. За воротами пистолета не было.

«Ну, теперь его уже нашёл кто-нибудь и взял себе!» — с досадой подумал Саша и тут вдруг увидел, что из переулка напротив вышел милиционер и быстро зашагал через улицу, прямо к Сашиному дому.

«За мной идёт! Видно, бабка-таки нажаловалась!» — испугался Саша и стремглав побежал домой.

— Ну, нашёл? — спросили его Маринка и Ирочка.

— Тише! — прошипел Сашка. — Милиционер идёт!

— Куда?

— Сюда, к нам.

— Где ты его видел?

— На улице.

Марина и Ира стали над ним смеяться:

— Эх ты, трусишка! Увидел милиционера и испугался. Может быть, милиционер совсем в другое место идёт.

— Да я вовсе и не боюсь его! — стал храбриться Сашка. — Что мне милиционер! Подумаешь!

Тут за дверью слышались шаги, и вдруг зазвонил звонок. Маринка и Ира побежали открывать дверь. Сашка высунулся в коридор и зашипел:

— Не открывайте ему!

Но Марина уже отворила дверь. На пороге стоял милиционер. Блестящие пуговицы так и сверкали на нём. Сашка опустился на четвереньки и полез под диван.

— Скажите, девочки, где здесь шестая квартира? — слышался голос милиционера.

— Это не здесь, — ответила Ира. — Здесь первая, а шестая — это нужно выйти во двор, а там дверь направо.

— Во дворе, дверь направо? — повторил милиционер.

— Ну да.

Саша понял, что милиционер вовсе не за ним пришёл, и он уже хотел вылезти из-под дивана, но тут милиционер спросил:

— Кстати, не у вас тут живёт мальчик Саша?

— У нас, — ответила Ира.

— А вот он-то мне как раз нужен, — сказал милиционер и вошёл в комнату.

Марина и Ира вошли вместе с милиционером в комнату и увидели, что Сашка куда-то исчез. Марина даже заглянула под диван. Сашка увидел её и молча погрозил ей из-под дивана кулаком, чтобы она не выдавала его.

— Ну, где же ваш Саша? — спросил милиционер.

Девочки очень испугались за Сашу и не знали, что отвечать. Наконец Марина сказала:

— А его, понимаете, дома нет. Он, понимаете, гулять ушёл.

— А что вы про него знаете? — спросила милиционера Ира.

— Что же я знаю! — ответил милиционер. — Знаю, что зовут его Саша. Ещё знаю, что у него был новенький пистолет, а теперь у него этого пистолета нету.

«Всё знает!» — подумал Сашка.

От страха у него даже зачесалось в носу, и он как чихнёт под диваном: «Апчхи!»

— Кто это там? — удивился милиционер.

— А это у нас... Это у нас собака, — соврала Маринка.

— Чего же она под диван забралась?

— А она у нас всегда под диваном спит, — продолжала сочинять Марина.

— Как же её зовут?

— Э... Бобик, — выдумала Маринка и покраснела, как свёкла.

— Бобик! Бобик! Фью! — засвистел милиционер. — Почему же она не хочет вылезать? Фью! Фью! Ишь ты, не хочет. А собака хорошая? Какой породы?

— Э... — протянула Маринка. — Э-э... — Она никак не могла вспомнить, какие бывают породы собак. — Порода эта вот... — сказала она. — Как её?.. Хорошая порода... Длинношёрстный фокстерьер!

— О, это замечательная собака! — обрадовался милиционер. — Я знаю. У неё такая волосатая морда.

Он нагнулся и посмотрел под диван. Саша лежал ни жив ни мёртв и во все глаза глядел на милиционера. Милиционер даже свистнул от изумления:

— Так вот тут какой фокстерьер! Ты чего под диван забрался, а? Ну-ка, вылезай, теперь всё равно попался!

— Не вылезу! — заревел Саша.

— Почему?

— Вы меня в милицию заберёте.

— За что?

— За старушку.

— За какую старушку?

— За которую я выстрелил, а она испугалась.

— Не пойму, про какую он тут старушку толкует? — сказал милиционер.

— Он на улице из пистолета стрелял, а мимо шла бабушка и испугалась, — объяснила Ира.

— Ах, вот что! Значит, это его пистолет? — спросил милиционер и достал из кармана новенький, блестящий пистолет.

— Его, его! — обрадовалась Ира. — Это мы с Мариной ему подарили, а он потерял. Где вы его нашли?

— Да вот тут, во дворе, у вашей двери... Ну, признавайся, зачем напугал бабушку? — спросил милиционер и нагнулся к Саше.

— Я нечаянно... — ответил Саша из-под дивана.

— Неправда! По глазам вижу, что неправда. Вот скажи правду — отдам пистолет обратно.

— А что мне будет, если я скажу правду?

— Ничего не будет. Отдам пистолет — и всё.

— А в милицию не заберёте?

— Нет.

— Я не хотел напугать бабушку. Я только хотел по-пробовать, испугается она или нет.

— А вот это, братец, нехорошо! За это тебя следовало бы забрать в милицию, да ничего не поделаешь: раз я обещал не забирать — значит, должен исполнить. Только смотри, если ещё раз набедокуришь — обязательно заберу. Ну, вылезай из-под дивана и получай пистолет.

— Нет, я лучше потом вылезу, когда вы уйдёте.

— Вот чудной какой! — усмехнулся милиционер. — Ну, я ухожу.

Он положил пистолет на диван и ушёл. Маринка побежала показать милиционеру шестую квартиру. Саша вылез из-под дивана, увидел свой пистолет и закричал:

— Вот он, мой голубчик! Снова вернулся ко мне! — Он схватил пистолет и сказал: — Не понимаю только, как это милиционер моё имя узнал!

— Ты ведь сам написал своё имя на пистолете, — сказала Ира.

Тут вернулась Марина и набросилась на Сашу:

— Ах ты чучело! Из-за тебя мне пришлось милиционеру врать! От стыда я чуть не сгорела! Вот натвори ещё чего-нибудь, ни за что не стану тебя выгораживать!

— А я и не буду больше ничего творить, — сказал Саша. — Сам теперь знаю, что не нужно людей пугать.

МЕТРО

Мы с мамой и Вовкой были в гостях у тёти Оли в Москве. В первый же день мама и тётя ушли в магазин, а нас с Вовкой оставили дома. Дали нам старый альбом с фотографиями, чтоб мы рассматривали. Ну, мы рассматривали, рассматривали, пока нам это не надоело.

Вовка сказал:

— Мы так и Москву не увидим, если будем целый день дома сидеть!

Стали в окно глядеть. Напротив — станция метро.

Я говорю:

— Пойдём на метро покатаемся.

Пришли мы на станцию, взяли билеты и поехали под землёй. Сначала показалось страшно, а потом ничего, интересно. Проехали две остановки, вылезли.

«Осмотрим, — думаем, — станцию — и назад».

Стали осматривать станцию, а там лестница движется. Люди по ней вверх и вниз едут. Стали и мы кататься: вверх и вниз, вверх и вниз... Ходить совсем не надо, лестница сама возит.

Накатались по лестнице, сели на поезд и поехали обратно. Слезли через две остановки, смотрим — не наша станция!

— Наверно, мы не в ту сторону поехали, — говорит Вовка.

Сели мы на другой поезд, поехали в обратную сторону. Приезжаем — опять не наша станция! Тут мы испугались.

— Надо спросить кого-нибудь, — говорит Вовка.

— А как же ты спросишь? Ты знаешь, на какой станции мы садились?

— Нет. А ты?

— Я тоже не знаю.

— Давай ездить по всем станциям, может, отыщем как-нибудь, — говорит Вовка.

Стали мы ездить по станциям. Ездили, ездили, даже голова закружилась.

Вовка стал хныкать:

— Пойдём отсюда!

— Куда ж мы пойдём?

— Всё равно куда! Я наверх хочу.

— А что тебе наверху делать?

— Не хочу под землёй!

И начал реветь.

— Не надо, — говорю, — плакать. В милицию заберут.

— Пусть забирают! Э-э-э!..

— Ну, пойдём, пойдём, — говорю. — Не реви только. Вон милиционер уже смотрит на нас!

Схватил его за руку — и скорей на лестницу. Поехали вверх. «Куда же нас вывезет? — думаю. — Что теперь с нами будет?»

Вдруг смотрим — навстречу нам мама с тётей Олей по другой лестнице едут. Я как закричу:

— Мама!

Они увидели нас и кричат:

— Что вы здесь делаете?

А мы кричим:

— Мы никак выбраться отсюда не можем!

Больше ничего крикнуть не успели: нас лестница вверх утащила, а их вниз. Приехали мы наверх —

и скорей по другой лестнице вниз, за ними вдогонку. Вдруг смотрим — а они снова навстречу едут! Увидели нас и кричат:

— Куда же вы? Почему нас не подождали?

— А мы за вами поехали!

Приезжаем вниз. Я говорю Вовке:

— Подождём. Они сейчас к нам приедут.

Ждали мы, ждали, а их всё нет и нет.

— Наверно, они нас ждут, — говорит Вовка. — По-едем.

Только поехали, а они снова навстречу.

— Мы вас ждали, ждали!.. — кричат.

А вокруг все хохочут.

Приехали мы снова наверх — и опять поскорей вниз. Поймали наконец их. Мама начала бранить нас за то, что ушли без спросу, а мы стали рассказывать, как потеряли станцию.

Тётя говорит:

— Не понимаю, как это вы потеряли станцию! Я тут каждый день езжу, а ещё ни разу станцию не потеряла. Ну, поедем домой.

Сели мы на поезд. Поехали.

— Эх вы, пошехонцы! — говорит тётя. — Искали рукавицы, а они за поясом. В трёх соснах заблудились. Потеряли станцию!

И вот так всю дорогу смеялась над нами.

Приезжаем на станцию, тётя посмотрела вокруг и говорит:

— Тьфу! Совсем вы меня запутали! Нам на Арбат надо, а мы на Курский вокзал приехали. Не в ту сторону сели.

Пересели мы на другой поезд и поехали обратно. И тётя больше уже не смеялась над нами. И пошехонцами не называла.

ПРЯТКИ

Витя и Славик — соседи. Они всегда ходят друг к другу в гости. Вот раз Витя пришёл в гости к Славику. Славик ему говорит:

— Давай играть в прятки!

— Давай, — согласился Витя. — Чур, я первый буду прятаться!

— Ну ладно, а я буду водить, — сказал Славик и пошёл в коридор.

Витя побежал в комнату, залез под кровать и кричит:

— Готово!

Славик пришёл, заглянул под кровать и сразу нашёл его. Витя вылез из-под кровати и говорит:

— Это неправильно! Я плохо спрятался! Если бы я хорошо спрятался, ты не нашёл бы меня. Я перепрыгнусь.

— Ну, пожалуйста, перепрыгивайся, — согласился Славик и снова пошёл в коридор.

Витя побежал во двор и стал искать, где бы спрятаться. Смотрит — возле сарая собачья конура стоит, а в ней Бобик сидит. Он поскорей выгнал из конуры Бобика, сам залез на его место и снова кричит:

— Готово!

Славик вышел во двор и стал искать Витю. Искал, искал, никак не может найти.

А Вите надоело в конуре сидеть, он и начал выглядывать из неё. Тут Славик увидел его и закричал:

— А, вот ты куда забрался! Вылезай!

Витя вылез из конуры и говорит:

— Это неправильно! Это не ты меня нашёл. Я сам выглянул.

— Зачем же ты выглянул?

— Мне надоело в конуре скрюченным сидеть. Если б я не был скрюченный, ты не нашёл бы меня. Я перепрячусь.

— Нет, теперь уж моя очередь прятаться, — говорит Славик.

— Ну, тогда я совсем не буду играть! — обиделся Витя.

— Ладно, перепрятывайся, раз ты такой, — согласился Славик.

Витя побежал в комнату, закрыл дверь, а сам забрался за вешалку и спрятался под пальто. Славик снова пошёл его искать. Он открыл дверь, а Бобик шмыгнул в неё, подбежал прямо к вешалке и стал ласкаться к Вите. Витя рассердился и начал отталкивать Бобика ногой. Славик увидел и закричал:

— А, вот ты где! За вешалкой! Вылезай!

Витя вылез и говорит:

— Это неправильно! Ты меня не нашёл! Это Бобик меня нашёл. Я перепрячусь.

— Что же это такое? — говорит Славик. — Ты всё время прячешься, а я каждый раз должен искать.

— Вот найди меня ещё раз, тогда ты будешь прятаться, — сказал Витя.

Славик снова зажмурил глаза, а Витя побежал на кухню, вытащил из посудного шкафчика всю посуду, сам залез в шкафчик и кричит:

— Готово!

Славик пошёл на кухню, видит — из шкафчика вся посуда вытащена, и сразу догадался, где Витя. Он потихоньку подкрался к шкафу, запер его на крючок, а сам побежал во двор и стал играть с Бобиком в прятки. Спрячется, а Бобик его ищет.

«Вот хорошо! — думает Славик. — С Бобиком гораздо лучше играть, чем с Витей».

А Витя сидел в шкафчике, сидел, ему и надоело. Он хотел вылезти, а дверца не открывается. Он испугался и давай кричать:

— Славик! Славик!

Славик услышал и прибежал.

— Выпусти меня отсюда! — закричал Витя. — Дверца почему-то не открывается.

— А будешь меня искать, тогда выпущу.

— Зачем же мне тебя искать, раз ты не нашёл меня.

— Я ведь нашёл.

— Это не ты меня нашёл! Я сам закричал. Если б я не закричал, ты не нашёл бы!

— Ну и сиди себе в шкафчике, а я пойду гулять, — говорит Славик.

— Не имеешь права! — закричал Витя. — Это не товарищески!

— А разве по-товарищески — заставлять меня всё время искать?

— По-товарищески.

— Ну, тогда сиди в шкафу до самого вечера.

— Ладно, буду теперь тебя искать, только выпусти, — стал просить Витя.

Славик откинул крючок. Витя вылез из шкафа, увидел крючок и говорит:

— Это ты нарочно запер меня? Не буду за это тебя искать!

— И не надо, — говорит Славик. — Я лучше с Бобиком буду играть.

— А разве Бобик умеет искать?

— Ого! Ещё даже лучше тебя!

— Ну, давай тогда вместе от Бобика прятаться.

Витя и Славик пошли во двор и стали прятаться от Бобика. Бобик хорошо умел в прятки играть, только глаза замуривать не умел.

СТУПЕНЬКИ

Однажды Петя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошёл он до своего дома, а его младшая сестра Валя уже дожидается у ворот.

— А я уже считать умею! — похвастался Петя. — В детском саду научился. Вот смотри, как я сейчас все ступеньки на лестнице сосчитаю.

Стали они подниматься по лестнице, а Петя громко ступеньки считает:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Ну, чего ж ты остановился? — спрашивает Валя.

— погоди, я забыл, какая дальше ступенька. Я сейчас вспомню.

— Ну вспоминай, — говорит Валя.

Стояли они на лестнице, стояли. Петя говорит:

— Нет, я так не могу вспомнить. Ну-ка, лучше начнём сначала.

Сошли они с лестницы вниз. Стали снова вверх подниматься.

— Одна, — говорит Петя, — две, три, четыре, пять...

И снова остановился.

— Опять забыл? — спрашивает Валя.

— Забыл! Как же это! Только что помнил и вдруг забыл! Ну-ка, ещё попробуем.

Снова спустились с лестницы, и Петя начал сначала:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Может быть, двадцать пять? — спрашивает Валя.

— Да нет! Только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придётся опять сначала.

— Не хочу я сначала! — говорит Валя. — Что это такое? То вверх, то вниз, то вверх, то вниз! У меня уже ноги болят.

— Не хочешь — не надо, — ответил Петя. — А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Валя пошла домой и говорит маме:

— Мама, там Петя на лестнице ступеньки считает: одна, две, три, четыре, пять, а дальше не помнит.

— А дальше шесть, — сказала мама.

Валя побежала обратно к лестнице, а Петя всё ступеньки считает:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Шесть! — шепчет Валя. — Шесть! Шесть!

— Шесть! — обрадовался Петя и пошёл дальше. — Семь, восемь, девять, десять.

Хорошо, что лестница кончилась, а то бы он так и не дошёл до дому, потому что научился только до десяти считать.

КАРАСИК

Мама недавно подарила Виталику аквариум с рыбкой. Очень хорошая была рыбка, красивая! Серебристый карасик — вот как она называлась. Виталик был рад, что у него есть карасик. Первое время он очень интересовался рыбкой — кормил её, менял воду в аквариуме, а потом привык к ней и иногда даже забывал её вовремя покормить.

А ещё у Виталика был котёнок Мурзик. Он был серый, пушистый, а глаза у него были большие зелёные. Мурзик очень любил смотреть на рыбку. По целым часам он сидел возле аквариума и не сводил глаз с карасика.

— Ты смотри за Мурзиком, — говорила Виталику мама. — Как бы он не съел твоего карася.

— Не съест, — отвечал Виталик. — Я буду смотреть.

Однажды, когда мамы не было дома, к Виталику

пришёл его друг Серёжа. Он увидел в аквариуме рыбку и сказал:

— Давай меняться. Ты дай мне карасика, а я, если хочешь, дам тебе свой свисток.

— Зачем мне свисток? — сказал Виталик. — По-моему, рыбка лучше свистка.

— Чем же она лучше? Свисток свистеть может. А рыбка что? Разве может рыбка свистеть?

— Зачем же рыбке свистеть? — ответил Виталик. — Рыбка свистеть не может, зато она плавает. А свисток разве может плавать?

— Сказал! — засмеялся Серёжа. — Где это видано, чтобы свистки плавали! Зато рыбку может кот съесть, вот и не будет у тебя ни свистка, ни рыбки. А свисток кот не съест — он железный.

— Мне мама не позволяет меняться. Она говорит, что сама купит, если мне что-нибудь надо, — сказал Виталик.

— Где же она купит такой свисток? — ответил Серёжа. — Такие свистки не продаются. Это настоящий милиционерский свисток. Я как выйду во двор да как засвищу, сразу все подумают, что милиционер пришёл.

Серёжа вынул из кармана свисток и засвистел.

— А ну, дай я, — попросил Виталик.

Он взял свисток и подул в него. Свисток звонко, переливчато засвистел. Виталику очень понравилось, как он свистит. Ему захотелось иметь свисток, но он не мог сразу решиться и сказал:

— А где у тебя будет жить рыбка? У тебя ведь аквариума нет.

— А я посажу её в банку из-под варенья. У нас большая банка есть.

— Ну ладно, — согласился Виталик.

Ребята принялись ловить рыбку в аквариуме, но карась плавал быстро и не давался в руки.

Они набрызгали вокруг водой, а Серёжа измочил рукава до самых локтей. Наконец ему удалось схватить карасика.

— Есть! — закричал он. — Давай сюда какую-нибудь кружку с водой! Я посажу туда рыбку.

Виталик поскорей налил в кружку воды. Серёжа посадил карася в кружку. Ребята пошли к Серёже — сажать рыбку в банку. Банка оказалась не очень большая, и карасику в ней было не так просторно, как в аквариуме. Ребята долго смотрели, как карасик плавает в банке. Серёжа радовался, а Виталику было жалко, что теперь у него не будет рыбки, а главное, он боялся признаться маме, что променял карасика на свисток.

«Ну ничего, может быть, мама и не заметит сразу, что рыбка пропала», — подумал Виталик и пошёл домой.

Когда он вернулся, мама уже была дома.

— Где же твоя рыбка? — спросила она.

Виталик растерялся и не знал, что сказать.

— Может быть, её Мурзик съел? — спросила мама.

— Не знаю, — пробормотал Виталик.

— Вот видишь, — сказала мама. — Он выбрал-таки время, когда дома никого не было, и выловил из аквариума рыбку! Где он, разбойник? Ну-ка, найди мне его сейчас!

— Мурзик! Мурзик! — стал звать Виталик, но кота нигде не было.

— Наверно, в форточку убежал, — сказала мама. — Пойди-ка во двор, позови его.

Виталик надел пальто и вышел во двор.

«Вот как нехорошо получилось! — думал он. — Теперь Мурзику из-за меня достанется».

Он хотел вернуться домой и сказать, что Мурзика во дворе нет, но тут Мурзик выскочил из отдушины, которая была под домом, и быстро побежал к двери.

— Мурзинька, не ходи домой, — сказал Виталик. — Тебе попадёт от мамы.

Мурзик замурлыкал, принялся тереться спинкой об ноги Виталика, потом поглядел на закрытую дверь и потихоньку мяукнул.

— Не понимаешь, глупый, — сказал Виталик. — Тебе ведь человеческим языком говорят, что нельзя домой.

Но Мурзик, конечно, ничего не понимал. Он ласкался к Виталику, тёрся об него боками и потихоньку бодал его головой, будто торопил поскорей открыть дверь. Виталик стал отталкивать его от двери, но Мурзик не хотел уходить. Тогда Виталик спрятался от него за дверь.

— Мяу! — закричал Мурзик под дверью.

Виталик поскорей вышел обратно:

— Тише! Кричит тут! Вот мама услышит, тогда узнаешь!

Он схватил Мурзика и принялся запихивать его обратно в отдушину под домом, из которой Мурзик

только что вылез. Мурзик упирался всеми четырьмя лапами и не хотел лезть в отдушину.

— Лезь, глупый! — уговаривал его Виталик. — Посиди там пока.

Наконец он его целиком запихал в отдушину. Только хвост Мурзика остался торчать снаружи. Некоторое время Мурзик сердито вертел хвостом, потом и хвост скрылся в отдушине. Виталик обрадовался. Он думал, что котёнок останется теперь сидеть в подвале, но тут Мурзик снова выглянул из дыры.

— Ну, куда же ты лезешь, глупая голова! — зашипел Виталик и загородил выход руками. — Говорят же тебе: нельзя домой идти.

— Мяу! — закричал Мурзик.

— Вот тебе и «мяу»! — передразнил его Виталик. — Ну что мне теперь делать с тобой?

Он стал оглядываться вокруг и искать, чем бы закрыть дыру. Рядом лежал кирпич. Виталик поднял его и закрыл дыру кирпичом.

— Вот теперь не вылезешь, — сказал он. — Посиди там, в подвале, а завтра мама забудет про рыбку, и я тебя выпущу.

Виталик вернулся домой и сказал, что Мурзика во дворе нет.

— Ничего, — сказала мама, — вернётся. Я всё равно не прощу ему этого.

За обедом Виталик сидел грустный и даже не хотел ничего есть.

«Я вот обедаю, — думал он, — а Мурзик бедный в подвале сидит».

Когда мама вышла из-за стола, он незаметно сунул

в карман котлету и пошёл во двор. Там он отодвинул кирпич, которым была закрыта отдушина, и потихоньку позвал:

— Мурзик! Мурзик!

Но Мурзик не отзывался. Виталик нагнулся и заглянул в дыру. В подвале было темно и ничего не было видно.

— Мурзик! Мурзинька! — звал Виталик. — Я тебе котлету принёс!

Мурзик не вылезал.

— Не хочешь — ну и сиди, глупая голова! — сказал Виталик и вернулся домой.

Дома без Мурзика ему было скучно. На душе было как-то нехорошо, потому что он обманул маму. Мама заметила, что он грустный, и сказала:

— Не горюй! Я тебе другую рыбку куплю.

— Не надо, — сказал Виталик.

Он уже хотел признаться маме во всём, но у него не хватило смелости, и он ничего не сказал. Тут за окном послышался шорох и раздался крик:

— Мяу!

Виталик посмотрел в окно и увидел снаружи на подоконнике Мурзика. Видно, он вылез из подвала через другую дырку.

— А! Пришёл наконец, разбойник! — сказала мама. — Иди-ка сюда, иди!

Мурзик прыгнул в открытую форточку и очутился в комнате. Мама хотела схватить его, но он, видно, догадался, что его хотят наказать, и шмыгнул под стол.

— Ишь ты, хитрец какой! — сказала мама. — Чувствует, что виноват. Ну-ка, поймай его.

Виталик полез под стол. Мурзик увидел его и юркнул

под диван. Виталик был рад, что Мурзик удрал от него. Он полез под диван и нарочно старался шуметь, чтобы Мурзик услышал и успел убежать. Мурзик выскочил из-под дивана. Виталик погнался за ним и принялся бегать по всей комнате.

— Что ты такой шум поднял? Разве его так поймаешь! — сказала мама.

Тут Мурзик прыгнул на подоконник, где стоял аквариум, и хотел выскочить обратно в форточку, но сорвался и с размаху как плюхнется в аквариум! Вода так и брызнула в разные стороны. Мурзик выскочил из аквариума и давай отряхиваться. Тут мама и схватила его за шиворот:

— Вот я тебя проучу как следует!

— Мамочка, миленькая, не бей Мурзика! — заплакал Виталик.

— Нечего его жалеть, — сказала мама. — Он ведь не пожалел рыбку!

— Мамочка, он не виноват!

— Как же «не виноват»? А кто карася съел?

— Это не он.

— А кто же?

— Это я...

— Ты съел? — удивилась мама.

— Нет, я не съел. Я его на свисток променял.

— На какой свисток?

— Вот на этот.

Виталик вынул из кармана свисток и показал маме.

— Как же тебе не стыдно? — сказала мама.

— Я нечаянно. Серёжа сказал: «Давай меняться», я и поменялся.

— Я не о том говорю! Я говорю, почему ты не сказал правду? Я ведь на Мурзика подумала. Разве честно на других сваливать?

— Я боялся, что ты станешь бранить меня.

— Это только трусы боятся говорить правду! Хорошо было бы, если б я наказала Мурзика?

— Я больше не буду.

— Ну смотри! Только потому прощаю, что ты всё-таки сам признался, — сказала мама.

Виталик взял Мурзика и понёс к батарее сушиться. Он посадил его на скамеечке и сел рядом с ним. Мокрая шерсть на Мурзике торчала в разные стороны, как иголки у ёжика, и от этого Мурзик казался таким худым-худым, будто целую неделю совсем ничего не ел. Виталик вынул из кармана котлету и положил перед Мурзиком. Мурзик съел котлету, потом забрался на колени к Виталику, свернулся калачиком и замурлыкал свою песенку.

ЗАТЕЙНИКИ

Мы с Валею затейники. Мы всегда затеваем какие-нибудь игры.

Один раз мы читали сказку «Три поросёнка». А потом стали играть. Сначала мы бегали по комнате, прыгали и кричали:

— Нам не страшен серый волк!

Потом мама ушла в магазин, а Валя сказала:

— Давай, Петя, сделаем себе домик, как у тех поросят, что в сказке.

Мы стащили с кровати одеяло и повесили им стол. Вот и получился дом. Мы залезли в него, а там темно-темно!

Валя говорит:

— Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим, а если серый волк придёт, мы его прогоним.

Я говорю:

— Жалко, что у нас в домике нет окон, очень темно!

— Ничего, — говорит Валя. — У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

— А ты меня видишь?

— Нет. А ты меня?

— И я, — говорю, — нет. Я даже себя не вижу.

Вдруг меня кто-то как схватит за ногу! Я как закричу! Выскочил из-под стола, а Валя за мной.

— Чего ты? — спрашивает.

— Меня, — говорю, — кто-то схватил за ногу. Может быть, серый волк?

Валя испугалась и бегом из комнаты. Я — за ней. Выбежали в коридор и дверь захлопнули.

— Давай, — говорю, — дверь держать, чтобы он не открыл.

Держали мы дверь, держали.

Валя и говорит:

— Может быть, там никого нет?

Я говорю:

— А кто же тогда меня за ногу трогал?

— Это я, — говорит Валя, — я хотела узнать, где ты.

— Чего же ты раньше не сказала?

— Я, — говорит, — испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти всё-таки боимся: вдруг из-под него серый волк вылезет!

Я говорю:

— Пойди сними одеяло.

А Валя говорит:

— Нет, ты пойди!

Я говорю:

— Там же никого нет.

— А может быть, есть!

Я подкрался на цыпочках к столу, дёрнул за край одеяла и бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались. Хотели починить домик, только Валя говорит:

— Вдруг опять кто-нибудь за ногу схватит!

Так и не стали больше в «три поросёнка» играть.

ЛЕДЕНЕЦ

Мама уходила из дому и сказала Мише:

— Я ухожу, Мишенька, а ты води себя хорошо. Не шали без меня и ничего не трогай. За это подарю тебе большой красный леденец.

Мама ушла. Миша сначала вёл себя хорошо: не шалил и ничего не трогал. Потом он только подставил к буфету стул, залез на него и открыл у буфета дверцы. Стоит и смотрит в буфет, а сам думает:

«Я ведь ничего не трогаю, только смотрю».

А в буфете стояла сахарница. Он взял её и поставил на стол.

«Я только посмотрю, а ничего трогать не буду», — думает.

Открыл крышку, видит — там что-то красное сверху.

— Э, — говорит Миша, — да это ведь леденец! Наверно, как раз тот самый, который мне обещала мама.

Он запустил в сахарницу руку и вытащил леденец.

— Ого, — говорит, — большущий! И сладкий, должно быть.

Миша лизнул его и думает:

«Пососу немножко и положу обратно».

И стал сосать. Пососёт, пососёт и посмотрит, много ли ещё осталось. И всё ему кажется — много. Наконец леденец стал совсем маленький, со спичку. Тогда Мишенька положил его обратно в сахарницу. Стоит, пальцы облизывает, смотрит на леденец, а сам думает:

«Съем я его совсем. Всё равно мне мама отдаст. Ведь я хорошо себя веду, не шалю и ничего такого не делаю».

Миша достал леденец, сунул в рот, а сахарницу хотел на место поставить. Взял её, а она прилипла к рукам — и бух на пол. Разбилась на две половинки. Сахар рассыпался.

Мишенька испугался:

«Что теперь мама скажет?»

Взял он две половинки и прислонил друг к дружке.

Они ничего, держатся. Даже незаметно, что сахарница разбита. Он сложил сахар обратно, накрыл крышкой и осторожно поставил в буфет.

Наконец мама приходит:

— Ну, как ты себя вёл?

— Хорошо.

— Вот умница! Получай леденец.

Мама открыла буфет, взяла сахарницу... Ах!.. Сахарница развалилась, сахар посыпался на пол.

— Что ж это такое? Кто сахарницу разбил?

— Это не я. Это она сама...

— Ах, сама разбилась! Ну, это понятно. А леденец-то куда девался?

— Леденец... Леденец... Я его съел. Я себя вёл хорошо, ну и съел его. Вот...

ПРО РЕПКУ

Вот и весна пришла. На небе засияло яркое солнышко. Стало тепло на дворе, даже не нужно было пальто надевать — совсем как летом. Из-под земли вылезла зелёная травка. Молодые липки на улице ещё вчера стояли совсем-совсем голые, а сегодня они в один день покрылись маленькими листочками, такими мягкими, нежными. Очень радостно было смотреть на них! В этот день Павлик пришёл из детского сада домой и сказал маме:

— Мама, скоро мы поедem с детским садом на дачу! Нам Ольга Николаевна сказала. Через неделю.

— Вот и хорошо, — сказала мама. — Будешь там отдыхать, на даче.

— А я и не устал вовсе, — ответил Павлик. — Зачем же мне отдыхать? Лучше я буду что-нибудь делать.

— Ну, будешь собирать в лесу ягоды и грибы. Будешь ловить в поле бабочек. Хочешь, я куплю тебе сачок для бабочек?

Павлик задумался:

— Лучше купи мне лопату, чтобы землю копать. Я буду огород сажать.

— Хорошо, — сказала мама и купила ему лопатку.

На другой день Павлик принёс лопатку в детский сад и всем показывал:

— Смотрите, какая у меня лопата есть! Я буду огород сажать.

Дети окружили его и стали смеяться:

— Разве ребята сажают огород? У тебя всё равно ничего не вырастет.

— Почему не вырастет? Вырастет! — сказал Павлик.

— Нет, не вырастет! Нет, не вырастет!

Ну и крик тут поднялся! Ребят было много, и все так громко кричали. Разве мог Павлик перекричать всех? От обиды он чуть не заплакал.

— Ты не плачь, — сказала ему самая маленькая девочка, Ниночка. — Хочешь, будем вместе сажать огород? Я тебе помогать буду, и у нас вырастет большой-пребольшой огород.

— Конечно, вырастет, — сказал Павлик.

Он успокоился и больше не спорил с ребятами.

Вечером пришла за ним бабушка, и он сказал:

— Бабушка, бабушка, а вырастет у меня огород?

— Вырастет.

— А что я сажать буду, бабушка? У меня ведь нет никаких семян.

— Я куплю.

— Так ты поскорей купи, бабушка, а то мы скоро уедем.

— Завтра куплю.

На следующее утро Павлик проснулся, а бабушка ему говорит:

— Вот твои семена.

И дала ему небольшой бумажный пакетик. Павлик посмотрел, а в пакете — зёрнышки, маленькие-маленькие! Каждое величиной с маковку.

— Что же это за семена? — спросил он.

— Это семена репки.

— Отчего же они такие маленькие?

— Такие уж семена у репки, — сказала бабушка.

— И из каждого зёрнышка вырастет репка? — спросил Павлик.

— Вырастет.

— Да как же она вырастет, бабушка?

— Так уж и вырастет. Сам увидишь.

Бабушка объяснила Павлику, как вскопать землю и сделать грядку и как посадить семена. Павлик слушал внимательно и всё понял. Он взял с собой семена в детский сад и стал показывать ребятам:

— Ребята, ребята, посмотрите, какая у меня репка!

— Какая же это репка? — удивились ребята. — Репка большая, а это какой-то мак.

— Нет, не мак, — сказал Павлик. — Это репкины семена, а из них репка вырастет.

— Как же она вырастет?

— Не знаю.

— Сам не знаешь, а говоришь, — сказали ребята и не стали его слушать.

Неделя быстро прошла, и детский сад уехал на дачу. В первый же день, как только приехали, Павлик пошёл к Ольге Николаевне и спросил:

— Ольга Николаевна, можно, я буду огород сажать? У меня семена есть.

— Можно, — сказала Ольга Николаевна.

Она показала Павлику место за домом, где можно было устроить грядку. Павлик взял лопатку и принялся вскапывать землю. Прибежали ребята и стали смотреть. Земля была твёрдая, и копать было трудно. Павлик очень старался и не хотел бросать начатого дела. Ниночка увидела, что он очень устал, и сказала:

— Дай теперь мне покопать, Павлик, ты устал.

— Ну, покопай немножечко, — согласился Павлик, — а потом снова я.

Ниночка взяла лопату и стала копать. Ребята смотрели, смотрели, им тоже захотелось покопать.

— Дай и нам покопать, — стали просить они Павлика.

— Копайте, — говорит Павлик.

Ребята по очереди стали копать. Они даже заспорили между собой, кому раньше копать, но Павлик сказал:

— Если будете спорить, то совсем заберу лопату.

Тогда ребята утихли и стали работать без шума. До обеда грядка была готова, а после обеда Павлик разрыхлил землю граблями и принялся сажать семена.

— Дай и нам посадить, — стали просить ребята.

— Не могу. Мне самому интересно, — ответил Павлик.

— Дай! Мы ведь тоже землю копали, — сказал Толя.

— Я ведь не заставлял вас.

— Ну, дай хоть одно зёрнышко!

Павлик дал ему посадить одно семечко. Тогда и другие ребята стали просить. Пришлось каждому дать по зёрнышку. Но это ничего. Зёрнышек было много, так что некоторые даже по две штучки посадили.

На следующий день ребята проснулись рано и сразу побежали в огород. Всем хотелось поскорей посмотреть, не взошли ли семена, но, конечно, семена не могли так быстро взойти.

— Если огород поливать, то семена быстро взойдут, — сказала Надя.

Ребята побежали к Ольге Николаевне, попросили у неё садовую лейку и стали поливать грядку водой. Теперь каждое утро они поливали грядку из лейки и смотрели, не показываются ли из земли ростки. Но прошло несколько дней, а ростков никаких не было видно.

— Что же это такое? — говорили ребята. — Мы, наверно, зёрнышки вверх ногами посадили — вот они и растут вниз, а не вверх.

И ребята перестали поливать огород. Павлик думал: «Может быть, мы и на самом деле зёрнышки вниз

головой посадили? Разве разберёшь, где у них голова, где ноги! Они маленькие!»

Ещё два дня он поливал огород, а потом тоже бросил.

— Вот тебе и выросла репка! — говорили ребята. — Даром только трудились.

Павлик перестал думать об огороде. Он играл вместе с ребятами, собирал в лесу ягоды, ловил в поле бабочек и придумал устроить во дворе кормушку для птиц. Ребята приносили остатки от обеда и ужина и кормили птичек, которые прилетали из леса.

Один раз Павлик бежал мимо грядки и увидел, что на ней появилась зелёная травка.

— Ну вот, — сказал он, — уже наш огород зарастает травой!

Тут он заметил, что травка растёт правильными рядами, будто её кто-то нарочно посадил.

— Да это ведь наша репа растёт! — закричал Павлик.

Прибежали ребята.

— А может быть, это и не репа? — сказали они.

— Вот увидите, что будет репка, — ответил Павлик. — Раз бабушка сказала — репка, значит, и будет репка.

Ребята снова стали поливать огород. Травка выросла всё больше и больше и превратилась в кустики с большими листьями. Но время незаметно прошло, и наступила пора уезжать в город.

— Эх, — горевал Павлик, — не успела вырасти репка!

Он пошёл к Ольге Николаевне и спросил:

— А когда мы уедем, кто здесь будет на даче жить?

— Приедут другие дети, из другого детского сада.

— А! Ну, тогда хорошо. Пусть они себе мою репку возьмут, когда вырастет.

Ребята уехали. Стало тихо на даче. Только птички порхали возле пустой кормушки и громко чирикали, будто спрашивали друг друга, куда делись дети. На следующий день приехали ребята из другого детского сада. Они бегали по всему двору, заглядывали во все уголки.

— Глядите, огород! — закричал кто-то.

Отовсюду сбежались дети. Кто-то вырвал несколько кустиков из земли. Тут прибежала самая старшая девочка, Зина.

— Зачем же вы топчете огород? — закричала она. — Как вам не стыдно! Кто-то сажал, а вы разоряете! Ну-ка, сажайте кустики обратно!

Ребята послушно посадили кустики в землю. Зина придумала сделать вокруг грядки ограду. Ребята побежали собирать палочки и сделали из них вокруг огорода забор. С тех пор никто больше не топтал грядку.

Наступило жаркое время. Солнышко по целым дням припекало всё сильнее и сильнее. Две недели подряд не было дождика, даже не появилось ни одной тучки. Земля на грядке вся высохла и потрескалась. Кустики стали вянуть. Листики на них опустились книзу и начали даже желтеть. Однажды Зина шла мимо грядки.

— Бедные кустики, — сказала она, — совсем завяли! Если не будет дождика, они вовсе засохнут.

Она взяла кружку, принесла воды и стала поливать грядку.

Ребята увидели и прибежали кто с кастрюлей, кто

с чайником, а кто и просто со стаканом. Грядку полили так, что вся земля стала мокрая. Потом ребята нашли в сарае старую садовую лейку и с тех пор каждый день поливали грядку из лейки.

Через несколько дней кустики ожили. Листочки поднялись кверху и снова стали зелёные. К концу лета они разрослись так пышно, что вся грядка покрылась зеленью, а внизу под листьями виднелись верхушки больших жёлтых репок.

— Чья же это репка? — спрашивали ребята. — Кто её посадил?

— Должно быть, те дети, которые здесь жили до нас, из другого детского сада, — сказала Зина.

Перед отъездом с дачи ребята решили убрать огород. Все стали дёргать из земли репку и складывать её на траву в кучу. Куча получилась порядочная.

— Большой урожай получился! — радовались ребята.

Они уселись вокруг и долго любовались репкой. Каждый думал, что теперь делать с ней...

Вот и осень пришла.

— Надевай-ка пальто и калошки, на дворе холодно, — сказала Павлику бабушка, когда он утром собирался идти в детский сад.

Павлик оделся и вышел во двор. Все лужи вокруг замёрзли. Тонкий ледок так и хрустит под ногами. А листьев-то сколько с деревьев напало! Прямо как по ковру идёшь.

В этот день Ольга Николаевна занималась с ребятами. Дети играли в школу. Они рисовали картинки,

а Ольга Николаевна ставила всем отметки. Вдруг кто-то постучал в дверь. Ольга Николаевна отворила, и в комнату вошёл почтальон. В руках у него был ящик, обшитый материей, на которой большими фиолетовыми буквами был написан адрес детского сада.

— Вам посылка, — сказал почтальон и поставил ящик на стол.

— А что в этой посылке? — стали спрашивать дети.

— Не знаю, ребята. Что-то очень тяжёлое — насилу я дотащил, — сказал почтальон.

Он попрощался и ушёл. Ольга Николаевна распоролла материю, которой был обшит ящик, и открыла крышку.

— Ничего не понимаю, — пробормотала она. — Какая-то репа!

Все ребята толпились вокруг и приподнимались на цыпочки: каждому хотелось заглянуть в ящик. Павлик даже на стул взобрался.

— Правда, репка! — закричал он. — Вот смешно! Кто же это мог нам репку прислать?

Тут и другие дети стали на стулья взбираться.

— Погодите, ребята, тут письмо есть, — сказала Ольга Николаевна.

Она взяла письмо, которое лежало в посылке, и стала читать:

— «Дорогие ребята! Когда вы уехали с дачи, мы ухаживали за вашей репкой. А когда лето кончилось, мы собрали весь урожай. Репка выросла большая и очень вкусная. Мы все ели, и нам очень понравилось. Мы узнали ваш адрес и решили послать вам репку в посылке. Кушайте на здоровье!»

— Значит, это та репка, которую мы сажали! — закричали ребята. — Вот какая она большая выросла!

Ольга Николаевна поставила ящик на стул, чтобы всем было видно. Ребята смотрели на репку и прыгали от радости. Ну и крику тут было!

Вечером за ребятами пришли родители. Ребята стали показывать им репку и рассказывать, как они сажали её, как поливали, как она не хотела расти, а потом как начала расти, да не успела вырасти, а потом как её вырастили другие ребята и прислали в посылке.

С тех пор, когда в детский сад приходил кто-нибудь из взрослых, кто ещё не видел репки, ребята вели его в комнату, показывали репку и снова рассказывали всю эту историю с начала и до конца. А когда в детский сад поступал кто-нибудь из новых ребят, то ему первым делом показывали репку и тоже рассказывали всё эту историю.

Репка пролежала в ящике до середины зимы, и тогда Ольга Николаевна сказала, что репку надо съесть, потому что она не может так долго лежать в тёплом помещении. Репку снесли на кухню и попросили тётю Дашу приготовить её. Тётя Даша почистила репку, аккуратно нарезала её кружочками, обдала кипятком, чтобы репка не была горькая, и полила маслом. Ребята сидели за столом, ели репку и хвалили её:

— Ах, какая вкусная репка!

— А помните, какие были репкины семена? — сказал Толя. — Совсем-совсем крошечные! Удивительно, как из них выросла такая репка.

— Это всё Павлик придумал, — сказали ребята. — Если б не Павлик, никакой репки не было бы.

МИЛИЦИОНЕР

Большее всего на свете Алик боялся милиционеров. Его всегда дома милиционером пугали. Не слушается — ему говорят:

— Вот сейчас милиционер придёт!

Нашалит — снова говорят:

— Придётся тебя в милицию отправить!

Один раз Алик заблудился. Он даже сам не заметил, как это случилось. Он вышел гулять во двор, потом побежал на улицу. Бегал, бегал и очутился в незнакомом месте. Тут он, конечно, стал плакать. Вокруг собрался народ. Стали спрашивать:

— Где ты живёшь?

А он и сам не знает!

Кто-то сказал:

— Надо его в милицию отправить. Там найдут его адрес.

А Алик, как услышал про милицию, ещё громче заплакал. Тут милиционер подошёл. Он наклонился к Алику и спрашивает:

— Тебя как звать-то?

Алик поднял голову, увидел милиционера — и бегом от него. Только недалеко убежал. Его быстро поймали и держат, чтобы не забежал ещё куда-нибудь. А он кричит:

— Не хочу в милицию! Не хочу! Лучше я заблуженный буду!

Ему говорят:

— Нельзя так, чтоб заблуженным быть.

— Я и так как-нибудь найдусь!

— Как же так найдёшься? Так не найдёшься!

Тут милиционер снова подошёл. Алик увидел его и такой крик поднял, что милиционер только рукой махнул, отошёл и спрятался за ворота. Люди говорят:

— Ну не кричи. Ушёл милиционер, видишь — нет его!

— Нет, не ушёл. Вон он за воротами спрятался, я вижу!

А милиционер кричит из-за ворот:

— Граждане, узнайте хоть его фамилию, я в милицию позвоню по телефону!

Одна женщина говорит Алику:

— Вот у меня есть знакомый маленький мальчик, он никогда не заблудится, потому что свою фамилию знает.

— Я тоже знаю фамилию, — говорит Алик.

— А ну скажи.

— Кузнецов. А зовут Александр Иванович.

— Ишь ты. Молодец! — похвалила женщина. — Ты, оказывается, всё знаешь.

Она пошла к милиционеру и сказала ему фамилию Алика. Милиционер позвонил по телефону в милицию, потом приходит и говорит:

— Он совсем недалеко живёт — на Песчаной улице. Кто поможет отвести мальчугана домой? А то он меня почему-то боится.

— Давайте я отведу. Кажется, он уже ко мне немного привык, — сказала женщина, которая узнала фамилию Алика.

Она взяла Алика за руку и повела домой. А милиционер сзади пошёл. Алик успокоился и перестал

плакать. Только он всё время оглядывался на милиционера и спрашивал:

— А зачем милиционер сзади идёт?

— Ты не бойся его! Это он для порядка. Видишь, ты не хотел сказать ему свою фамилию, а я сказала. Он позвонил в милицию, и там быстро нашли твой адрес, потому что в милиции все фамилии и адреса записаны.

С тех пор Алик милиционеров уже не боится. Знает, что они для порядка.

ОГУРЦЫ

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришёл домой радостный:

— Мама, я тебе огурцов принёс!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках ещё два больших огурца.

— Где ты их взял? — говорит мама.

— На огороде.

— На каком огороде?

— Там, у реки, на колхозном.

— Кто ж тебе позволил?

— Никто, я сам нарвал.

— Значит, украл?

— Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

— Постой, постой! Не выгружай! — говорит мама.

— Почему?

— Сейчас же неси их обратно!

— Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Всё равно они теперь уже расти не будут.

— Ничего, отнесёшь и положишь на той же грядке, где сорвал.

— Ну, я их выброшу.

— Нет, не выбросишь! Ты их не сажил, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

— Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

— Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

— Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

— Ну как тебе не стыдно! — говорит мама. — Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

— Не пойду я! У дедушки ружьё. Он выстрелит и убьёт меня.

— И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

— Ну, пойдём со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

— А брат не боялся?

Мама дала Котье в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

— Или неси огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котья повернулся и медленно-медленно пошёл по улице.

Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнёс, — решил Котья и стал оглядываться вокруг. — Нет, отнесу: ещё кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадёт».

Он шёл по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! — думал Котья. — Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котья из деревни и пошёл полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче. Сторож услышал и подошёл к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принёс огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож. — Это,

значит, я вам свистел, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

— Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

— А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котька вытащил огурцы и положил их на грядку.

— Ну, все, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает, — ответил Котька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка. — Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что ещё?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?

— Гм! — сказал дед. — Вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Котёнок во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.

БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА

Жил-был пёс Барбоска. У него был друг — кот Васька. Оба они жили у дедушки. Дедушка ходил на работу. Барбоска сторожил дом, а кот Васька мышей ловил.

Однажды дедушка ушёл на работу, кот Васька убежал куда-то гулять, а Барбоска дома остался. От нечего делать он залез на подоконник и стал смотреть в окно. Ему было скучно, вот он и зевал по сторонам.

«Дедушке нашему хорошо! — думал Барбоска. — Ушёл на работу и работает. Ваське тоже неплохо — убежал из дому и гуляет по крышам. А мне вот приходится дома сидеть, сторожить квартиру».

В это время по улице бежал Барбоскин приятель Бобик. Они часто встречались во дворе и играли вместе. Барбоска увидел приятеля и обрадовался:

— Эй, Бобик, куда бежишь?

— Никуда, — говорит Бобик. — Так, бегу себе просто. А ты чего дома сидишь? Пойдём гулять.

— Мне нельзя, — ответил Барбоска, — дедушка велел дом стеречь. Ты лучше ко мне в гости иди.

— А никто не прогонит?

— Нет. Дедушка на работу ушёл. Никого дома нет. Лезь прямо в окно.

Бобик залез в окно и с любопытством стал осматривать комнату.

— Тебе хорошо! — сказал он Барбосу. — Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия!

— Да, — ответил Барбос, — у нас квартира хорошая: две комнаты с кухней и ещё ванная. Ходи где хочешь.

— А меня даже в коридор хозяева не пускают! — пожаловался Бобик. — Говорят — я дворовый пёс, поэтому должен жить в конуре. Один раз зашёл в комнату — что было! Закричали, заохали, даже палкой по спине стукнули.

Он почесал лапой за ухом, потом увидел на стене часы с маятником и спрашивает:

— А что это у вас за штука на стене висит? Всё тик-так да тик-так, а внизу болтается.

— Это часы, — ответил Барбос. — Разве ты часов никогда не видел?

— Нет. А для чего они?

Барбос и сам не знал толком, для чего часы, но всё-таки принялся объяснять:

— Ну, это такая штука, понимаешь... часы... они ходят...

— Как — ходят? — удивился Бобик. — У них ведь ног нету!

— Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают бить.

— Ого! Так они ещё и дерутся? — испугался Бобик.

— Да нет! Как они могут драться!

— Ты ведь сам сказал — бить!

— Бить — это значит звонить: бом! бом!

— А, ну так бы и говорил!

Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

— А что это у вас за пила?

— Какая пила! Это гребешок.

— А для чего он?

— Эх, ты! — сказал Барбос. — Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причёсываться.

— Как это — причёсываться?

Барбос взял гребешок и стал причёсывать у себя на голове шерсть:

— Вот смотри, как надо причёсываться. Подойди к зеркалу и причешись.

Бобик взял гребешок, подошёл к зеркалу и увидел в нём своё отражение.

— Послушай, — закричал он, показывая на зеркало, — там собака какая-то!

— Да это ведь ты сам в зеркале! — засмеялся Барбос.

— Как — я?.. Я ведь здесь, а там другая собака.

Барбос тоже подошёл к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

— Ну вот, теперь их уже двое!

— Да нет! — сказал Барбос. — Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

— Как — неживые? — закричал Бобик. — Они же ведь двигаются!

— Вот чудак! — ответил Барбос. — Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа?

— Верно, похожа! — обрадовался Бобик. — Точь-в-точь как ты!

— А другая собака похожа на тебя.

— Что ты! — ответил Бобик. — Там какая-то противная собака, и лапы у неё кривые.

— Такие же лапы, как у тебя.

— Нет, это ты меня обманываешь! Посадил туда каких-то двух собак и думаешь — я тебе поверю, — сказал Бобик.

Он принялся причёсываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеётся:

— Глянь-ка, а этот чудак в зеркале тоже причёсывается! Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошёл в сторону. Бобик причёсался, положил гребешок на место и говорит:

— Чудно́ тут у вас! Часы какие-то, зеркала с собаками, разные финтифлюшки и гребешки.

— У нас ещё телевизор есть! — похвастался Барбос и показал телевизор.

— Для чего это? — спросил Бобик.

— А это такая штука — она всё делает: поёт, играет, даже картины показывает.

— Вот этот ящик?

— Да.

— Ну, это уж враки!

— Честное слово!

— А ну пусть заиграет!

Барбос включил телевизор. Послышалась музыка.

Собаки обрадовались и давай прыгать по комнате. Плясали, плясали, из сил выбились.

— Мне даже есть захотелось, — говорит Бобик.

— Садись за стол, сейчас я тебя угощать буду, — предложил Барбос.

Бобик уселся за стол. Барбоска открыл буфет, видит — там блюдо с киселём стоит, а на верхней полке — большой пирог. Он взял блюдо с киселём, поставил на пол, а сам полез на верхнюю полку за пирогом. Взял его, стал вниз спускаться и попал лапой в кисель. Поскользнувшись, он шлёпнулся прямо на блюдо, и весь кисель у него размазался по спине.

— Бобик, иди скорее кисель есть! — закричал Барбос.

Бобик прибежал:

— Где кисель?

— Да вот у меня на спине. Облизывай.

Бобик давай ему спину облизывать.

— Ох и вкусный кисель! — говорит.

Потом они перенесли пирог на стол. Сами тоже на стол уселись, чтоб удобнее было. Едят и разговаривают.

— Тебе хорошо живётся! — говорит Бобик. — У тебя всё есть.

— Да, — говорит Барбос, — я живу хорошо. Что хочу, то и делаю: хочу — гребешком причёсываюсь, хочу — на телевизоре играю, ем и пью что хочу или на кровати валяюсь.

— А тебе позволяет дедушка?

— Что мне дедушка! Подумаешь! Эта кровать моя.

— А где же дедушка спит?

— Дедушка там, в углу, на коврике.

Барбоска так заврался, что не мог уже остановиться.

— Здесь всё моё! — хвастался он. — И стол мой, и буфет мой, и всё, что в буфете, тоже моё.

— А можно мне на кровати поваляться? — спросил Бобик. — Я ни разу в жизни ещё на кровати не спал.

— Ну пойдём, поваляемся, — согласился Барбос.

Они улеглись на кровать.

Бобик увидел плётку, которая висела на стене, и спрашивает:

— А для чего у вас здесь плётка?

— Плётка? Это для дедушки. Если не слушается, я его плёткой, — ответил Барбос.

— Это хорошо! — одобрил Бобик.

Лежали они на кровати, лежали, пригрелись да и заснули. Не услышали даже, как дедушка с работы пришёл.

Он увидел на своей кровати двух псов, снял со стены плётку и замахнулся на них.

Бобик с перепугу выпрыгнул в окно и побежал в свою конуру, а Барбос забился под кровать, так что его даже половой щёткой нельзя было вытащить. До вечера там просидел.

Вечером вернулся домой кот Васька. Он увидел Барбоса под кроватью и сразу понял, в чём дело.

— Эх, Васька, — сказал Барбос, — опять я наказан! Даже сам не знаю за что. Принеси мне кусочек колбаски, если тебе дедушка даст.

Васька пошёл к дедушке, стал мурлыкать и тереться спинкой о его ноги. Дедушка дал ему кусочек колбаски. Васька половину съел сам, а другую половинку отнёс под кровать Барбоске.

ДРУЖОК

Замечательно нам с Мишкой жилось на даче! Вот где было раздолье! Делай что хочешь, иди куда хочешь. Можешь в лес за грибами ходить или за ягодами или купаться в реке, а не хочешь купаться — так лови рыбу, и никто тебе слова не скажет. Когда у мамы кончился отпуск и нужно было собираться обратно в город, мы даже загрустили с Мишкой. Тётя Наташа заметила, что мы оба ходим как в воду опущенные, и стала уговаривать маму, чтоб мы с Мишкой остались ещё пожить. Мама согласилась и договорилась с тётей Наташей, чтоб она нас кормила и всякое такое, а сама уехала.

Мы с Мишкой остались у тёти Наташи. А у тёти Наташи была собака Дианка. И вот как раз в тот день, когда мама уехала, Дианка вдруг оценилась: шестерых щенков принесла. Пятеро чёрных с рыжими пятнами и один — совсем рыжий, только одно ухо у него было чёрное. Тётя Наташа увидела щенков и говорит:

— Чистое наказание с этой Дианкой! Каждое лето она щенков приносит! Что с ними делать, не знаю. Придётся их утопить.

Мы с Мишкой говорим:

— Зачем топить? Они ведь тоже хотят жить. Лучше отдать соседям.

— Да соседи не хотят брать, у них своих собак полно, — сказала тётя Наташа. — А мне ведь тоже не надо столько собак.

Мы с Мишкой стали просить:

— Тётечка, не надо их топить! Пусть они подрастут немножечко, а потом мы сами их кому-нибудь отдадим.

Тётя Наташа согласилась, и щеночки остались. Скоро они подросли, стали бегать по двору и лаять: «Тяф! Тяф!» — совсем как настоящие псы. Мы с Мишкой по целым дням играли с ними.

Тётя Наташа несколько раз напоминала нам, чтоб мы раздали щенков, но нам было жалко Дианку. Ведь она станет скучать по своим детям, думали мы.

— Зря я вам поверила, — сказала тётя Наташа. — Теперь я вижу, что все щенки останутся у меня. Что я буду делать с такой оравой собак? На них одного корму сколько надо!

Пришлось нам с Мишкой братья за дело. Ну и помучились же мы! Никто не хотел брать щенков. Несколько дней подряд мы таскали их по всему посёлку и насилу пристроили трёх щенков. Ещё двоих мы отнесли в соседнюю деревню. У нас остался один щенок, тот, который был рыжий с чёрным ухом. Нам он больше всех нравился. У него была такая милая морда и очень красивые глаза, такие большие, будто он всё время чему-нибудь удивлялся. Мишка никак не хотел расставаться с этим щенком и написал своей маме такое письмо:

«Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю. За это я тебя всегда буду слушаться, и буду хорошо учиться, и щеночка буду учить, чтоб из него выросла хорошая, большая собака».

Мы называли щеночка Дружком. Мишка говорил, что купит книжку о том, как дрессировать собак, и будет учить Дружка по книжке.

* * *

Прошло несколько дней, а от Мишкиной мамы так и не пришло ответа. То есть пришло письмо, но в нём совсем ничего про Дружка не было. Мишкина мама писала, чтобы мы приезжали домой, потому что она беспокоится, как мы тут живём одни.

Мы с Мишкой в тот же день решили ехать, и он сказал, что повезёт Дружка без разрешения, потому что он ведь не виноват, раз письмо не дошло.

— Как же вы повезёте своего щенка? — спросила тётя Наташа. — Ведь в поезде не разрешают возить собак. Увидит кондуктор и оштрафует.

— Ничего, — говорит Мишка, — мы его в чемодан спрячем, никто и не увидит.

Мы переложили из Мишкиного чемодана все вещи ко мне в рюкзак, просверлили в чемодане дырки гвоздём, чтоб Дружок в нём не задохнулся, положили туда краюшку хлеба и кусок жареной курицы на случай, если Дружок проголодается, а Дружка посадили в чемодан и пошли с тётей Наташей на станцию.

Всю дорогу Дружок сидел в чемодане молча, и мы были уверены, что довезём его благополучно. На станции тётя Наташа пошла взять нам билеты, а мы решили посмотреть, что делает Дружок. Мишка открыл чемодан. Дружок спокойно лежал на дне и, задрав голову кверху, жмурил глаза от света.

— Молодец Дружок! — радовался Мишка. — Это такой умный пёс!.. Понимает, что мы его везём тайком.

Мы погладили Дружка и закрыли чемодан. Скоро подошёл поезд. Тётя Наташа посадила нас в вагон, и мы попрощались с ней. В вагоне мы выбрали для себя укромное местечко. Одна лавочка была совсем свободна, а напротив сидела старушка и дремала. Больше никого не было. Мишка сунул чемодан под лавку. Поезд тронулся, и мы поехали.

* * *

Сначала всё шло хорошо, но на следующей станции стали садиться новые пассажиры. К нам подбежала какая-то длинноногая девчонка с косичками и затрещала, как сорока:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Идите сюда! Скорее, скорее, здесь места есть!

Тётя Надя и дядя Федя пробрались к нашей лавочке.

— Сюда, сюда! — трещала девчонка. — Садитесь! Я вот здесь сяду с тётей Надечкой, а дядечка Федечка пусть сядет рядом с мальчиками.

— Не шуми так, Леночка, — сказала тётя Надя.

И они вместе сели напротив нас, рядом со старушкой,

а дядя Федя сунул свой чемодан под лавку и сел рядом с нами.

— Ой, как хорошо! — захлопала в ладоши Леночка. — С одной стороны три дяденьки сидят, а с другой — три тётеньки.

Мы с Мишкой отвернулись и стали смотреть в окно. Сначала всё было тихо, только колёса постукивали. Потом под лавкой послышался шорох и начало что-то скрестись, словно мышь.

— Это Дружок! — зашептал Мишка. — А что, если кондуктор придёт?

— Ничего, может быть, он и не услышит.

— А если Дружок лаять начнёт?

Дружок потихоньку скрёбся, будто хотел проскрести в чемодане дырку.

— Ай, мамочка, мышь! — завизжала эта егоза Леночка и стала поджимать под себя ноги.

— Что ты выдумываешь! — сказала тётя Надя. — Откуда тут мышь?

— А вот послушай! Послушай!

Тут Мишка изо всех сил стал кашлять и толкать чемодан ногой. Дружок на минуту успокоился, потом потихоньку заскулил. Все удивлённо переглянулись, а Мишка поскорей стал тереть по стеклу пальцем так, чтоб стекло визжало. Дядя Федя посмотрел на Мишку строго и сказал:

— Мальчик, перестань! Это на нервы действует.

В это время сзади кто-то заиграл на гармошке, и Дружка не стало слышно. Мы обрадовались. Но гармошка скоро утихла.

— Давай будем песни петь! — шепчет Мишка.

- Неудобно, — говорю я.
- Ну, давай громко стихи читать.
- Ну, давай. Начинай.

Из-под лавки раздался писк. Мишка закашлял и поскорее начал стихи:

Травка зеленеет, солнышко блестит,
Ласточка с весною в сени к нам летит.

В вагоне раздался смех. Кто-то сказал:

— На дворе скоро осень, а у нас тут весна начинается!

Леночка стала хихикать и говорить:

— Какие мальчишки смешные! То скребутся, как мыши, то по стеклу пальцами скрипят, то стихи читают.

Но Мишка ни на кого не обращал внимания. Когда это стихотворение кончилось, он начал другое и отбивал такт ногами:

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень.
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень.

— Ну, вот и лето пришло: сирень, видите ли, распустилась! — шутили пассажиры.

А у Мишки без всякого предупреждения грянула зима:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

А потом почему-то всё пошло шиворот-навыворот
и после зимы наступила вдруг осень:

Скучная картина!
Тучи без конца.
Дождик так и льётся,
Лужи у крыльца.

Тут Дружок жалобно завыл в чемодане, и Мишка за-
кричал что было силы:

Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Ещё просит сердце
Света и тепла!

Старушка, которая дремала напротив, проснулась,
закивала головой и говорит:

— Верно, деточка, верно! Рано осень к нам пришла.
Ещё ребятишкам погулять хочется, погреться на сол-
нышке, а тут осень! Ты, миленький, хорошо стишки го-
воришь, хорошо!

И она принялась гладить Мишку по голове. Мишка
незаметно толкнул меня под лавкой ногой, чтоб я
продолжал чтение, а у меня, как нарочно, все стихи
выскочили из головы, только одна песня вертелась.
Недолго раздумывая, я гаркнул что было силы на ма-
нер стихов:

Ах вы сени, мои сени!
Сени новые мои!
Сени новые, кленовые, решётчатые!

Дядя Федя поморщился:

— Вот наказание! Ещё один исполнитель нашёлся!
А Леночка надула губки и говорит:

— Фи! Нашёл что читать! Какие-то сени!

А я отбарабанил эту песню два раза подряд и принялся за другую:

Сижу за решёткой, в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой...

— Вот бы тебя засадить куда-нибудь, чтоб ты не портил людям нервы! — проворчал дядя Федя.

— Ты не волнуйся, — говорила ему тётя Надя. — Ребята стишки повторяют, что тут такого!

Но дядя Федя всё-таки волновался и тёр рукой лоб, будто у него голова болела. Я замолчал, но тут Мишка пришёл на помощь и стал читать с выражением:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звёзды блещут...

— О! — засмеялись в вагоне. — На Украину попал! Куда-то ещё залетит?

На остановке вошли новые пассажиры:

— Ого, да тут стихи читают! Весело будет ехать.

А Мишка уже путешествовал по Кавказу:

Кавказ подо мною, один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...

Так он объехал чуть ли не весь свет и попал даже на Север. Там он охрип и снова стал толкать меня под лавкой ногой. Я никак не мог припомнить, какие ещё бывают стихи, и опять принялся за песню:

Всю-то я вселенную проехал.
Нигде я милой не нашёл...

Леночка засмеялась:

— А этот всё какие-то песни читает!

— А я виноват, что Мишка все стихи перечитал? —
сказал я и принялся за новую песню:

Голова ль ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить?

— Нет, братец, — проворчал дядя Федя, — если будешь так донимать всех своими стихами, то не сносить тебе головы!

Он опять принялся тереть рукой лоб, потом взял из-под лавки чемодан и вышел на площадку.

Поезд подходил к городу. Пассажиры зашумели, стали брать свои вещи и толпиться у выхода. Мы тоже схватили чемодан и рюкзак и стали пролезать на площадку. Поезд остановился. Мы вылезли из вагона и пошли домой. В чемодане было тихо.

— Смотри, — сказал Мишка, — когда не надо, так он молчит, а когда надо было молчать, он всю дорогу скулил.

— Надо посмотреть — может, он там задохнулся? — говорю я.

Мишка поставил чемодан на землю, открыл его... и мы остолбенели: Дружка в чемодане не было! Вместо него лежали какие-то книжки, тетради, полотенце, мыло, очки в роговой оправе, вязальные спицы.

— Что это? — говорит Мишка. — Куда же Дружок делся?

Тут я понял, в чём дело.

— Стой! — говорю. — Да это ведь не наш чемодан!

Мишка посмотрел и говорит:

— Верно! В нашем чемодане были дырки просверлены, и потом наш был коричневый, а этот рыжий какой-то. Ах я разиня! Схватил чужой чемодан!

— Бежим скорее обратно, может быть, наш чемодан так и стоит под лавкой, — сказал я.

Прибежали мы на вокзал. Поезд ещё не ушёл. А мы забыли, в каком вагоне ехали. Стали бегать по всем вагонам и заглядывать под лавки. Обыскали весь поезд. Я говорю:

— Наверно, его забрал кто-нибудь.

— Давай ещё раз пройдем по вагонам, — говорит Мишка.

Мы ещё раз обыскали все вагоны. Ничего не нашли. Стоим с чужим чемоданом и не знаем, что делать. Тут пришёл проводник и прогнал нас.

— Нечего, — говорит, — по вагонам шнырять!

Пошли мы домой. Я зашёл к Мишке, чтобы выгрузить из рюкзака его вещи. Мишкина мама увидела, что он чуть не плачет, и спрашивает:

— Что с тобой?

— Дружок пропал!

— Какой дружок?

— Ну, щенок. Не получала письма разве?

— Нет, не получала.

— Ну вот! А я писал.

Мишка стал рассказывать, какой хороший был Дружок, как мы его везли и как он потерялся. Под конец Мишка расплакался, а я ушёл домой и не знаю, что было дальше.

На другой день Мишка приходит ко мне и говорит:

— Знаешь, теперь выходит — я вор!

— Почему?

— Ну, я ведь чужой чемодан взял.

— Ты ведь по ошибке.

— Вор тоже может сказать, что он по ошибке.

— Тебе ведь никто не говорит, что ты вор.

— Не говорит, а всё-таки совестно. Может быть, тому человеку этот чемодан нужен. Я должен вернуть.

— Да как же ты найдёшь этого человека?

— А я напишу записки, что нашёл чемодан, и расклею по всему городу. Хозяин увидит записку и придёт за своим чемоданом.

— Правильно! — говорю я.

— Давай записки писать.

Нарезали мы бумаги и стали писать:

«Мы нашли чемодан в вагоне. Получить у Миши Козлова. Песчаная улица, № 8, кв. 3».

Написали штук двадцать таких записок. Я говорю:

— Давай напишем ещё записки, чтоб нам вернули Дружка. Может быть, наш чемодан тоже кто-нибудь по ошибке взял.

— Наверно, его тот гражданин взял, который с нами в поезде ехал, — сказал Мишка.

Нарезали мы ещё бумаги и стали писать:

«Кто нашёл в чемодане щенка, очень просим вернуть Мише Козлову или написать по адресу: Песчаная улица, № 8, кв. 3».

Написали и этих записок штук двадцать и пошли их по городу расклеивать. Клеили на всех углах, на

фонарных столбах... Только записок оказалось мало. Мы вернулись домой и стали ещё записки писать. Писали, писали — вдруг звонок. Мишка побежал открывать. Вошла незнакомая тётенька.

— Вам кого? — спрашивает Мишка.

— Мишу Козлова.

Мишка удивился: откуда она его знает?

— А зачем?

— Я, — говорит, — чемодан потеряла.

— А! — обрадовался Мишка. — Идите сюда. Вот он, ваш чемодан.

Тётенька посмотрела и говорит:

— Это не мой.

— Как — не ваш? — удивился Мишка.

— Мой был побольше, чёрный, а этот рыжий.

— Ну, тогда вашего у нас нет, — говорит Мишка. — Мы другого не находили. Вот когда найдём, тогда пожалуйста.

Тётенька засмеялась и говорит:

— Вы неправильно делаете, ребята. Чемодан надо спрятать и никому не показывать, а если придут за ним, то вы сначала спросите, какой был чемодан и что в нём лежало. Если вам ответят правильно, тогда отдавайте чемодан. А так ведь вам кто-нибудь скажет: «Мой чемодан» — и заберёт, а это и не его вовсе. Всякие люди бывают!

— Верно! — говорит Мишка. — А мы и не сообразили!

Тётенька ушла.

— Вот видишь, — говорит Мишка, — сразу подействовало! Не успели мы записки наклеить, а люди уже приходят. Ничего, может быть, и Дружок найдётся!

Мы спрятали чемодан под кровать, но в этот день к нам больше никто не пришёл. Зато на другой день у нас перебивало много народу. Мы с Мишкой даже удивлялись, как много людей теряют свои чемоданы и разные другие вещи. Один гражданин забыл чемодан в трамвае и тоже пришёл к нам, другой забыл в автобусе ящик с гвоздями, у третьего в прошлом году пропал сундук — все шли к нам, как будто у нас было бюро находок. С каждым днём приходило всё больше и больше народу.

— Удивляюсь! — говорил Мишка. — Приходят только те, у которых пропал чемодан или хотя бы сундук, а те, которые нашли чемодан, преспокойно сидят дома.

— А чего им беспокоиться? Кто потерял, тот ищет, а кто нашёл, чего ему ещё ходить?

— Могли бы хоть письмо написать, — говорит Мишка. — Мы бы сами пришли.

* * *

Один раз мы с Мишкой сидели дома. Вдруг кто-то постучал в дверь. Мишка побежал отворять. Оказалось, почтальон. Мишка радостный вбежал в комнату с письмом в руках.

— Может быть, это про нашего Дружка! — сказал он и стал разбирать на конверте адрес, который был написан неразборчивыми каракулями.

Весь конверт был усеян штемпелями и наклейками с надписями.

— Это не нам письмо, — сказал наконец Мишка. — Это маме. Какой-то шибко грамотный человек писал. В одном слове две ошибки сделал: вместо «Песчаная»

улица написал «Печная». Видно, письмо долго по городу ходило, пока куда надо дошло... Мама! — закричал Мишка. — Тебе письмо от какого-то грамотея!

— Что это за грамотей?

— А вот почитай письмо.

Мама разорвала конверт и стала читать вполголоса:

— «Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю...» Что это? — говорит мама. — Это ведь ты писал!

Я засмеялся и посмотрел на Мишку. А он покраснел как варёный рак и убежал.

* * *

Мы с Мишкой потеряли надежду отыскать Дружка, но Мишка часто вспоминал о нём:

— Где он теперь? Какой у него хозяин? Может быть, он злой человек и обижает Дружка? А может быть, Дружок так и остался в чемодане и погиб там от голода? Пусть бы мне не вернули его, а только хоть бы сказали, что он живой и что ему хорошо!

Скоро каникулы кончились, и пришла пора идти в школу. Мы были рады, потому что очень любили учиться и уже соскучились по школе. В этот день мы встали рано-рано, оделись во всё новое и чистое. Я пошёл к Мишке, чтоб разбудить его, и встретился с ним на лестнице. Он как раз шёл ко мне, чтобы разбудить меня.

Мы думали, что в этом году с нами будет заниматься Вера Александровна, которая учила нас в прошлом году, но оказалось, что у нас теперь будет совсем

новая учительница, Надежда Викторовна, так как Вера Александровна перешла в другую школу. Надежда Викторовна дала нам расписание уроков, сказала, какие учебники будут нужны, и стала вызывать нас всех по журналу, чтоб познакомиться с нами. А потом спросила:

— Ребята, вы учили в прошлом году стихотворение Пушкина «Зима»?

— Учили! — загудели все хором.

— Кто помнит это стихотворение?

Все ребята молчали. Я шепчу Мишке:

— Ты ведь помнишь?

— Помню.

— Так поднимай руку!

Мишка поднял руку.

— Ну, выходи на середину и читай, — сказала учительница.

Мишка подошёл к столу и начал читать с выражением:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

Он читал всё дальше и дальше, а учительница сначала смотрела на него пристально, потом наморщила лоб, будто вспоминала что-то, потом вдруг протянула к Мишке руку и говорит:

— Постой, постой! Я вспомнила: ты ведь тот мальчик, который ехал в поезде и всю дорогу читал стихи? Верно?

Мишка сконфузился и говорит:

— Верно.

— Ну, садись, а после уроков зайдёшь ко мне в учительскую.

— А стихи не надо кончать? — спросил Мишка.

— Не надо. Я и так вижу, что ты знаешь.

Мишка сел и принялся толкать меня под партой ногой:

— Это она! Та тётенька, которая с нами в поезде ехала. Ещё с нею была девчонка Леночка и дяденька, который сердился. Дядя Федя, помнишь?

— Помню, — говорю. — Я её тоже узнал, как только ты стихи стал читать.

— Ну, что теперь будет? — беспокоился Мишка. — Зачем она меня в учительскую вызвала? Наверно, достанется нам за то, что мы тогда шумели в поезде!

Мы с Мишкой так волновались, что не заметили даже, как занятия кончились. Последними вышли из класса, и Мишка пошёл в учительскую. Я остался ждать его в коридоре. Наконец он оттуда вышел.

— Ну, что тебе учительница сказала? — спрашиваю я.

— Оказывается, мы её чемодан взяли, то есть не её, а того дяденьки. Но это всё равно. Она спросила, не взяли ли мы по ошибке чужой чемодан. Я сказал, что взяли. Она стала расспрашивать, что в этом чемодане было, и узнала, что это их чемодан. Она велела сегодня же принести ей чемодан и дала адрес.

Мишка показал мне бумажку, на которой был записан адрес. Мы поскорей пошли домой, взяли чемодан и отправились по адресу.

Нам открыла дверь Леночка, которую мы видели в поезде.

— Вам кого? — спросила она.

А мы забыли, как звать учительницу.

— Пойдите, — говорит Мишка. — Вот тут на бумажке записано... Надежду Викторовну.

Леночка говорит:

— Вы, наверно, чемодан принесли?

— Принесли.

— Ну, заходите.

Она привела нас в комнату и закричала:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Мальчики чемодан принесли!

Надежда Викторовна и дядя Федя вошли в комнату. Дядя Федя открыл чемодан, увидел свои очки и сразу надел их на нос.

— Вот они, мои любимые старые очки! — обрадовался он. — Как хорошо, что они нашлись! А то я к новым очкам никак не могу привыкнуть.

Мишка говорит:

— Мы ничего не трогали. Всё ждали, когда хозяин отыщется. Мы даже везде объявления наклеили, что нашли чемодан.

— Ну вот! — сказал дядя Федя. — А я никогда не читаю объявлений на стенах. Ну ничего, в следующий раз буду умнее — всегда буду читать.

Леночка куда-то ушла, а потом вернулась в комнату, а за ней бежал щенок. Он был весь рыжий, только одно ухо у него было чёрное.

— Смотри! — прошептал Мишка.

Щенок насторожился, приподнял своё ухо и поглядел на нас.

— Дружок! — закричали мы.

Дружок завизжал от радости, кинулся к нам, принялся прыгать и лаять. Мишка схватил его на руки:

— Дружок! Верный мой пёс! Значит, ты не забыл нас?

Дружок лизал ему щёки, а Мишка целовал его прямо в морду. Леночка смеялась, хлопала в ладоши и кричала:

— Мы его в чемодане с поезда принесли! Мы по ошибке ваш чемодан взяли. Это всё дядечка Федечка виноват!

— Да, — сказал дядя Федя, — это моя вина. Я первый взял ваш чемодан, а потом уж вы мой взяли.

Они отдали нам чемодан, в котором Дружок ехал в поезде. Леночка, видно, очень не хотела расставаться с Дружком. На глазах у неё даже слёзы были. Мишка сказал, что на следующий год у Дианки снова будут щенки, тогда мы выберем самого красивого и привезём ей.

— Обязательно привезите, — сказала Леночка.

Мы попрощались и вышли на улицу. Дружок сидел на руках у Мишки, вертел во все стороны головой, и глаза у него были такие, будто он всему удивлялся. Наверно, Леночка всё время держала его дома и ничего ему не показывала.

Когда мы подошли к дому, у нас на крыльце сидели две тётки и дядька. Они, оказывается, нас ждали.

— Вы, наверно, за чемоданом пришли? — спросили мы их.

— Да, — сказали они. — Это вы те ребята, которые чемодан нашли?

— Да, это мы, — говорим мы. — Только никакого

чемодана у нас теперь нет. Уже нашёлся хозяин, и мы отдали.

— Так вы бы поснимали свои записки, а то только людей смущаете. Приходится из-за вас даром время терять!

Они поворчали и разошлись. А мы с Мишкой в тот же день обошли все места, где наклеили записки, и ободрали их.

НАШ КАТОК

Осенью, когда стукнул первый мороз и земля сразу промёрзла чуть ли не на целый палец, никто не поверил, что уже началась зима. Все думали, что скоро опять развезёт, но мы с Мишкой и Костей решили, что сейчас самое время начинать делать каток. Во дворе у нас был садик не садик, а так, не поймёшь что, просто две клумбы, а вокруг газончик с травой, и всё это заборчиком огорожено. Мы решили сделать каток в этом садике, потому что зимой клумбы всё равно никому не видны.

Костя сказал:

— Только надо, ребята, сначала получить разрешение у управдома. Иначе и начинать нельзя. Дворничиха всё равно ничего делать не даст.

— А вдруг управдом не позволит? — сказал Мишка. — Летом просили волейбольную площадку устроить — не разрешил, зверь такой!

— Я думаю, разрешит, — сказал Костя. — Дмитрий

Савельевич хороший человек. Только с ним надо дипломатично поговорить.

— Это как — дипломатично? — не понял Мишка.

— Ну, значит, вежливо. Взрослые любят, чтоб с ними вежливо разговаривали, а такие слова, как «зверь», никому не могут понравиться.

— Что ты! — замахал Мишка руками. — Да разве я такие слова когда говорю? Это я ведь за глаза только.

— «За глаза»! — усмехнулся Костя. — Ты в глаза ещё и не такое скажешь! Я тебя хорошо изучил. Вот придём в домоуправление, так ты уж лучше молчи, я сам поговорю с управдомом как надо.

Мишка говорит:

— Ладно.

Мы тут же отправились в домоуправление. На наше счастье, управдом оказался на месте. Он сидел за столом, заваленным ворохом разных бумажек. Посреди этого вороха лежала тетрадка. Левой рукой управдом водил по цифрам, которые были в тетрадке, а правой что-то записывал.

— Здравствуйте, Дмитрий Савельевич, — сказал Костя вежливо.

— Здравствуй, дружок, здравствуй! — Управдом даже не обратил на нас внимания и продолжал водить пальцем по цифрам.

— Мы к вам, Дмитрий Савельевич.

— Вижу, дружок, вижу. Зачем пришли?

— Хотим немножко поговорить с вами, — продолжал Костя.

— Ну, говори, говори.

— Хотим спросить у вас.

— Спрашивай, спрашивай.

— Мы хотим спросить у вас, Дмитрий Савельевич, одну вещь: скажите, пожалуйста, вы должны вести у нас какую-нибудь спортивную работу?

— Какую это спортивную работу? — спросил Дмитрий Савельевич и, прижав пальцем цифру в тетрадке, посмотрел на нас поверх очков.

— Ну, как управдом, вы должны вести у нас спортивную работу.

Дмитрий Савельевич поставил карандашом отметку возле прижатой цифры, провёл по голове рукой, будто хотел причесать волосы, и сказал:

— То есть, по-моему, это вы... Вы сами должны вести спортивную работу.

— Мы это понимаем, — ответил Костя. — Мы сами должны вести спортивную работу. А вот вы нам помогать будете?

Управдом наклонил набок голову, развёл над столом руками:

— А что вы хотите сделать?

— Мы хотим устроить каток на зиму.

— А, хорошо, хорошо! Делайте, что ж... А где вы его хотите сделать?

Костя рассказал, что мы хотим разровнять в садике землю, полить водой и провести электричество, чтобы можно было кататься при свете.

Управдом одобрил наш план. Он заметно повеселел, так как сначала испугался и подумал, что мы хотим заставить его самого вести спортивную работу, но, увидев, что от него ничего такого не требуется, сказал:

— Действуйте, ребятаки, а если что понадобится, приходите ко мне.

— Вот что значит дипломатический разговор! — сказал Мишка, когда мы вышли от управдома. — Ты молодец, Костя. Я теперь тоже так буду.

После этого мы организовали ребят и сказали, что, кто не будет работать, того не пустим кататься. Поэтому все рьяно взялись за дело. Кто-то из ребят придумал разломать с одной стороны заборчик и отнести его шагов на десять в сторону, чтобы каток получился шире.

Всё у нас шло очень ловко и хорошо, но только до тех пор, пока нашу работу не заметила Лёлькина мама.

— Это что у вас за строительство? — спросила она. — Зачем разоряете садик?

Мы с Костей стали объяснять ей, что здесь будет каток.

— Ну каток, — говорит она. — А зачем же клумбы уничтожать? Делайте себе каток вокруг клумб.

Мы с Костей хотели объяснить ей всё вежливо, но тут в дело вмешался Мишка.

— Как же вокруг клумб кататься? — с презрением на лице сказал он. — Разве вы не видите, что они четырёхугольные? Или вы ничего не понимаете своей головой?

— Я-то своей головой всё понимаю, — ответила Лёлькина мама. — А вот ты, видно, не понимаешь. Вот пойду скажу управдому, что вы здесь затеяли.

— Ха-ха! — сказал Мишка. — Идите. И скажите. И посмотрим, что вам управдом скажет.

От управдома Лёлькина мама вернулась злая-презлая. Видно, он объяснил ей, что разрешил нам делать каток. Она больше ничего не сказала нам, но вместо этого стала говорить всем жильцам, что теперь маленьким детям даже погулять будет негде, а Григорию Кузьмичу из пятой квартиры наябедничала, что мы перенесли заборчик и теперь он не сможет выехать из гаража на своей автомашине. Григорий Кузьмич моментально из дома выскочил и стал требовать, чтобы мы перенесли заборчик обратно. Мы с Костей вежливо начали объяснять ему, что машина проедет, но тут снова вмешался Мишка.

— Смотрите, — закричал он, — сколько здесь для проезда места! Разве вы не понимаете, что машина свободно проедет? Должна же у вас голова хоть немного соображать!

Услышав такую грубость, Григорий Кузьмич страшно рассердился, привёл управдома и стал доказывать, что заборчик надо поставить на место, а управдом стал доказывать, что заборчик может и здесь стоять. Кончилось тем, что они поссорились и Григорий Кузьмич побежал писать на управдома жалобу, а управдом сказал нам:

— Имейте в виду, больше я ни с кем из-за вас ругаться не стану. Если ещё хоть кто-нибудь на вас пожалуется, запрещаю делать каток!

— Это всё ты виноват! — сказал Костя Мишке. — И что ты всё лезешь со своими грубостями? Не можешь говорить дипломатично — молчи!

— Я ведь дипломатично, — ответил Мишка.

В общем, из-за Мишки мы со всеми жильцами

поссорились. Все были недовольны нами и только и делали, что ворчали на нас.

Через несколько дней наступила оттепель, и работать нам стало легче. Мы разровняли площадку, сделали по краям земляной бортик, даже заборчик покрасили и принялись за устройство электрического фонаря. Деньги собрали со всех ребят, купили электрический шнур, лампочку и патрон. Столб для фонаря у нас уже давно был. Он остался после ремонта дома и лежал посреди двора. Мы его врыли в землю, а проводку нам помог сделать дядя Серёжа из девятой квартиры. Такой хороший человек оказался. Мы даже хотели про него написать в газету, но сначала некогда было, а потом как-то забыли.

И вот, когда всё было сделано и наш фонарь готов был засиять над катком ярким светом, в дело вмешалась дворничиха тётя Даша.

— Вот что, ребятушки, — сказала она, — столб вам придётся отдать, потому что на будущее лето он для ремонта понадобится.

Костя принялся доказывать ей, что столбу мы ничего плохого не сделаем, и в конце концов он, наверное, уговорил бы её, но тут Мишка не выдержал.

— Постой, — говорит, — сейчас я ей всё дипломатически объясню. — Он оттолкнул Костю и давай кричать: — Это что, по-вашему, столб? А для чего, по-вашему, сделали столб? По-вашему, столб сделали, чтоб он, дожидаясь ремонта, целую зиму под снегом гнил? У вас что на плечах, голова или ещё что-нибудь?

Кончилось тем, что тётя Даша рассердилась и побежала в домоуправление.

— Вот видишь, что ты наделал, — сказал Костя. — Управдом ведь предупредил, что больше терпеть не станет.

Все ребята на Мишку набросились.

— Из-за тебя, — говорят, — каток запретят! Даром трудились только!

Мишка готов был рвать на себе волосы от досады.

— И как это у меня вырвалось? — убивался он.

Вдруг смотрим — тётя Даша обратно бежит, а за ней управдом. Мишка увидел, уцепился руками за столб и как завоет:

— Не отдам столб, не отдам! Я накоплю денег и заплачу вам за него. Целую зиму не буду мороженого есть.

Управдом услышал и только рукой махнул.

— Ладно, — говорит, — берите себе этот столб.

И ушёл. А тётя Даша увидела, что у неё ничего не вышло, и говорит:

— Хорошо же! Мы ещё поговорим с вами!

И вот потянулись самые тяжёлые дни. Две недели подряд стояла оттепель, даже лёгонького морозца не было. Снег иногда падал, но тут же таял и только разводил слякоть. Мы с Мишкой начали думать, что в этом году уже совсем не будет зимы, и приходили в отчаяние.

Наконец ударил долгожданный мороз. И тут у нас начались новые приключения. Никто не хотел нам давать воды для катка. Сначала мы пошли к тёте Даше и стали просить, чтоб она дала нам свой дворницкий шланг, чтобы полить каток из шланга, но она не дала.

Говорит:

— Я вообще против вашего катка. Весной растает, а убирать мне! Все жильцы против катка. Вот мы напишем управдому заявление, чтоб разорил.

Мы говорим:

— Не даёте, мы и без вас польём. Каток замёрзнет, сами придёте к нам кататься.

— И не приду! А замёрзнет, так я его золой посыплю, всё равно никто не будет кататься.

Мы стали таскать воду вёдрами из кухни шестой квартиры, но нас скоро оттуда прогнали: сказали, что мы нанесли им грязи. А какая там грязь, когда во дворе никакой грязи не было! Стали мы таскать воду из первой квартиры, но нас и оттуда выгнали. Мы пошли в четвёртую, нас стали и оттуда гнать!

Тут Мишка вспомнил, что у дяди Андрея из двадцатой квартиры есть маленький шланг. Мы все видели, как дядя Андрей обмывал летом из этого шланга свой мотоцикл. Мы пошли и попросили у него этот шланг. И какой оказался человек добрый! Дал шланг и даже сказал, что пусть будет у нас до конца зимы. Бывают же такие люди на свете! Мы про него тоже решили написать в газету, но потом тоже почему-то забыли. Всё было как-то не до того.

Завладев шлангом, мы пошли на кухню четвёртой квартиры. Там два водопроводных крана. Мишка сказал:

— Здесь мы никому не помешаем: к одному крану привернём шланг, а из другого пусть жильцы берут воду.

Мы присоединили шланг к крану и принялись поливать каток. Сначала дело шло хорошо. Струя воды

с силой била из шланга и доставала во все уголки площадки. Мишка держал шланг обеими руками и улыбался во всю ширину лица. Струя шипела, трещала, так что у всех становилось радостно на душе. Неожиданно произошла задержка: струя вдруг стала слабее, потом словно увяла и совсем перестала течь.

— Что такое? — удивился Мишка. — Наверно, шланг отскочил от крана.

Прибежали на кухню. Шланг на месте, а вода не течёт. Смотрим — кран закрыт.

— Что за ехидство? — говорит Мишка. — Кому это понадобилось повернуть кран?

Отвернули мы кран, стали поливать снова. Вдруг опять — стоп! — не течёт вода. Прибегаем на кухню, снова никого нет, а кран привёрнут.

И так несколько раз.

Наконец мы догадались поставить у крана стражу, и только после этого дело пошло на лад. Поздней ночью мы кончили поливать каток, но так и не узнали, кто придумал это озорство с краном.

За ночь вода замёрзла крепко-накрепко. На следующий день состоялось торжественное открытие катка. Все ребята собрались вокруг. Лёд блестел, что твоё зеркало. Мишка первый выехал на середину льда.

— Каток объявляю открытым! — закричал он и тут же шлёпнулся.

Все, как по команде, бросились на лёд, и пошло катание. Катались и на коньках и без коньков. Все смеялись и падали. Коньки звенели и с шипением резали лёд. Катались даже те, которые не строили катка, но мы им не запрещали. Хотелось, чтоб в такой день все

были радостные и счастливые. Даже взрослые вышли во двор и смотрели на наше веселье. А управдом Дмитрий Савельевич тоже пришёл и сказал:

— Вот куплю себе коньки и буду приходить по вечерам кататься. Вспомню молодость!

Потом он на самом деле купил коньки и часто ночью, когда ребята уже давно спали, приходил и катался на нашем катке. Настолько хороший человек оказался, что хотелось написать о нём в газету!

Наш каток был хороший, большой и крепкий. Про него ничего нельзя было сказать плохого. Но скоро катающихся оказалось так много, что всем не хватало места. И вот Мишка, чтоб разгрузить каток, придумал меру: у кого двойка — не пускать на каток, пока не исправит. С тех пор каждый, кто приходил кататься, должен был показать свой дневник. Некоторым двоечникам пришлось подтянуться.

Кончилось дело тем, что Мишка сам схватил двоечку по русскому языку. Уж очень он увлёкся катанием. После школы он даже не пошёл на каток. Ему стыдно было показывать свой дневник ребятам.

В этот день на катке шла игра в хоккей. Многие взрослые пришли посмотреть на нашу игру. Все глядели на нас, и никто не ругался. Даже тётя Даша смотрела и ласково улыбалась. Она была довольна, что её маленький Шурик играет вместе со старшими ребятами и никто не прогоняет его. Когда хоккейный мячик выскакивал с катка за бортик, она поднимала его и бросала обратно на лёд.

Вдруг Глебкина мама заметила, что среди играющих нет Мишки.

— Слушайте, где же Миша? — спросила она. — Строил, строил каток, а сам не катается. Может быть, он болен?

— Надо бы провести его, — сказала Лёлькина мама.

Они обе решили пойти провести Мишку. Я пошёл проводить их. Когда мы пришли, Мишка сидел за столом и делал уроки.

— Почему же ты, Миша, не катаешься? — спросила Глебкина мама.

Мишка сказал, что ему задали много уроков и сегодня он на каток не пойдёт.

— Ты хороший мальчик, — сказала Глебкина мама. — Это вы хорошее дело придумали — устроить каток.

А Лёлькина мама сказала:

— С катком и родителям стало гораздо спокойнее. В прошлую зиму моя Лёлечка каталась на улице и чуть не попала под автомобиль. В прошлом году все ребята катались на улице, а теперь их на улицу и калачом не заманишь. Все липнут к этому катку, как не знаю к чему!

Они поговорили между собой и ушли.

— Вот видишь! — сказал Мишка. — А помнишь, как все нас ругали, говорили — золой засыплют, не давали нам шланг, не давали воды! А теперь сами благодарят. Да ладно, — махнул он рукой. — Что с них спрашивать!

Мне было жалко, что Мишка не может пойти на каток. Я тоже решил не кататься в этот день, а вместо этого засесть за уроки, потому что и у меня кое-что было сильно запущено. Я пошёл домой и занимался до поздней ночи, сделал уроки как следует, а когда всё было выучено, я, вместо того чтоб лечь спать, нацепил коньки и вышел во двор.

Над нашим катком ярко горела лампочка. Вокруг стояли деревья с белыми, точно сахарными, веточками. Сверху падали крупные хлопья снега и мягко ложились на лёд. А среди этих хлопьев кружилась по катку маленькая фигурка. Я присмотрелся получше и увидел, что эта фигурка был просто Мишка. Он тоже, вроде меня, не мог прожить ни одного дня без катка.

Недавно в вечерней газете писали, что первым в этом сезоне открылся каток динамовцев на Петровке. Но это неправда! Первый каток в эту зиму был открыт у нас во дворе. Он начал работать на полторы недели раньше, чем каток на Петровке, только никто не догадался написать об этом в газету.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ И ЕГО ДРУЗЕЙ

Глава первая. Коротышки из Цветочного города	5
Глава вторая. Как Незнайка был музыкантом.....	11
Глава третья. Как Незнайка был художником	14
Глава четвёртая. Как Незнайка сочинял стихи	19
Глава пятая. Как Незнайка катался на газированном автомобиле	23
Глава шестая. Как Знайка придумал воздушный шар.....	29
Глава седьмая. Подготовка к путешествию	35
Глава восьмая. В путь	42
Глава девятая. Над облаками	46
Глава десятая. Авария.....	52
Глава одиннадцатая. На новом месте	59
Глава двенадцатая. Новые знакомые	66
Глава тринадцатая. Разговор за столом	72
Глава четырнадцатая. Путешествие по городу.....	79
Глава пятнадцатая. В больнице	87
Глава шестнадцатая. Концерт.....	94
Глава семнадцатая. Поход Винтика и Шпунтика в город Змеевку	98
Глава восемнадцатая. В Змеевке	103
Глава девятнадцатая. В гостях у Смекайлы	109
Глава двадцатая. Тюбик работает	116
Глава двадцать первая. Возвращение Винтика и Шпунтика.....	122
Глава двадцать вторая. Чудеса механизации	127
Глава двадцать третья. Побег	131
Глава двадцать четвёртая. Рационализация Тюбика.....	137

Глава двадцать пятая. Лечение Пульки.....	141
Глава двадцать шестая. Возвращение Гвоздика.....	147
Глава двадцать седьмая. Неожиданная встреча.....	151
Глава двадцать восьмая. Примирение	157
Глава двадцать девятая. На балу.....	161
Глава тридцатая. Возвращение	171

СТИХИ И ПЕСЕНКИ

Про Незнайку	181
Про Гуньку.....	182
Про Растеряйку.....	183
Про охотника Пульку.....	184
Про Торопыжку	185
Про Пончика	186
Про поэта Цветика.....	187
Про астронома Стекляшкина	188
Про Знайку.....	189
Частушки	190
Незнайка.....	191
Песенка доктора Пилюлькина	195
Песенка доктора Медуницы	198
Песенка доктора Касторкиной	200
Песенка бывшего осла Брыкуна	202
Песенка бывшего осла Калигулы.....	203
Песенка бывшего осла Пегасика.....	204
Песенка про Кузнечика	207
Стихи о воздушном шаре.....	208
Песенки Винтика и Шпунтика	209
Про комара.....	210
Песенка волшебника	211
Песенка милиционера Свистулькина.....	212
Незнайка о себе	213

РАССКАЗЫ

Винтик, Шпунтик и пылесос	217
Находчивость	220
Замазка	223
Фантазёры.....	227
Живая шляпа	233
На горке	235
Саша	237
Метро	246
Прятки	249
Ступеньки	252
Карасик.....	254
Затейники.....	261
Леденец.....	263
Про репку	265
Милиционер	275
Огурцы.....	277
Бобик в гостях у Барбоса.....	281
Дружок.....	287
Наш каток	305

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н84

Носов Н. Н.
Н84 Малышам. — М.: Издание И. П. Носова: Дрофа-Плюс,
2004. — 320 с.: ил.
ISBN 5-98324-009-9 (Носов И. П., ПБОЮЛ)
ISBN 5-9555-0271-8 («Дрофа-Плюс»)

В книгу «Малышам» вошли замечательные короткие рассказы, которые принесли Николаю Носову славу самого веселого детского писателя России XX века, песенки и стихи «Про Незнайку и других коротышек», а также популярнейший роман-сказка «Приключения Незнайки и его друзей»

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

*Литературно-художественное издание
Для чтения родителями детям*

Николай Николаевич Носов
МАЛЫШАМ

Художники
Ольга Игоревна Зобнина
Иван Максимович Семенов

Корректор *С. П. Мосейчук*
Компьютерная верстка *Н. Г. Исаева, Н. М. Чебуняева*
Оформление и преппресс *Г. Н. Гуров, А. С. Козлов*

Гигиенический сертификат 77.99.02.953.П.001153.08.03 от 04.08.2003 г.

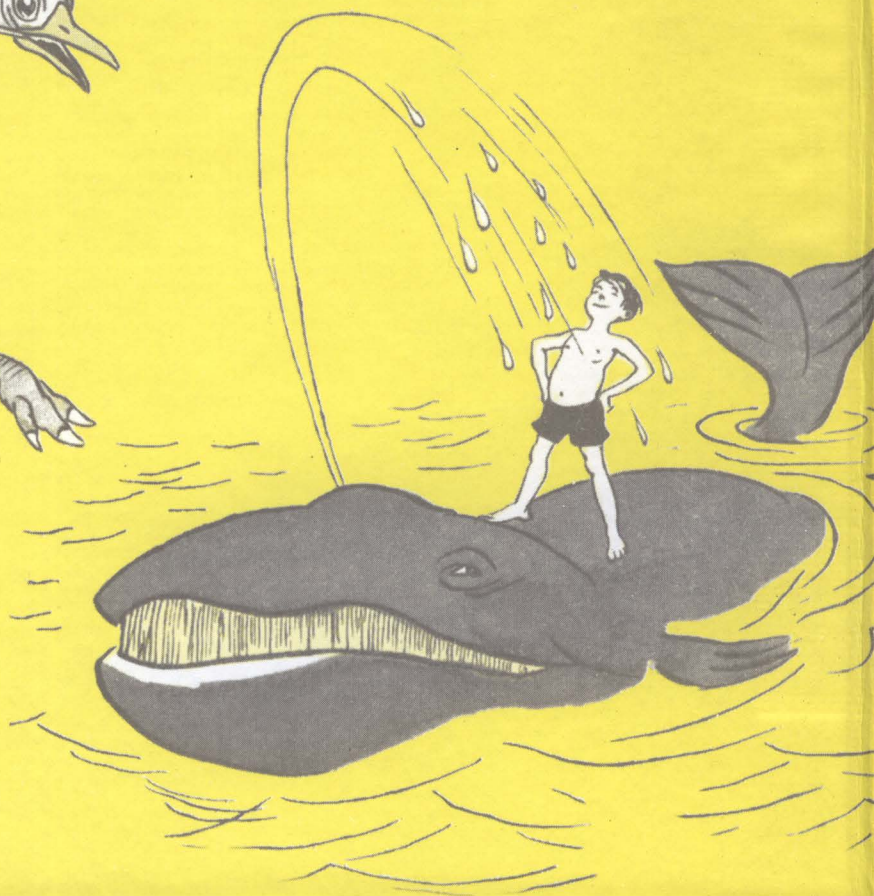
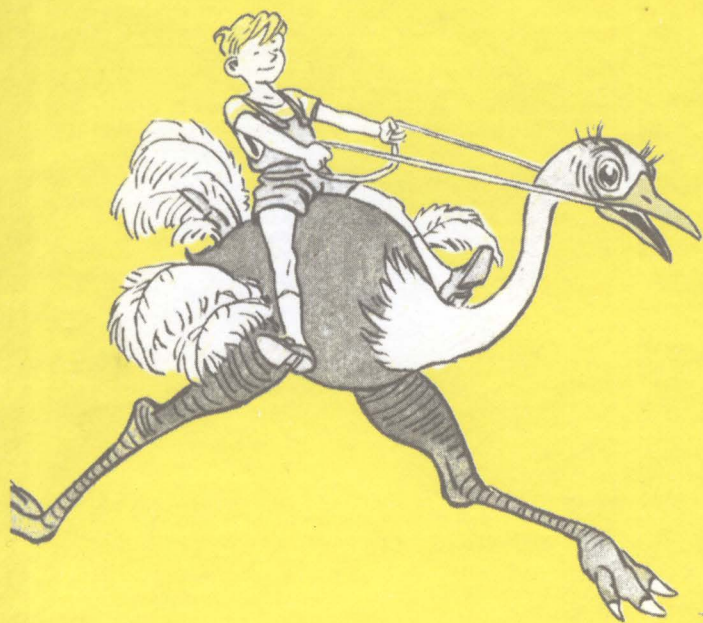
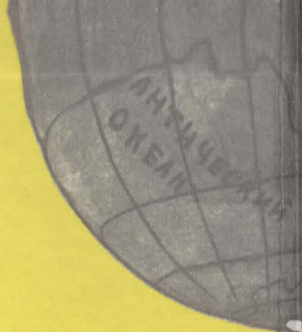
Подписано в печать 19.01.04.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 10 000 экз. Заказ № 7370.

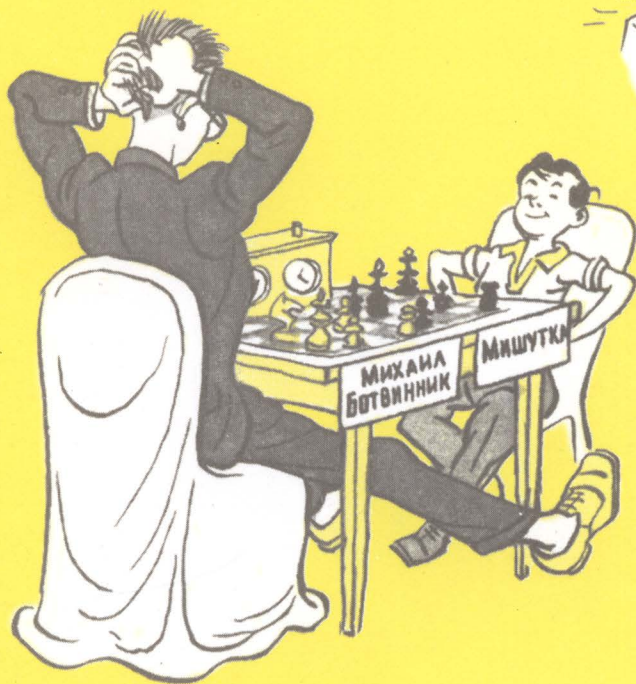
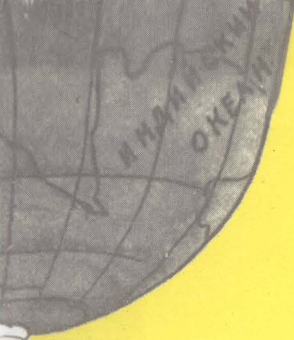
Издание И. П. Носова. 121165, Москва, а/я 10.
Москва, 2004
ООО «Дрофа-Плюс». 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

**По вопросам приобретения продукции издательства «Дрофа-Плюс»
обращаться по адресу:** 127018, Москва, Сушевский вал, 49.
Тел.: (095) 795-0550, 795-0551. Факс: (095) 795-0550 доб. 30-12
WWW: [http:// www.drofa.ru](http://www.drofa.ru)
E-mail: osipova@drofa.ru, svb@drofa.ru, trunov@drofa.ru

Отпечатано в типографии Федерального государственного унитарного
издательско-полиграфического предприятия «Янтарный сказ»
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

ISBN 5-98324-009-9 (Носов И. П., ПБОЮЛ) © Носов. Текст, художественные образы,
оформление, 2004
ISBN 5-9555-0271-8 («Дрофа-Плюс») © ООО «Дрофа-Плюс», 2004

МАЛЫШАМ
для малышей и малышей
от Незнайки и других коротышек

Роман-сказка
«Приключения Незнайки
и его друзей»

◇

Стихи и песенки
«Про Незнайку и других коротышек»

◇

Весёлые рассказы
«Фантазёры»
«Замазка»
«Огурцы»

ISBN 5-9555-0271-8

9 785955 502717